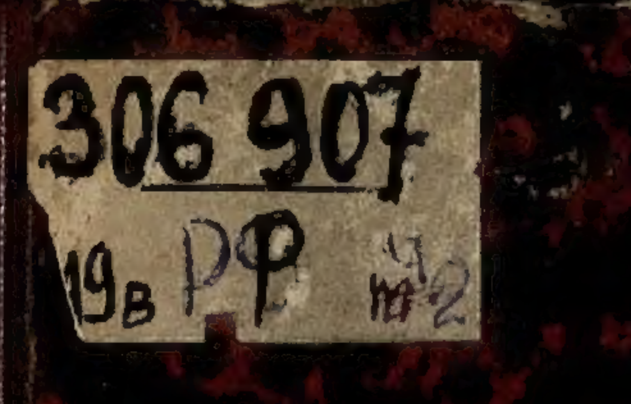
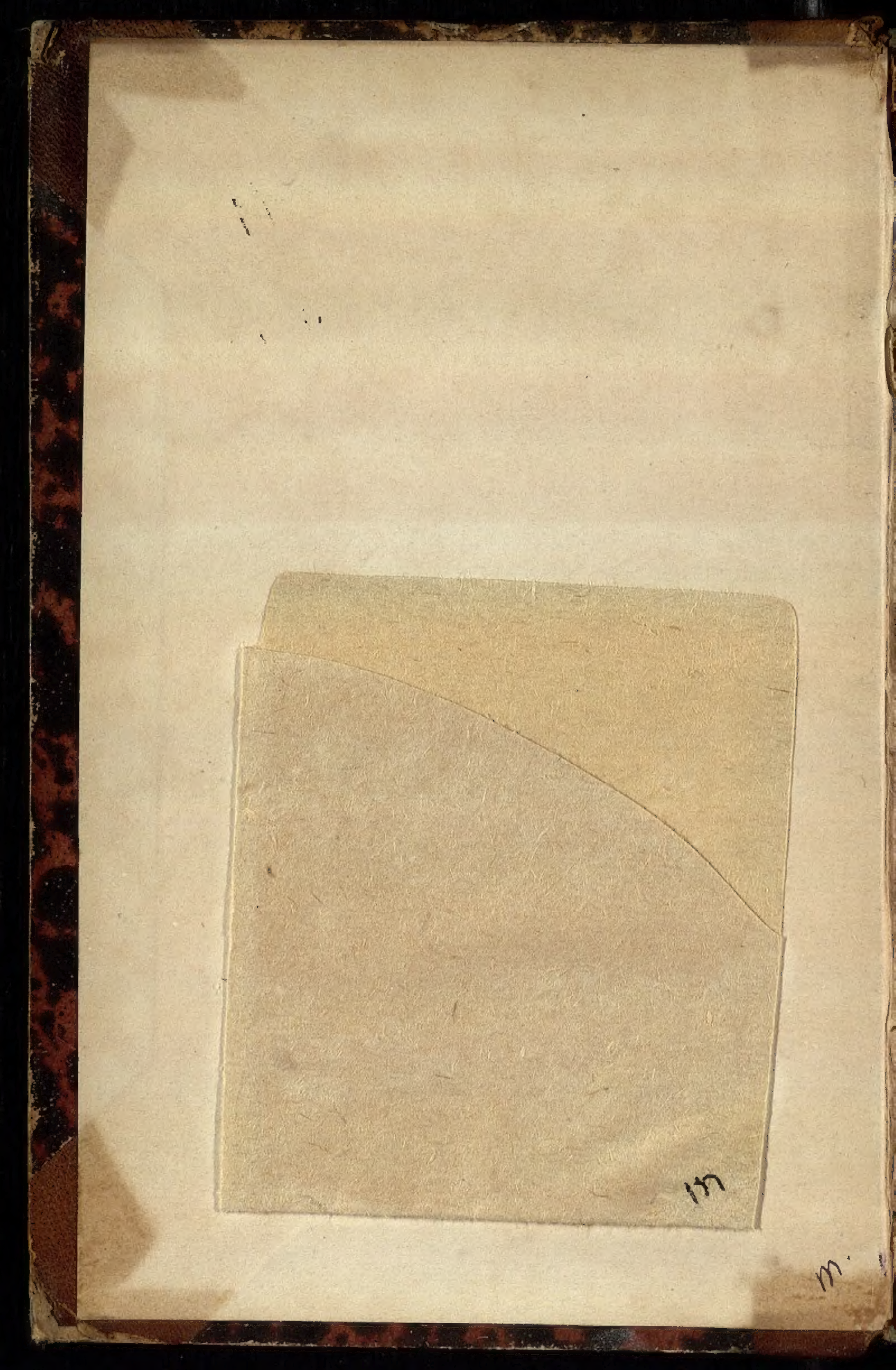
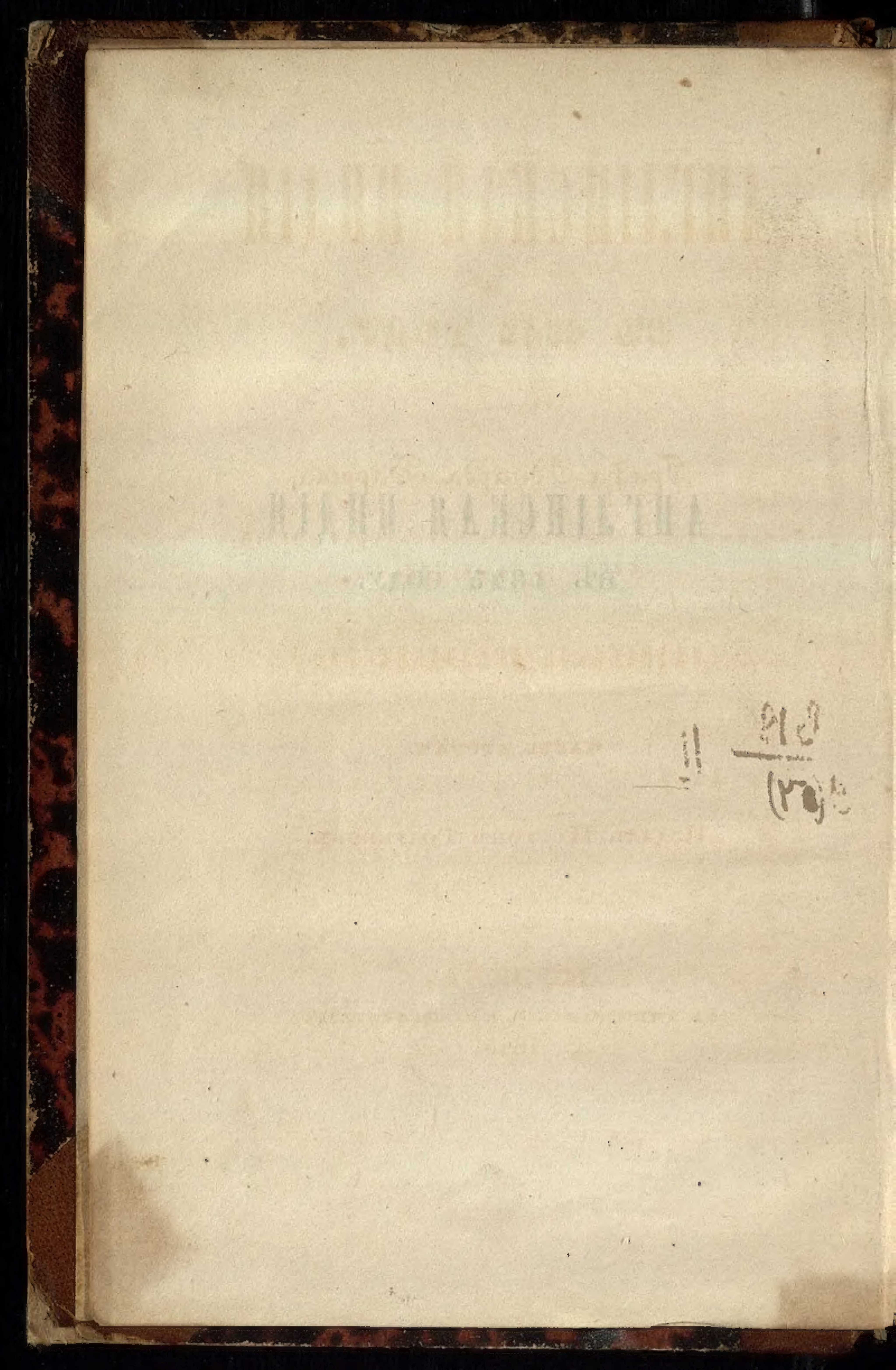

АНГЛІЙСКАЯ ИНДІЯ

ВЪ 1843 ГОДУ.

АНГЛІЙСКАЯ ИНДІЯ

ВЪ 1843 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ

Графа ЭдуардаВаррена,

СЛУЖИВШАГО ОФИЦЕРОМЪ КОРОЛЕВСКО-АНГЛІЙСКОЙ АРМІИ ВЪ ИНДІИ.

(МАДРАССКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО.)

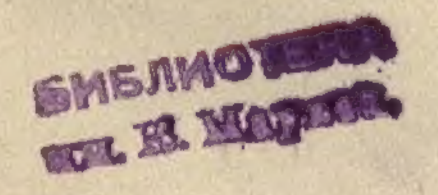
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Издалъ Платонъ Голубковъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Маія 8 дня, 1845 года. Ценсоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

XIV.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОЛКЪ; СОСТАВЪ АНГЛІЙСКАГО ПОЛКА. — РАВЕНСТВО МЕЖДУ ВСѢМИ ОФИЦЕРАМИ ПО ЗВАНІЮ ДЖЕНТЛЬМЕНА. — УЧРЕЖДЕНІЕ ВОЕННОЙ *массы* (ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВЪ); ПРЕЗИДЕНТЪ *массы*; ПРЕЗИДЕНТЪ СТОЛА. — СТРОГАЯ ПОДЧИНЕННОСТЬ СОЛДАТЪ ОФИЦЕРАМЪ.

По рекомендательному письму, которое дано мнѣ было къ одному артиллерійскому офицеру беллерійскаго гарнизона, я нашелъ себѣ пристанище до тѣхъ поръ, пока успѣлъ осмотрѣться на новомъ для меня поприщѣ и узнать настоящее свое назначеніе. Такого рода рекомендація, въ странѣ, классической по гостепріимству, почти всегда даетъ вамъ право поселиться у незнакомаго человѣка, какъ въ своемъ собственномъ домѣ: и столъ, и прислуга, и

экипажъ, словомъ: весь домъ къ вашимъ услугамъ. Въ странѣ—гдѣ нѣтъ ни гостинницъ для путешественниковъ, ни пріюта, въ которомъ-бы можно было помѣстить болѣе двухъ семействъ за одинъ разъ въ самомъ многолюдномъ центрѣ населенія, и гдѣ постоянно ведутъ кочующій образъ жизни—признали необходимымъ ввести подобный обычай и вмѣнить его, нѣкоторымъ образомъ, въ обязанность всѣмъ и каждому. Чтó отдаешь нынче, тò получаешь завтра—это мѣна, въ которой всѣ выигрываютъ. Впрочемъ, понятно, что такая система можетъ существовать только въ странѣ, гдѣ есть одно привилегированное общество, въ которомъ каждый имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, гдѣ каждый узнается по цвѣту тѣла, по мундиру, по языку, и въ которое никакой авантюристъ не найдетъ себѣ дороги. Гостепріимство это можетъ только процвѣтать въ спокойной атмосферѣ колоній—тамъ, гдѣ мало нуждъ и гдѣ первыя потребности жизни дешевы. Мо-

жетъ быть, ни въ какомъ другомъ корпусѣ индійской арміи оно не процвѣтаетъ до такой степени, какъ въ корпусѣ артиллеріи. Артиллерійскіе офицеры скорѣе сдружаются съ офицерами королевской арміи, подобно имъ начальствующими надъ Европейцами, и слѣдовательно менѣе обладаемыми тою завистью по службѣ, которая раздражаетъ офицера, начальствующаго надъ сипаями, всегда готоваго поднять перчатку по случаю безконечнаго спора о военномъ достоинствѣ туземцевъ.

Киркпатрикъ Тиммисъ и Ліонъ Барроу, оба поручики артиллеріи, были самыми веселыми собесѣдниками и самыми пріятными товарищами, какихъ только можно пожелать въ гостиной, или за общимъ столомъ. Первый изъ нихъ недавно похищенъ преждевременною смертью, какъ жертва климата; другой живетъ еще подъ знойнымъ небомъ Индіи; да будетъ оно ему благопріятнѣе, нежели доброму другу его! У нихъ-то поселился я на нѣкоторое

время, прежде нежели узналъ о своемъ назначеніи.

Сердце мое сильно билось, когда переступалъ я чрезъ порогъ бонгало, въ которомъ находился мой начальникъ; случай привелъ уже меня встрѣтиться съ нимъ въ Гайдерабадѣ, куда пріѣзжалъ онъ для засѣданія въ военномъ совѣтѣ; но тогда я не заботился узнать его короче, нисколько не подозрѣвая, что судьба сблизитъ насъ впослѣдствіи. Въ то время, какъ явился я, онъ сидѣлъ за столомъ, покрытымъ дѣловыми бумагами, между двумя офицерами, изъ которыхъ на одномъ была адъютантская сабля въ стальныхъ ножнахъ. Подполковникъ Карлъ Милль могъ быть лѣтъ пятидесяти; желтовато-блѣдный цвѣтъ лица показывалъ, что онъ долго служилъ въ неблагопріятныхъ для здоровья тропическихъ климатахъ. Это былъ ветеранъ испанской арміи, котораго вся жизнь проведена въ лагерѣ и которому неловко было въ гостиной. Глаза его были проницательны и

исполнены ума; но какая-то невольная застѣнчивость заставляла его часто опускать ихъ, и онъ говорилъ съ разстановкой, впрочемъ, языкомъ отборнымъ и весьма изящнымъ. Шотландецъ и патріотъ до послѣдней крайности, подобно всѣмъ единоземцамъ своимъ, онъ въ двадцати сраженіяхъ научился уважать Французовъ, но никакъ не могъ полюбить ихъ. Въ жизнь свою онъ столько разъ переносился съ одного полушарія на другое, что ему некогда было жениться, и всю нѣжность свою сосредоточилъ онъ на одномъ молодомъ человѣкѣ, землякѣ и дальнемъ родственникѣ своемъ, котораго хлопоталъ опредѣлить на доставшуюся мнѣ ваканцію прапорщика (или подпоручика) и который два года служилъ уже на его счетъ волонтеромъ. Этотъ молодой человѣкъ, Александръ Кампбель, былъ любимецъ всего полка; никто не сомнѣвался въ опредѣленіи его, и общее недоумѣніе смѣнилось ужаснымъ негодованіемъ, когда разнесся слухъ, что счастливый соперникъ

его былъ иностранецъ. Подъ этимъ, вдвойнѣ неблагопріятнымъ впечатлѣніемъ явился я въ полковое общество и къ своему начальнику.

Однако-же съ отличною вѣжливостью принялъ онъ объявленіе моего чина и моего имени. Въ разговорѣ его со мною не было ни малѣйшаго вида власти—ни малѣйшаго начальническаго тона. Онъ привѣтствовалъ меня по случаю опредѣленія въ полкъ; полагалъ, что путешествіе мое было пріятно; слегка коснулся военнаго ученья, которому я долженъ былъ подвергнуться, и заключилъ разговоръ шутливымъ замѣчаніемъ о строгой дисциплинѣ въ 55-мъ полку и о важности для меня снискать благорасположеніе Г-на адъютанта, который обязанъ руководствовать меня въ военныхъ занятіяхъ и быть судьей моихъ успѣховъ. Потомъ отдалъ приказъ насчетъ моей экипировки, и обращаясь къ другому офицеру, сказалъ: »Г. Дóбени! вы сдѣлаете одолженіе—представите Г-на Варрена нашимъ товарищамъ.

(brother officers); я увѣренъ, что, въ кругу ихъ, онъ найдетъ самое пріятное общество. . . . Прощайте, господа, я буду имѣть честь видѣться съ вами за общимъ столомъ.»

Я вышелъ съ тѣмъ офицеромъ, которому поручено было представить меня въ полковое общество; это былъ молодой человѣкъ прекрасной наружности, съ лицомъ круглымъ, бѣлымъ и румянымъ, полнымъ откровенности и добродушія; онъ страстно любилъ военную службу, и былъ приверженцемъ своего полка. Съ какимъ-то прискорбіемъ смотрѣлъ онъ на французскій покрой моего черпаго платья, и не говоря о томъ прямо — чрезвычайно жалѣлъ, что я такъ одѣтъ въ день большаго полковаго обѣда. Онъ вызвался идти со мною къ сержанту-портному и присмотрѣть за подробностями моей экипировки, желая, чтобъ все было сдѣлано какъ можно лучше. Благодаря его за это одолженіе, я не могъ не усмѣхнуться, и забавлялся его важнымъ видомъ

покровительства. Впрочемъ, онъ весьма любезно представилъ меня обществу офицеровъ.

Я былъ очень счастливъ въ выборѣ для себя полка, потому что большая часть офицеровъ имѣли полное право на титло джентльменовъ. Всѣ они принадлежали къ аристократіи по происхожденію, по воспитанію, или по богатству, и составляли общество, которое было несравненно превосходнѣе обыкновенно существующихъ между военными людьми. Однихъ по сіе время я люблю и уважаю; другіе, которыхъ взяла могила, оставили съ душѣ моей горькую печаль, и съ какимъ-то удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ грустью, привожу я себѣ на мысль ихъ имена и характеры, глубоко запечатлѣнные въ моей памяти, и нѣкоторые эпизоды моей жизни, тѣсно соединенные съ ихъ жизнію.

Упомяну о полковомъ адъютантѣ *, не-

* Во французскомъ полку нѣтъ степени, вполнѣ соотвѣтствующей званію адъютанта у Англичанъ, которое соединяетъ въ себѣ двѣ должности: ка-

счастномъ Геріотѣ, прекраснѣйшемъ собою, храбрѣйшемъ и благороднѣйшемъ изъ людей. Едва-ли блестящій англійскій мундиръ когда нибудь облекалъ собою болѣе красивыя формы; никогда еще болѣе тихіе взоры и чело болѣе благородное и спокойное, не напоминали мнѣ такъ живо слѣдующаго прекраснаго стиха:

L'homme est un dieu tombé qui se souvient des cieux.

Едва-ли когда нибудь молодое сердце, при вступленіи на поприще жизни, билось бо́льшимъ мужествомъ, благородною гордостью и честью. Онъ уже готовъ былъ сдѣлаться начальникомъ роты, какъ вдругъ семейство его разорилось; наслѣдство, доставшееся ему послѣ матери, предоставилъ онъ престарѣлому отцу своему, и надолго лишился всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи по службѣ въ арміи, гдѣ всякій чинъ пріобрѣ-

питана учителя и капитана старшаго адъютанта. Въ Англійской арміи онъ всегда имѣетъ чинъ поручика и, по большой части, бываетъ изъ выслужившихся солдатъ. Но тотъ, о которомъ говорю, не принадлежитъ къ числу послѣднихъ; онъ происходитъ отъ одной изъ лучшихъ фамилій и, кажется, учился въ военной школѣ. *Пр. Соч.*

тается покупкою. Въ первомъ сраженіи онъ упалъ безъ чувствъ, пораженный нѣсколькими пулями, но не имѣлъ счастья умереть. У него нѣтъ креста въ петлицѣ. Небольшую пенсію свою, не позволяющую ему выйти въ отставку, отсылаетъ онъ молодой женѣ, которая не имѣетъ средствъ сопутствовать мужу. Онъ влачитъ еще жизнь въ рядахъ нашихъ воиновъ, слабый, истощенный, все еще поручикомъ и безъ надежды получить слѣдующій чинъ, который былъ бы для него маршальскимъ жезломъ. Онъ разлюбилъ уже свое званіе, и во всемъ полку нѣтъ человѣка, который-бы не жалѣлъ и съ удовольствіемъ не вызвался успокоить его, отправляя каждый разъ за него службу. Онъ отправился въ Китай — искать смерти: если найдетъ ее, то друзья, оплакивая его, должны ли жалѣть о немъ? Нѣтъ! потому что для него уже не существуетъ счастья въ жизни; душа его слишкомъ прекрасна — и не ему ожидать успѣха въ свѣтѣ.

А мой товарищъ, мой другъ, мой братъ, прапорщикъ Генри Бейли! сколько разъ, рядомъ другъ съ другомъ, утомлялись мы, во время безконечныхъ маневровъ, нося два полковыя знамени до тѣхъ поръ, пока онѣмѣютъ руки наши подъ ихъ благородной тяжестью! Но прахъ его покоится на мрачномъ кладбищѣ близъ небольшаго города Госпорта подъ влажнымъ небомъ его родины, и. . . . Я не хочу питать этого воспоминанія: оно слишкомъ для меня тягостно.

Въ этихъ двухъ лицахъ нашелъ я настоящій англійскій типъ и, въ то-же время, такую степень совершенства, до какой Французу, можетъ быть, не дано достигнуть. Читатель могъ уже замѣтить, что я не расположенъ слишкомъ снисходительно смотрѣть на недостатки англійскаго общества; я и не сравниваю его съ французскимъ обществомъ вразсужденіи привлекательныхъ качествъ: общежительности, снисходительности, простоты, словомъ — вразсужденіи всѣхъ пріятностей, составляющихъ счастье

жизни, каковы: предупредительность, простодушіе, прелесть пріемовъ. Но какъ бриліантъ не находится въ золотой или серебряной рудѣ, а въ грубыхъ слояхъ песчаника, такъ и наиболѣе совершенный типъ человѣка скрывается въ суровыхъ элементахъ нашихъ сосѣдей; истинный англійскій джентльменъ есть фениксъ человѣческой природы. Для достиженія до него, Французу недостаетъ болѣе возвышеннаго, болѣе искренняго чувства собственнаго своего достоинства и религіознаго уваженія къ той искрѣ божества, которую Всемогущій вдохнулъ въ душу человѣка. Между всѣми нами едва ли найдется хотя одинъ, который бы ни въ какомъ случаѣ не измѣнилъ своему великодушію. Какъ бы ни былъ хорошъ Французъ въ обществѣ, передъ иностранцами, или передъ дамами, но—по самому простодушію своему — онъ тотчасъ дѣлается другимъ человѣкомъ, какъ скоро остается наединѣ съ своимъ другомъ, съ товарищемъ юности, свидѣтелемъ, или по-

вѣреннымъ первыхъ его шалостей. Мнѣ скажутъ, что это крайность двухъ добрыхъ качествъ: совершенной непринужденности и характеристической веселости нашего темперамента; но мы вообще имѣемъ и недостатки этихъ добрыхъ качествъ: наклонность къ непростительной увлекательности, къ преувеличенію, разгулу или шутовству—и удивительно, что недостатки эти ежеминутно встрѣчаются въ самыхъ серьёзныхъ, положительныхъ и умнѣйшихъ людяхъ. Благороднѣйшій изъ англійскихъ джентльменовъ никогда не выдетъ изъ границъ благоразумія, и ни въ какомъ случаѣ не поступитъ вопреки своему великодушію: въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ жизни онъ помнитъ и сознаётъ свое достоинство. Характеръ его не измѣняетъ ему, потому что совершенно согласенъ съ его наружностью. Онъ могъ бы жить въ стеклянномъ домѣ, и безъ зазрѣнія подвергать критикѣ каждый изъ своихъ проступковъ. При всемъ томъ изображенный нами чело-

вѣкъ не есть, такъ сказать, произведеніе чисто туземное; онъ долженъ напередъ подвергнуться многимъ переселеніямъ; дышать воздухомъ твердой земли и особливо Франціи: тогда только достигнетъ онъ полнаго своего развитія и освободится отъ нѣкоторыхъ, свойственныхъ его землѣ, дурныхъ качествъ — надменности, предразсудковъ и т. д. Но когда воспитаніе, обстоятельства и путешествіе благопріятствуютъ развитію такого человѣка, то его, по-истинѣ, можно назвать совершеннѣйшимъ созданіемъ въ мірѣ.

Въ 55-мъ полку былъ также, и теперь еще служитъ тамъ, другой дивный типъ человѣка, о которомъ Стернъ далъ намъ понятіе: это старый капитанъ, Шотландецъ, по имени Нόрманъ Макъ Линъ, самое вѣрное олицетвореніе превосходнаго характера *моего дяди Тоби*, въ Тристрамъ Шанди. Онъ извѣстенъ былъ въ полку подъ дружескимъ названіемъ *добряка*. Да покровительствуетъ

ему Аллахъ и пророкъ его, и да *возрастаетъ тѣнь его* *.

Потомъ слѣдуетъ толпа, на которой я не останавливаюсь: люди эти, какъ тѣни, являются и исчезаютъ. Они существуютъ въ моемъ воспоминаніи, и я мысленно переселяюсь къ нимъ; съ той пристани, въ которой нахожусь теперь, я еще слѣжу блуждающую жизнь ихъ на пространствѣ свѣта — съ любовью и благодарностью. Мое вступленіе въ ихъ общество не было однако-же счастливо; только по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ того успѣлъ я сблизиться съ ними и снискать ихъ дружбу. Я уже замѣтилъ, что явился въ кругъ своихъ сослуживцевъ при самомъ неблагопріятномъ для меня впечатлѣніи—какъ иностранецъ и какъ человѣкъ, перебившій мѣсто у любимаго ихъ товарища. Неудивительно, что меня приняли, хотя весьма вѣжливо, но съ убійственною холодностью. Я чувствовалъ, что долго еще не могу надѣяться на доброе ихъ

* Желаніе, изъявляемое магометанами друзьямъ своимъ. *Пр. Соч.*

расположеніе; что мнѣ предстоитъ, въ моральномъ одиночествѣ, продолжительное испытаніе, прежде нежели совершенно принятъ буду въ общество. Такая роль не радовала меня, но она была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ моего исключительнаго положенія, и я съ прискорбіемъ подчинился ей.

Королевско-англійскій полкъ въ Индіи составленъ слѣдующимъ образомъ:

1. Полковой командиръ, выбираемый изъ генераловъ, имѣющихъ чинъ генералъ-маіора и выше. Выборъ этотъ бываетъ иногда наградою за военныя услуги; но чаще — результатомъ особенной милости. Полковой командиръ почти постороннее лице въ отношеніи къ обществу офицеровъ, въ которомъ принимаетъ весьма мало участія. Это человѣкъ, неимѣющій никакихъ занятій по службѣ, но получающій огромныя выгоды отъ предоставленныхъ въ полное его распоряженіе суммъ на содержаніе полка: онъ обыкновенно передаетъ ихъ какому нибудь банкиру, или про-

стому подрядчику, который обязывается платить ему, за эту передачу, 25,000 франковъ въ годъ съ полка въ Англіи, и 50,000 франковъ съ полка въ Индіи.

2. Два подполковника, изъ которыхъ старшій командуетъ полкомъ.

3. Два маіора или батальонныхъ командира.

4. Десять капитановъ.

5. Двадцать три поручика; одинъ изъ нихъ полковой адъютантъ (adjudant-instructeur).

6. Восемь прапорщиковъ или подпоручиковъ.

7 и 8. Квартирмейстеръ и казначей. Оба офицера эти имѣютъ чинъ прапорщика.

Двое старшихъ подпоручиковъ, во время маневровъ, обязаны носить знамена: знамя Королевы и полковое. Если нѣтъ ни одного подпоручика, то обязанность эта переходитъ къ поручикамъ, въ отсут-

ствіе-же ихъ — къ капитанамъ. Но, во всякомъ случаѣ, знамя, какъ священный предметъ, можетъ быть поручено только офицеру *.

Штатъ полковаго госпиталя состоитъ изъ штабъ-лекаря и двухъ лекарей.

* Въ европейскихъ полкахъ бываетъ одинъ подполковникъ и только тридцать поручиковъ. *Пр. Соч.*

СИНОПТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ВСѢХЪ СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЕЙ КОРОЛЕВСКАГО ПОЛКА, ПОЛАГАЯ ВЪ НЕМЪ ОДИНЪ БАТАЛЬОНЪ ИЗЪ ДЕСЯТИ РОТЪ.

Офицеры.	Унтеръ-офицеры.	Сержанты при знаменахъ.	Вѣстовые сержанты.	Капралы.	Рядовые.	Кантонисты.
1 Полковой командиръ. 2 Подполковника. 2 Маіора. 10 Капитановъ. 22 Поручика. 1 Адъютантъ. 1 Квартирмейстеръ. 1 Казначей. 8 Прапорщиковъ. 1 Штабъ-лекарь. 2 Лекаря.	1 Старшій сержантъ. 1 Сержантъ квартермистръ. 1 Сержантъ-расходчикъ. 1 Сержантъ при госпиталѣ. 1 Сержантъ для переписки. 1 Сержантъ-учитель. 1 Сержантъ при цейггаузѣ. 1 Сержантъ-капельмейстеръ. 1 Сержантъ тамбуръ-мажоръ.	1 въ ротѣ.	3 въ ротѣ.	8 въ ротѣ.	92 въ ротѣ.	2 въ ротѣ.
51	9	10	30	80	920	20
Всего. . . . . 1120.						

Въ европейскомъ батальонѣ роты состоятъ изъ четырехъ сержантовъ и шестидесяти капраловъ и рядовыхъ. Въ мое время,

10-я рота стояла на квартирахъ въ Чатамѣ, и обязана была обучать рекрутъ, присылаемыхъ въ прочія полковыя роты, по мѣрѣ надобности въ укомплектованіи ихъ; но порядокъ этотъ недавно перемѣнили, и теперь всѣ роты подъ ружьемъ.

Военная дисциплина у Англичанъ совершенно различна отъ французской дисциплины. Общество офицеровъ отнюдь не составляетъ неограниченной монархіи, въ которой полковой командиръ повелитель; напротивъ, это республика съ іерархіею и конституціонною хартіею, которой законы написаны и непреложны. Но іерархія эта существуетъ только подъ ружьемъ, передъ непріятелемъ, на полѣ маневровъ и въ военномъ совѣтѣ; повсюду же въ другомъ мѣстѣ — совершенное равенство между офицерами, отъ прапорщика до подполковника. Всѣ они равны по званію джентльмена, потому что мундиръ равно облагороживаетъ каждаго изъ нихъ, а званіе джентльмена уважается

выше всѣхъ чиновъ. Если офицеръ поступитъ вопреки своему дворянскому достоинству, то онъ предается суду военнаго совѣта точно такъ же, какъ и за упущеніе по службѣ.

Для установленія и поддержанія равенства и братства, предписано военными постановленіями, чтобы всѣ офицеры одного полка, неженатые, или которыхъ жены не живутъ въ гарнизонѣ, отъ прапорщика до подполковника, составляли одинъ кругъ и имѣли одинъ общій столъ (the mess, что̀ я также буду переводить словомъ: *масса*), изъ доходовъ съ капитала, принадлежащаго обществу.

Масса эта есть измѣняющійся капиталъ, давно уже основанный и поддерживаемый слѣдующимъ образомъ: всякій офицеръ, вступая въ полкъ прапорщикомъ, долженъ внести въ общественную кассу сумму, равняющуюся его мѣсячному жалованью. Сверхъ того онъ платитъ за себя еже-

мѣсячно столовыя деньги; платежъ этотъ одинаковъ для всѣхъ офицеровъ, какого бы чина они ни были: относительно пищи, онъ опредѣляется общею суммою расхода, раздѣленною на число участвующихъ въ столѣ; относительно же вина и другихъ напитковъ — зависитъ отъ количества ихъ, употребляемаго каждымъ отдѣльно; сверхъ того вносится еще 12 процентовъ съ платимой каждымъ суммы—въ пользу массы. При всякомъ производствѣ въ слѣдующій чинъ, у офицера вычитается еще разъ мѣсячное жалованье также въ пользу массы. Въ случаѣ смерти, внесенныя впередъ деньги остаются въ общественной кассѣ; то-же правило соблюдается и при переводѣ офицера изъ одного полка въ другой: внесенная сумма никогда не возвращается, и офицеръ обязанъ представить въ кассу новаго полковаго общества свое мѣсячное жалованье по окладу, на который поступаетъ въ полкъ; наконецъ, всякій офицеръ, являющійся въ общество изъ другаго полка,

будетъ ли онъ въ отпуску, или прикомандированъ, подвергается ежемѣсячному вычету жалованья за одинъ день.

Какъ правительство требуетъ нѣкоторой роскоши и нѣкотораго гостепріимства отъ каждаго общества офицеровъ—на примѣръ: два большіе обѣда въ годъ для генераловъ, пріѣзжающихъ чрезъ каждые полгода осматривать войска, и тогда приглашаются всѣ мѣстныя власти—то оно и ассигнуетъ ежегодно для *массы*, какъ въ Англіи, такъ и въ Индіи, по 25 фунтовъ стерлинговъ на роту, или по 250 ф. с. на весь полкъ. При всѣхъ исчисленныхъ нами пособіяхъ, общественный капиталъ можетъ быстро увеличиться, что́ обыкновенно и бываетъ, но могутъ также встрѣтиться и причины ущерба его, каковы: дурное управленіе— что́ весьма рѣдко случается; утрата обозовъ во время войны, перемѣщеніе гарнизона, перевозка съ одного мѣста на другое вещей, принадлежащихъ обществу, на счетъ *массы*. Сверхъ того, исключая неожидан-

ные случаи, есть и постоянныя издержки, каковы: поддержка роскошныхъ серебряныхъ приборовъ на восемьдесятъ или на сто кувертовъ, столоваго бѣлья, фарфора, фаянса, хрусталя и другихъ принадлежностей; наемъ довольно обширнаго помѣщенія для общаго стола, для залы чтенія и для бильярдной залы.

Масса не только признается общественною кассою, неоспоримою и неотъемлемою принадлежностью младшаго изъ офицеровъ точно такъ же, какъ и его начальника, но и самое управленіе ею бываетъ избирательное, и должно возобновляться каждый годъ. Общество офицеровъ, собравшись въ совѣтъ, выбираетъ, изъ членовъ своихъ, президента *массы* (только выборъ этотъ никогда не падаетъ на командующаго полкомъ) и двухъ секретарей. Президентъ отвѣчаетъ своею собственностью за благонадежное помѣщеніе капиталовъ, за сохранность и надлежащее употребленіе всего движимаго и недвижимаго имущества, при-

надлежащаго обществу. Секретари участвуютъ въ этой отвѣтственности только по предметамъ, относящимся до общаго стола: одинъ изъ нихъ завѣдываетъ отдѣленіемъ винъ и прочихъ напитковъ, другой отдѣленіемъ серебра, драгоцѣнныхъ столовыхъ украшеній, бѣлья и т. п. Чрезъ каждые полгода этотъ комитетъ представляетъ счеты свои обществу офицеровъ, которое постоянно собирается по этому случаю, и назначаетъ особый комитетъ для повѣрки тѣхъ счетовъ. Всякая значительная издержка—всякій проэктъ для пріобрѣтенія новыхъ, или для продажи лишнихъ вещей, превышающій извѣстную, впрочемъ, весьма небольшую сумму, требуетъ общаго собранія, и всякій вопросъ рѣшается большинствомъ голосовъ, которые, силою своею, совершенно равны между собою. Членъ, избираемый товарищами въ званіе президента *массы*, не въ правѣ отказаться отъ этой отвѣтственности.

Обязанность быть за общимъ обѣден-

нымъ столомъ считается наровнѣ съ обязанностью быть на военномъ парадѣ, и ни одинъ офицеръ не можетъ отсутствовать иначе, какъ объявивъ по чести, что онъ приглашенъ куда нибудь на обѣдъ, или боленъ. Каждую недѣлю два офицера поочередно принимаютъ на себя обязанности президента и вице-президента стола; они, ни подъ какимъ предлогомъ, не могутъ отсутствовать, и садятся по обоимъ концамъ стола. Бывшій вице-президентомъ въ продолженіе недѣли, дѣлается президентомъ на слѣдующую недѣлю. Каждый офицеръ, въ свою очередь, долженъ подвергнуть себя исполненію этой непріятной обязанности, отъ младшаго прапорщика до самаго старшаго штабъ-офицера (кромѣ командующаго полкомъ, который свободенъ отъ всякаго выбора).

Обязанности президента стола очень щекотливы, требуютъ большой отвѣтственности и представляютъ молодому человѣку самый удобный случай скоро образовать

свое сужденіе о характерѣ людей и пріобрѣсть тонкость въ обращеніи. Онъ долженъ наблюдать за порядкомъ и нравственною дисциплиною обѣдающихъ; онъ одинъ съ вице-президентомъ распоряжается многочисленною прислугою; обязанъ отклонять всякій разговоръ, могущій нарушить доброе согласіе; наконецъ, онъ имѣетъ право арестовать всякаго офицера, какого бы чина тотъ ни былъ, за нарушеніе порядка, за вызовъ на дуэль, или за несоблюденіе какого нибудь общепринятаго правила. Однажды, будучи еще очень молодымъ поручикомъ, я имѣлъ случай удалить изъ-застола, отправивъ домой и арестовавъ, одного капитана, а другаго батальоннаго командира, за то, что они начали ссориться въ моемъ присутствіи, когда я былъ президентомъ стола. Послѣ я донесъ о томъ подполковнику, который одобрилъ мой поступокъ, и прекратилъ это дѣло примиреніемъ ссорившихся.

Такое учрежденіе общаго стола имѣетъ

большое вліяніе на физическое и моральное благосостояніе, на дружескія связи и на единодушіе полковаго общества, поддерживая самый благородный, просвѣщенный и въ то же время рыцарскій образъ мыслей и чувствованій. «Вы можете ручаться за »честь людей, съ которыми каждый день »обѣдаете; плутъ не можетъ быть терпимъ »въ такомъ обществѣ: всякій поступокъ »противъ чести, сдѣланный офицеромъ ко»ролевской арміи, наказывается за сто»ломъ, въ тотъ же вечеръ, общимъ пре»зрѣніемъ со стороны товарищей и началь»никовъ, которое изъявляютъ они ему тѣмъ, »что отказываются пить вмѣстѣ съ нимъ*.» Съ этой минуты онъ уже считается изгнаннымъ изъ полковаго общества, и ему остается только жаловаться на то военному совѣту, или выдти въ отставку.

Выгоды этой системы еще болѣе обнаруживаются при сравненіи ея съ тѣми полковыми обществами, въ которыхъ она не

* Жакмонъ.

существуетъ. Почти подобный порядокъ старались ввести въ компанейской арміи; но въ ней такъ много женатыхъ офицеровъ, или прикомандированныхъ къ штабамъ, и при томъ полки такъ часто раздробляются, что устройство *массы* тамъ, гдѣ она не уничтожалась на самомъ дѣлѣ, всегда оказывалось весьма несовершеннымъ. Въ этихъ полкахъ рѣдко представляется возможность завести общій столъ, потому что число обѣдающихъ недостаточно для покрытія издержекъ на это заведеніе. Въ такомъ случаѣ офицеры, нежелающіе видѣться, ничѣмъ не обязываются быть въ обществѣ другъ съ другомъ, и они встрѣчаются только во время службы. Жизнь каждаго изъ нихъ не подвержена взаимному наблюденію, основанному на поддержаніи чести общества. Что-же слѣдуетъ изъ этого? Безпрестанно учреждаются военные комитеты для произнесенія суда не надъ солдатами, но надъ офицерами, уличаемыми въ плутовствахъ и об-

манахъ, а иногда и въ постыдныхъ преступленіяхъ, которыхъ главными причинами были уединеніе и праздность. Такіе случаи почти неизвѣстны въ королевской арміи.

Другое необходимое слѣдствіе описанной нами системы состоитъ въ томъ, что никакая ссора между двумя офицерами не можетъ быть продолжительна. Надобно или тотчасъ помириться, или забыть ссору, потому что, обѣдая всякій день за однимъ столомъ, вмѣшиваясь въ одинъ и тотъ-же общій разговоръ и ежеминутно встрѣчаясь другъ съ другомъ въ теченіе цѣлаго дня, невозможно долго оставаться въ непріязненномъ отношеніи: это было-бы невыносимымъ наказаніемъ для того и другаго.

Въ числѣ правилъ, предписанныхъ уставомъ президенту стола, замѣчательно слѣдующее: онъ обязанъ устранять всякій предметъ разговора, относящійся къ практическимъ подробностямъ, или общимъ мѣстамъ военнаго искуства. Разговоръ дол-

женъ соотвѣтствовать общимъ требованiямъ просвѣщеннаго общества, какъ прилично благороднымъ людямъ, соединяющимся для прiятнаго препровожденiя времени, то есть, разговоръ долженъ быть свѣтскiй, или литературный, объ искуствахъ, или объ исторiи; позволяется только мимоходомъ упоминать о великихъ теорiяхъ военнаго искуства. По-этому каждый офицеръ учится, для того чтобъ блистать въ *массѣ*, и часто готовится къ разговору; выходитъ, что всякiй изъ членовъ прiобрѣтаетъ болѣе познанiй, лучшiй тонъ въ обращенiи и лучшiе прiемы. Это бесѣда большаго свѣта, полная свободной, остроумной и одушевленной веселости.

Я тотчасъ пораженъ былъ контрастомъ такого обращенiя, почти французскаго, по его свободѣ и простодушiю, сравнительно съ тономъ смѣшаннаго общества, какое встрѣчалъ я въ свѣтѣ. Тамъ я находилъ всѣ недостатки нацiональнаго характера, всегда и повсюду равно несноснаго по своему

тщеславію, неподвижности и пошлой зависимости отъ моды. Все вниманіе устремлено на внѣшнія достоинства и на матеріяльныя принадлежности, тогда какъ объ умѣ и внутреннихъ достоинствахъ никто не заботится.

Молодые люди обращаются съ стариками на ногѣ совершеннаго равенства, всѣми одобряемаго, слѣдовательно допускается неслыханное высокомѣріе. Шалунъ, только-что вышедшій изъ школы, обнаруживаетъ въ свѣтѣ самоувѣренность зрѣлаго человѣка, если только равняется съ нимъ ростомъ. Не ожидайте отъ него ни естественности, ни скромности: онъ стыдится ихъ, какъ тайнаго сознанія въ своей подчиненности. Онъ смѣется надъ зрѣлымъ возрастомъ и старостью, и съ негодованіемъ удаляется отъ ихъ вѣжливой и просвѣщенной назидательности.

Всѣ эти пороки національнаго темперамента и англійскаго общества исчезаютъ въ военномъ братствѣ. Товарищество уда-

ляетъ всякое высокомѣріе; сближеніе въ ежедневной жизни уничтожаетъ всякую кичливость, и духъ рыцарства обуздываетъ дерзость. При такомъ устройствѣ и при строгомъ соблюденіи столь благоразумныхъ правилъ, общество офицеровъ образуетъ собою избранный кругъ, школу нравственности и талантовъ, пріютъ живаго, нѣжнаго дружества, въ которомъ всякій безопасенъ отъ угрозъ и нападеній свѣта. Это система, весьма простая въ своемъ дѣйствіи и дивная въ своихъ результатахъ, которой нигдѣ не нахожу сравненія. Но этого нельзя сказать о нижнихъ чинахъ и объ отношеніи офицера къ солдату. « Англійская армія представляетъ странный феноменъ въ моральномъ мірѣ: большое число людей отважныхъ, неукротимыхъ и презираемыхъ въ общемъ мнѣніи, со всею готовностью подчиняется слабѣйшему, мѐньшему числу людей, которые одною только силою воли управляютъ ими*.»

* [illegible]

Между офицеромъ и солдатомъ положена непреодолимая преграда—пропасть непроходимая: офицеръ—дворянинъ; солдатъ—простолюдинъ; одинъ принадлежитъ къ аристократіи, другой къ черни; одинъ браминъ, другой парія. Ни одного слова привѣтствія, ободренія, или утѣшенія не услышите вы въ сношеніяхъ между обоими классами. «Офицеры употребляютъ всѣ средства казаться неимѣющими ничего общаго съ людьми, надъ которыми начальствуютъ. Они удаляютъ ихъ отъ себя видомъ самой оскорбительной, убійственной холодности.» Это высокомѣріе входитъ даже въ составъ военной дисциплины. При мнѣ разжалованъ былъ военнымъ совѣтомъ одинъ прапорщикъ за то, что пригласилъ къ себѣ на ужинъ двухъ унтеръ-офицеровъ.

Солдатъ, ни подъ какимъ предлогомъ, никогда не долженъ говорить съ офицеромъ иначе, какъ держа руку у козырька своего кивера, по правиламъ салютованія, или

стоя, въ положенiи *невооруженнаго солдата.* Офицеръ, съ своей стороны, какого бы происхожденiя онъ ни былъ, даже выслужившiйся изъ рядовыхъ (чтó случается чрезвычайно рѣдко, потому что унтеръ-офицеръ можетъ достигнуть только двухъ должностей: адъютанта, т. е. поручика-учителя, или квартирмейстера) — офицеръ ни на минуту не долженъ измѣнять своему холодному положенiю въ отношенiи къ низшему себя, ни даже къ своему родному брату, въ предполагаемомъ нами случаѣ. Онъ подвергнулся бы выговору, даже наказанiю, еслибъ пожалъ ему руку при другихъ, или позволилъ бы выказать малѣйшую свободу въ обращенiи. По-этому очень немногiе унтеръ-офицеры желаютъ выслужиться: званiе джентльмена, неразлучное съ чиномъ офицера, для нихъ слишкомъ тягостно; имъ надо отказаться отъ всѣхъ прежнихъ своихъ товарищей и отъ ихъ солдатской дружбы, и что-жъ останется имъ въ замѣнъ этого? холодная вѣжливость товарищей-

аристократовъ, безпрестанно оскорбляющая ихъ самолюбіе и наводящая на нихъ уныніе. Какъ скоро приближаются они къ группѣ, одушевленной веселымъ и остроумнымъ разговоромъ, въ которомъ раздается хохотъ — улыбка тотчасъ изчезаетъ, разговоръ прекращается, стараются начать другой, можетъ быть, болѣе сообразный съ степенью ихъ просвѣщенія, но холодный, томительный, и группа скоро расходится. Нѣтъ въ свѣтѣ людей, которые бы находились въ болѣе неловкомъ, одинокомъ и несчастномъ положеніи, нежели выслужившіеся офицеры англійской арміи.

XV.

ХАРАКТЕРЪ И ПОЛОЖЕНІЕ СОЛДАТА ВЪ КОРОЛЕВСКО-АНГЛІЙСКОЙ АРМІИ*; СИСТЕМА РЕКРУТСКАГО НАБОРА.—АНГЛІЙСКІЙ СОЛДАТЪ ПОЛУЧАЕТЪ ЛУЧШУЮ ПИЩУ И ЛУЧШЕЕ СОДЕРЖАНІЕ, ЛУЧШЕ ВООРУЖЕНЪ И ЛУЧШЕ ЗНАЕТЪ СЛУЖБУ, НЕЖЕЛИ СОЛДАТЪ ВСЯКОЙ ДРУГОЙ АРМІИ; СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВА ВЪ ЧИНЫ ОФИЦЕРОВЪ; ЖАЛОВАНЬЕ РАЗНЫМЪ ЧИНАМЪ.

Странно, что англійскій солдатъ, безъ всякаго ропота, безъ всякаго сожалѣнія, вступаетъ въ свое званіе паріи. Онъ не только не оскорбляется своимъ положеніемъ, но готовъ даже драться съ товарищемъ, который вздумалъ бы обвинять его въ утонченности, или въ желаніи казаться джентльменомъ. Англійскій солдатъ есть

* Далѣе читатель увидитъ, что военная служба въ Индіи отправляется двумя, одна отъ другой отличающимися арміями, подчиненными совершенно различному порядку; одна изъ нихъ королевская, другая компанейская армія. *Соч*

грубое животное, и онъ этимъ гордится, что́ и неудивительно, судя по способу рекрутскаго набора. То-же самое найдемъ мы во всякомъ государствѣ, гдѣ содержится постоянная армія не по конскрипціи и гдѣ законы не призываютъ всякаго гражданина къ защитѣ земли своей. Повсюду, гдѣ набираютъ рекрутъ изъ волонтеровъ, необходимость имѣть довольно большое число войска заставляетъ прибѣгать къ системѣ вербованья, которая наполняетъ полки всѣмъ, что́ только есть самаго грубаго, самаго презрѣннаго и самаго развратнаго въ народѣ. Таковъ былъ составъ армій въ Европѣ во времена набѣговъ; тогда солдаты были настоящіе разбойники, получавшіе жалованье; они опустошали отечество, когда не были употреблены въ дѣло за границею. Теперь нѣтъ такихъ ужасовъ, во время мира, въ англійскихъ арміяхъ, получающихъ большое жалованье, ни въ чемъ неимѣющихъ недостатка и подчиненныхъ самой строгой дисциплинѣ; но посмотрите

на нихъ въ войнѣ, при отступленіи, или послѣ взятія города осадою, вступающихъ въ него побѣдителями, и вы увидите, что подвиги въ Сіудадъ-Родриго, Бадахосѣ и Сен-Себастіанѣ превзойдутъ собою самыя жестокости и оргіи Дюгескленовскихъ шаекъ и Арденскаго Кабана.

Сержантъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ, въ мундирахъ съ галунами, является въ деревнѣ, и собираетъ свѣденія о всѣхъ негодяяхъ; находитъ одного изъ нихъ, и зазываетъ его въ трактиръ. Ему разсказываютъ о чудесной, беззаботной жизни, обезпеченной во всѣхъ отношеніяхъ правительствомъ; обольщаютъ его, въ случаѣ войны, добычею, грабежемъ, развратомъ; поятъ до-пьяна, и когда голова его разгорячится виномъ, то ему предлагаютъ завербоваться; тутъ онъ едва понимаетъ, чтó съ нимъ дѣлаютъ; но ему даютъ шиллингъ—это задатокъ, знакъ его завербованія; договоръ заключается при свидѣтеляхъ и становится неизбѣжнымъ;

уловка эта заставляетъ его служить всю жизнь! По окончанiи пира, переносятъ его мертво-пьянаго въ караульню, откуда поступаетъ онъ прямо въ рекрутскую роту подъ ферулу сержанта-учителя. Деревня освобождается отъ негодяя, а государство прiобрѣтаетъ защитника.

И такъ армiя служитъ пристанищемъ для людей, достойныхъ Ботани-Бея. Добровольно завербовавшихся солдатъ едва-ли найдется въ ней десятая доля, которой половину составляютъ солдатскiе дѣти, а девять десятыхъ привлечены въ службу развратомъ, пьянствомъ, или нищетою. Какимъ-же образомъ можно было, изъ подобныхъ элементовъ, составить машину столь прочную и стройную? это задача для того, кто не знаетъ англiйскаго характера. Этимъ характеромъ все объясняется: ни одинъ народъ въ свѣтѣ не стремится къ матерiяльному благосостоянiю такъ, какъ Англичане, и не цѣнитъ, въ этомъ отношенiи такъ, какъ они, всѣхъ

выгодъ, происходящихъ отъ поддержанія порядка. Здѣсь тайна заключается въ томъ, что солдатъ получаетъ хорошее жалованье, вкусную, здоровую пищу и хорошую одежду, и если онъ сдѣлаетъ какой нибудь проступокъ, то, смотря по винѣ, его или высѣкутъ, или сошлютъ, или повѣсятъ. Рѣдко случается, чтобъ его исключали изъ службы, и то только за неоднократную улику въ кражѣ; но въ такомъ случаѣ онъ уже нигдѣ не найдетъ себѣ мѣста; терпитъ голодъ, предается воровству, и наконецъ его приговариваютъ къ висилицѣ.

Англійскій солдатъ—по разсудку, по разсчету, для собственной своей выгоды — дѣлается самымъ покорнымъ, самымъ благонадежнымъ орудіемъ правительства, и отлично знаетъ службу. Мало-по-малу пріучается онъ къ порядку, къ справедливости, къ религіи (потому что всякое воскресенье его водятъ къ обѣднѣ); и если подъ старость возвращается онъ въ свою деревню съ пенсіею инвалида, то является уже

человѣкомъ, привыкшимъ къ правильной жизни и къ военной точности. Но не говорите ему о чести—этимъ вы ничего изъ него не сдѣлаете: онъ захохочетъ своимъ грубымъ голосомъ, и попроситъ у васъ рюмку водки. Не говорите ему о славѣ; онъ увѣренъ, что она для него недостижима; она аристократка въ англійской арміи, и носится только надъ офицерами высшихъ чиновъ.

Вооруженный солдатъ англійской инфантеріи, физическою силою своею, далеко превосходитъ солдата всякой другой арміи: онъ получаетъ лучшее содержаніе, лучше вооруженъ и лучше обученъ. Сравнительно съ французскимъ солдатомъ, средній ростъ его гораздо выше, члены тѣла толще и сильнѣе; онъ одною третью тяжеле, и одаренъ исполинскою силою, всегда соразмѣрною съ его вѣсомъ.

Сравните—безъ выбора, наудачу, на одной изъ линій аванпостовъ—перваго, встрѣтившагося вамъ, французскаго часоваго съ ан-

глійскимъ; предполагая, что и тотъ и другой обучены совершенно одинаково, можно держать пари десять противъ одного, что вы получите слѣдующіе результаты: Французъ будетъ отличаться живостью движеній; физіономія его одушевится умомъ; вы будете любоваться его тонкимъ и гибкимъ станомъ, его воинственнымъ видомъ, которому густыя бакенбарды и густые усы придаютъ еще больше мужества. Въ Англичанинѣ вы найдете прекраснѣйшаго собою мужчину; недостаетъ только прометеева огня для одушевленія этого прелестнаго лица, и надо было-бы побольше волосъ для уменьшенія этой нѣжной бѣлизны тѣла, обличающей движеніе холодныхъ соковъ; члены у него исполинскіе; если ему удастся схватить своего противника, то онъ заставитъ его испытать участь Антея — задушитъ въ своихъ жилистыхъ рукахъ. Перваго рѣшительно предпочту я для взятія крѣпости приступомъ, или на войнѣ въ горахъ — вездѣ, гдѣ требуется ловкость и

быстрота движеній; но въ битвѣ среди равнины, на штыкахъ, я предпочелъ-бы англійскую инфантерію, особливо въ началѣ сраженія.

Слабосиліе солдатъ нашихъ зависитъ отъ дурной пищи, равно недостаточной и по количеству и по качеству. Да и какую силу могутъ имѣть они отъ этого жидкаго, безвкуснаго супа, въ которомъ кое-гдѣ только попадаются куски мяса и овощи, печально напоминающіе извѣстный латинскій стихъ:

Rari nantes in gurgite vasto?

Англійскій солдатъ, напротивъ того, ѣстъ сколько хочетъ, и пища ему дается здоровая, вкусная и сытная. Вотъ военныя постановленія по этому предмету.

«Въ Великобританіи солтаты, въ казармахъ, или на квартирахъ, получаютъ три четверти фунта * мяса и фунтъ хлѣба въ день на человѣка. На это вычитается у. нихъ по 6 пенсовъ ** въ день,

* Англійскій фунтъ (avoir du pois)=106 золот.

** 15 к. сереб.

т. е. половина жалованья, получаемаго самымъ простымъ пѣхотнымъ солдатомъ. Если-же цѣна этихъ припасовъ выше 6-ти пенсовъ, то недочетъ доплачивается изъ государственной кассы.»

«Во время похода въ Англіи, останавливаясь въ гостинницахъ, солдаты получаютъ ежедневно, отъ содержателя гостинницы, горячее кушанье, состоящее изъ $1\frac{1}{4}$ мяса, взвѣшеннаго до варки, 1 фунтъ хлѣба, 1 фунтъ картофеля, или другихъ овощей и 2 пинты * полпива; также нужное количество соли, перцу и уксусу. Содержатели гостинницъ получаютъ плату по извѣстной таксѣ, и казна уплачиваетъ въ полковую кассу требуемую на то сумму.»

Какъ въ Европѣ, такъ и въ Индіи, порціи хлѣба и мяса солдатамъ одинаковы. Только въ Индіи овощи замѣняются рисомъ, а пиво — водкой или аракомъ, и, ни въ какомъ случаѣ, не соблюдаютъ экономіи, заботясь о сохраненіи здоровья солдатъ.

* Невступно 1 кружку ($\frac{1}{10}$ ведра).

„Пища—это весь человѣкъ," по старинной поговоркѣ, которой англійское правительство благоразумно слѣдуетъ.

Я сказалъ, что англійскій солдатъ получаетъ самое лучшее содержаніе. Всѣ тѣ, которые помнятъ испанскіе походы во время Французской Имперіи, или захотятъ сравнить послѣднія войны въ Алжиріи и Афганистанѣ, единогласно будутъ утверждать то же самое. Англійскій солдатъ, по принятому правилу, можно сказать, никогда не стоитъ на бивакахъ. Мнѣ случилось только три раза быть на бивакахъ въ Индіи во время коннаго караула, или послѣ разбитія войска. То-же правило вообще соблюдалось и во время испанскихъ войнъ; оно и теперь поддерживается въ арміяхъ Кабульской и Кандагарской. За англійскою арміею всегда слѣдуетъ огромный коммиссаріатъ; какихъ-бы расходовъ ни стоило — войско ни въ чемъ не должно терпѣть недостатка. Въ походѣ ему всегда сопутствуетъ многочисленный обозъ съ лагерными принадлежно-

стями для защищенія солдата отъ неблагопріятностей погоды, съ изобильнымъ запасомъ провизіи, если на пути не предвидится возможности имѣть ее въ достаточномъ количествѣ, и съ отличнымъ походнымъ госпиталемъ для больныхъ и раненныхъ. Англійскій генералъ (Герцогъ Веллингтонъ служитъ тому примѣромъ) мало будетъ заботиться о быстротѣ движеній, лишь-бы войско его было бодро, здорово и сыто въ присутствіи непріятеля. Послѣднее обстоятельство важнѣе для англійской арміи, нежели для всякой другой. Если солдатъ хорошо позавтракалъ, или хорошо пообѣдалъ до перваго пушечнаго выстрѣла, то на него вполнѣ можно полагаться; онъ выполнитъ свою роль, какъ ремесленникъ, которому задана его дневная работа — весело и добросовѣстно, не для славы и не для того, чтобъ выслужиться, какъ я уже замѣтилъ, потому что онъ не долженъ надѣяться ни на то, ни на другое, но для того, чтобъ поддержать свое достоинство

человѣка, свое мужество, manhood — и не заслужить презрѣнія у своихъ товарищей; онъ будетъ сражаться безъ всякаго размышленія, но упорно и съ патріотизмомъ, свойственнымъ его націи.

Число національнаго войска незначительно, потому что наборъ и содержаніе обходятся слишкомъ дорого. А какъ англійскіе батальоны немногочисленны, то и слѣдуетъ наблюдать, чтобъ они были, по крайней мѣрѣ, дѣйствительны; должно щадить ихъ, для того чтобъ въ день битвы каждый ревностно исполнялъ свою должность. Причина малочисленности англійскаго войска заключается и въ томъ еще, что его очень трудно обучать. Надобно употребить одинъ или полтора года времени для того, чтобъ сдѣлать исправнымъ солдатомъ неповоротливаго поселянина изъ Кòмберленда, или изъ Инвернесшейра, тогда какъ французскій крестьянинъ тому-же самому и точно такъ-же научится въ шесть недѣль.

Я сказалъ, что въ Англійскомъ войскѣ поддерживается самая строгая дисциплина, что оно лучшее и по вооруженію, и по обученію солдатъ; все это происходитъ отъ принятой системы и особливо отъ состава арміи: такъ какъ солдатъ вербуется на всю жизнь, то и выходитъ, что двѣ трети войска состоятъ изъ ветерановъ. Англія желаетъ имѣть армію, сколько можно болѣе благонадежную, потому что самыя смѣлыя предпріятія поручаются иногда весьма малочисленнымъ отрядамъ; слѣдовательно необходимо, чтобъ войско, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ частяхъ своихъ, было, по возможности, самое благоустроенное, такъ, чтобъ во всякое время можно было на него полагаться. И потому правительство не жалѣетъ издержекъ на усовершенствованіе огнестрѣльныхъ оружій, лишь бы они вполнѣ отвѣчали своей цѣли. Каждую недѣлю одинъ день посвящается стрѣльбѣ въ мишень, и каждый солдатъ сжигаетъ, по крайней мѣрѣ, триста зарядовъ пулею въ

годъ. Полковникъ Милль, бывшій въ испанскихъ войнахъ, часто говорилъ мнѣ, что въ перестрѣлкѣ между французскими и англійскими батальонами, на сторонѣ Французовъ число убитыхъ и раненныхъ всегда было вчетверо больше противъ Англичанъ, по той причинѣ, что у англійской инфантеріи ружья были лучше и она лучше стрѣляла.

Въ дополненіе къ тому, что̀ говорилъ я о 55ᵐʰ полкѣ, остается еще упомянуть о двухъ предметахъ: о системѣ производства въ чины офицеровъ королевской арміи и о жалованьѣ разнымъ чинамъ.

Офицеры королевской арміи производятся въ чины двумя способами: или по старшинству, или покупая слѣдующій чинъ у выходящаго въ отставку старшаго офицера; при этой системѣ англійское правительство сберегаетъ огромную сумму денегъ, которую слѣдовало-бы (какъ это дѣлается у насъ во Франціи) выдавать въ награду офицерамъ, прослужившимъ извѣстное вре-

мя и выходящимъ въ отставку. Если офицеръ — какого-бы чина онъ ни былъ — подаетъ просьбу объ отставкѣ, то правительство охотно увольняетъ его, но въ то-же время, вмѣсто денежной награды, предоставляетъ ему право продать свою должность тому, кто пожелаетъ заступить его мѣсто. Оно позволяетъ продать свою должность съ возможною выгодою, и обезпечиваетъ его въ этомъ отношеніи установленіемъ извѣстной платы, соотвѣтствующей получаемому имъ жалованью. Для облегченія этой продажи, существуетъ нѣкотораго рода тайное соглашеніе въ томъ, чтобъ она состоялась исключительно въ своемъ полку, лишь-бы нашелся офицеръ въ чинѣ одною степенью ниже вакантнаго, который, имѣя возможность заплатить, по крайней мѣрѣ, установленную цѣну, былъ-бы расположенъ купить высшую должность, но при томъ соединялъ-бы въ себѣ всѣ условія и качества, требуемыя для исполненія обязанностей выходящаго въ отставку офицера.

Положимъ, на примѣръ, что офицеръ, дослужившись до капитанскаго чина, по разстроенному здоровью, или скучая службою въ Индіи, желаетъ выйдти въ отставку. Онъ начинаетъ договариваться въ цѣнѣ съ поручиками и подпоручиками своего полка. Это не значитъ, чтобъ онъ продавалъ съ аукціона свой чинъ и пользовался соперничествомъ для возвышенія цѣны; напротивъ, старшій изъ поручиковъ въ полку, при возможности заплатить ему положенную уставомъ сумму, несомнѣнно заступитъ его мѣсто. Съ нимъ-то прежде всего и условливается онъ въ цѣнѣ; потому что, какъ скоро старшій поручикъ внесетъ деньги, ни одинъ изъ младшихъ передъ нимъ поручиковъ того-же полка не въ правѣ оспорить у него капитанскаго чина.

И такъ, относясь къ старшему поручику, имѣющему въ запасѣ положенную по уставу сумму, онъ скажетъ ему: «Чинъ мой оцѣненъ въ 1800 фунтовъ стерлинговъ; но я не выйду въ отставку, какъ скоро вы

не заплотите мнѣ 2200 ф. с., т. е. 400 ф. с. больше противъ цѣны, положенной по уставу. Если поручикъ богатъ, то, можетъ быть, онъ тотчасъ и согласится на предлагаемое условіе; но если онъ небогатъ, то войдетъ въ переговоры съ прапорщикомъ, который, по старшинству, долженъ занять его мѣсто, когда самъ онъ сдѣлается капитаномъ, и предложитъ ему пополамъ уплатить требуемый излишекъ. По-этому каждый изъ нихъ прибавитъ по 200 ф. с. къ установленной за чинъ таксѣ; такимъ образомъ поручикъ, который долженъ былъ бы заплатить только 1,100 ф. с., внесетъ 1,300 ф. с.; а прапорщикъ за чинъ поручика, вмѣсто слѣдующихъ съ него 250 ф. с., заплотитъ 450 ф. с.; наконецъ джентльменъ, вступающій въ полкъ также по праву покупки прапорщичьяго чина но съ которымъ нельзя сдѣлать никакого условія, потому что опредѣленіе его зависитъ отъ министерства, представитъ за свой чинъ 450 ф. с.: всѣ эти суммы вмѣстѣ составятъ тре-

буемые 2,200 ф. с. — Невещественныя-же условія для повышенія чиномъ состоятъ въ довольно посредственномъ знаніи военной службы и въ выслугѣ извѣстнаго числа лѣтъ: такъ, на примѣръ, для полученія капитанскаго чина должно прослужить четыре года; но нѣтъ правила безъ исключенія, особливо въ англійской арміи, гдѣ покровительство устраняетъ всѣ препятствія.

Каковы бы ни были обстоятельства, даже во время войны—рѣдко случается, чтобъ капитанъ продалъ свою должность дешевле 2000 фунтовъ стерлинговъ, т. е. 50,000 франковъ; въ этомъ заключается его пенсія, которая не только приноситъ ему 2500 франковъ годоваго дохода на всю жизнь, но составляетъ и капиталъ для его дѣтей. И такъ система эта взаимно выгодна, особливо для правительства, которое избавляется ею отъ внесенія въ свой бюджетъ расходовъ на денежныя награды при отставкѣ, и мѣняетъ стараго воина на новаго, не

разсчитываясь съ первымъ за его продолжительную и трудную службу.

Другой способъ производства въ чины — по старшинству, въ случаѣ смерти старшихъ по службѣ товарищей; но, при описанной нами системѣ покупки чиновъ, выслуга по старшинству такъ долговременна, что дѣлается почти невозможною; и притомъ, какъ скоро офицеръ чувствуетъ себя опасно больнымъ, онъ спѣшитъ продать свою должность, для того чтобъ оставить что нибудь въ пользу своего семейства. Если онъ умретъ на службѣ, то наслѣдники лишаются суммы, положенной по уставу за чинъ, и всѣхъ денегъ, заплоченныхъ имъ для полученія этого чина; если онъ оставитъ вдову, то ей назначается въ пожизненную пенсію половина годоваго его жалованья; дѣти пользуются ежегодныньмъ пособіемъ отъ казны — сыновья до 21-го года отъ роду, а дочери до выхода за мужъ; но капитала имъ не остается; онъ поступаетъ въ пользу служащихъ; «бѣда умирающимъ» — вотъ

девизъ англійской арміи, и это обстоятельство составляетъ выгодную сторону принятой системы. Весьма естественнымъ результатомъ такого порядка дѣлъ бываетъ то, что, при первомъ слухѣ о войнѣ, многіе женатые офицеры, заботясь о своихъ семействахъ, выходятъ въ отставку; если же бѣдность заставляетъ ихъ оставаться въ службѣ, то они дѣлаются унылыми; жизнь ихъ есть капиталъ, непринадлежащій имъ болѣе; они только временные хозяева этого капитала, которымъ однако-же не въ правѣ располагать; слѣдовательно отъ нихъ непремѣнно должно ожидать меньше усердія къ службѣ. При сравненіи англійскаго офицера съ французскимъ, я готовъ отдать послѣднему такое-же точно преимущество предъ первымъ, какое приписано мною солдату англійской инфантеріи. Есть однако-же блестящія исключенія: превосходство англійскаго характера и его патріотизмъ нерѣдко торжествуютъ надъ заботливостью о семействѣ; но если причина эта не

всегда оказываетъ свое дѣйствіе, то, по крайней мѣрѣ, всегда содержитъ зародышъ его.

Слѣдуетъ также замѣтить, что если офицеръ умираетъ отъ болѣзни, то вакантное мѣсто зависитъ отъ распоряженій министерства, которое можетъ предоставить его старшему по службѣ офицеру, однимъ чиномъ ниже вакантнаго, *въ томъ же полку*, или назначить офицера изъ другаго полка. Это обстоятельство подаетъ поводъ къ множеству несправедливостей; одна только смерть старшихъ офицеровъ на войнѣ даетъ офицерамъ низшаго чина несомнѣнное право на производство по старшинству. Такъ, напримѣръ, въ 1842 году, въ королевско-индійской арміи находились поручики, служившіе въ этомъ чинѣ съ 1811 и 1812-го, тогда какъ капитаны ихъ только-что родились въ тѣхъ годахъ. Должно однакоже сознаться, что причиною тому не всегда бываетъ система производства, но сами офицеры, неумѣющіе пользоваться об-

стоятельствами. Дѣйствительно, изъ тридцати лѣтъ службы, небогатые офицеры служатъ обыкновенно двадцать четыре года въ колоніяхъ, гдѣ жалованье такъ велико, что, при благоразумномъ употребленіи денегъ, они легко могутъ накопить сумму, достаточную для пріобрѣтенія, по крайней мѣрѣ, капитанскаго чина.

Не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія о выгодахъ и невыгодахъ описанной нами системы, перейдемъ къ послѣдней статьѣ этой главы — къ жалованью, получаемому войскомъ. Въ англійской арміи жалованье весьма различно, смотря по колоніямъ. Долго было бы входить во всѣ подробности этого положенія, и я ограничусь только сообщеніемъ читателямъ моимъ таблицы, показывающей оклады жалованья въ Европѣ и въ Индіи.

ОКЛАДЪ ЖАЛОВАНЬЯ НА ОДИНЪ ПОЛКЪ ФРАНКАМИ.		Въ Европѣ.	Въ Индіи для всякаго гарнизона, на разстояніи 80 лье отъ президентства.	Въ Индіи для всякаго гарнизона, на разстояніи болѣе 80 лье отъ президентства.
		Въ мѣсяцъ.		
Подполковнику, командующему полкомъ. .		825	2250	2750
Второму подполковнику.		638	2000	2505
Маіору		580	1527	1900
Капитану		434	935	1039
Поручику		275	564	640
Подпоручику или прапорщику.		214	455	506
Адъютанту		350	750	830
Квартирмейстеру.		275	564	640
Казначею, подпоручику.		362	750	830
Штабъ-лекарю.		434	935	1039
Лекарю		275	564	640
Старшему сержанту . . .	3 ф. 60 сент. въ день.	108	250	275
Сержанту-квартермистру .	3—00 —	90	200	220
Сержанту при знаменахъ .	2—80 —	84	130	150
Простому сержанту . . .	2—20 —	66	99	100
Тамбуръ-мажору	2—20 —	66	90	100
Капралу	1—60 —	48	60	70
Солдату съ тремя галунами *.	1—50 —	54	57	67
Солдату съ двумя галунами.	1—40 —	42	54	64
Солдату съ однимъ галуномъ.	1—30 —	39	51	61
Солдату безъ галуновъ . .	1—20 —	36	48	58
Трубачу, флейщику, барабанщ.	1—90 —	57	70	80
Солдатскому сыну (кантонисту) отъ 15 до 18 лѣтъ. . .	1—10 —	33	45	50
Солдатской женѣ			8 40	10 40

Изъ этой таблицы видно, что жалованье подполковнику въ Индіи, командующему полкомъ, простирается отъ 24,000 до

* Галуны даются за выслугу извѣстнаго числа лѣтъ и за хорошее поведеніе.

За каждый проступокъ снимается одинъ галунъ на три мѣсяца.

40,000 франковъ, а жалованье подпоручику отъ 5000 до 7000 франковъ въ годъ. Но припомнимъ, что въ Индіи, какъ и въ Англіи, *необходимыя* издержки подполковника совершенно одинаковы съ издержками подпоручика; они обѣдаютъ за однимъ общимъ столомъ, къ которому приглашаютъ одинакое число друзей, и платятъ за это совершенно одинакую сумму. Наемъ квартиры для подполковника не дороже, и у него нѣтъ даже лишней лошади, потому что каждый офицеръ держитъ свою. Число людей у него такое-же, какъ и у подпоручика. Въ Англіи вся прислуга у офицера состоитъ изъ одного денщика, который ему ничего не стóитъ (подполковникъ можетъ имѣть двухъ), въ Индіи же для прислуги должно имѣть человѣкъ двѣнадцать туземцевъ: держать меньше — было бы неудобно, а больше—слишкомъ роскошно. И такъ, если получаемое подпоручикомъ жалованье принять за *итогъ необходимаго расхода*, то весь излишекъ прихода,

противъ этихъ издержекъ, долженъ оставаться въ экономіи при каждомъ высшемъ чинѣ, и, при малѣйшей бережливости, составитъ основаніе капитала, который быстро будетъ увеличиваться.

Въ Англіи содержаніе такъ дорого, что поручикъ едва можетъ существовать своимъ жалованьемъ; и если онъ въ состояніи сдѣлать это, то единственно посредствомъ лишеній и при самомъ строгомъ образѣ жизни. Подпоручику нѣтъ возможности жить своимъ жалованьемъ; онъ долженъ получать еще 100 франковъ въ мѣсяцъ собственнаго своего дохода, не считая первой экипировки и перваго платежа въ *массу* при вступленіи въ полкъ, на что также надобно имѣть запасныя деньги. Въ Индіи совсѣмъ другое дѣло: поручикъ можетъ жить своимъ жалованьемъ не только въ довольствѣ, но даже роскошно и съ изысканнымъ гостепріимствомъ. При разсчетливости, онъ сбережетъ до 1200 франковъ въ годъ. Въ продолженіе всей службы моей въ двухъ низшихъ

офицерскихъ чинахъ, необходимый расходъ мой никогда не былъ меньше издержекъ подполковника, и отъ каждаго года у меня оставалась въ экономіи, по крайней мѣрѣ, показанная мною сумма. Остатокъ отъ расходовъ подполковника, командующаго полкомъ, простирался — по его словамъ — до 25,000 франковъ. Не нахожу однако-же, чтобъ жалованье это было слишкомъ велико: каждый годъ, проведенный въ Индіи, уноситъ, по крайней мѣрѣ, два года изъ нашего существованія, истощая всѣ источники нашей жизни и налагая печать какого-то уныінія на всю нашу будущность. Какою цѣною можно искупить жизнь, подверженную безпрестаннымъ опасностямъ, терзаемую холерою, кровавымъ поносомъ и множествомъ вредныхъ климатическихъ вліяній? Человѣкъ проходитъ здѣсь какъ трава въ полѣ; ему надобно спѣшить обезпечить свое существованіе; иначе онъ умретъ, не получивъ никакого вознагражденія.

XVI.

КОМПАНЕЙСКАЯ АРМІЯ. — СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВА ВЪ ЧИНЫ. — НЕПРОХОДИМАЯ ЧЕРТА МЕЖДУ ЕВРОПЕЙЦЕМЪ И ИНДІЙЦЕМЪ. — ЖАЛОВАНЬЕ, ДИСЦИПЛИНА И ОБЫЧАИ СИПАЕВЪ.

Компанейская армія организована по системѣ, совершенно различной отъ системы королевской арміи: производство въ чины для оберъ-офицеровъ основано на старшинствѣ службы въ каждомъ полку до маіорскаго чина включительно; а для штабъ-офицеровъ — на старшинствѣ чиновъ во всей арміи президентства. Никакое достоинство или талантъ, никакой знаменитый подвигъ, никакая черта мужества не могутъ быть приняты въ уваженіе для полученія высшаго чина прежде старшихъ по службѣ офи-

церовъ. Система эта имѣетъ ту выгоду, что она исключаетъ всякое покровительство, причиняющее много зла въ королевской арміи, и дѣлаетъ изъ военной службы лотерею, которой призы открыты для всѣхъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ и то неудобство, что нерѣдко начальниками войска бываютъ люди, лишенные военныхъ способностей — и по тѣлу, и по уму истощенные лѣтами и климатомъ. Европейскіе офицеры всѣхъ чиновъ получаютъ точно такое-же жалованье, какъ и въ полкахъ королевской арміи; но они имѣютъ то важное преимущество предъ королевскими офицерами, что всѣ мѣста въ штабахъ предназначены исключительно для нихъ, и что они одни могутъ искать должностей въ гражданской службѣ компанейской по части дипломатической; это мѣста и должности самыя выгодныя въ Англійской Индіи: такимъ образомъ нерѣдко случается, что они, въ теченіе весьма немногихъ лѣтъ, пріобрѣтаютъ прекрасное состояніе, тогда

какъ королевскіе офицеры, по прошествіи многихъ лѣтъ, и единственно изъ остатковъ своего жалованья, могутъ составить себѣ капиталъ.

Каждый полкъ англо-индійской инфантеріи состоитъ изъ одного батальона, въ которомъ девять ротъ, и организованъ слѣдующимъ образомъ:

1. Полковой командиръ, на томъ-же основаніи, какъ и въ королевской арміи. Не имѣя никакихъ занятій по должности, онъ только числится командиромъ, и получаетъ большой доходъ отъ подрядовъ на свой полкъ.

2. Подполковникъ, котораго положеніе чрезвычайно затруднительно и зависитъ отъ присутствія въ полку, или отсутствія изъ него маіора. Какъ въ каждомъ компанейскомъ батальонѣ только два штабъ-офицера (подполковникъ и маіоръ); офицеры-же—въ слѣдствіе долговременнаго пребыванія въ нездоровомъ климатѣ, находятся, по большой части, въ болѣзненномъ состояніи, или въ отпуску по разстроенному здоровью, то

многими батальонами пришлось-бы командовать капитанамъ. Для избѣжанія этого неудобства, принято за правило, что если маіоръ здоровъ и находится при своемъ батальонѣ, то подполковникъ, какъ лишнее лицо, командируется въ другой батальонъ, гдѣ нѣтъ штабъ-офицеровъ. Такое переходное существованіе весьма незавидно— отъ него терпитъ и самая служба; потому что подполковникъ, само собою разумѣется, мало обращаетъ вниманія на батальонъ, которымъ временно командуетъ.

3. Маіоръ: это вообще главное дѣйствующее лицо въ полку, въ которомъ онъ обыкновенно и старшій офицеръ по времени службы.

4. Пять капитановъ на девять ротъ: это одинъ изъ дурныхъ экономическихъ разсчетовъ компанейской администраціи; и притомъ нѣкоторые изъ капитановъ, по большой части, бываютъ прикомандированы къ штабамъ, или состоятъ на ваканціи къ занятію должностей по гражданской службѣ.

5. То-же самое можно сказать о девяти поручикахъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, четверо должны командовать ротами, и о черырехъ подпоручикахъ. Изъ небольшаго числа офицеровъ этихъ двухъ чиновъ двое находятся всегда при знаменахъ, и двое исправляютъ должности адъютанта и квартирмейстера. Такимъ образомъ весьма многіе компанейскіе офицеры имѣютъ двѣ должности, слѣдовательно получаетъ двойное жалованье *.

Кромѣ офицеровъ-Европейцевъ, есть еще осмнадцать туземныхъ офицеровъ, изъ которыхъ девятеро называются *субадарами* — равняющимися чиномъ капитану, а девятеро *джеммадарами* — званіе, соотвѣтствующее чину поручика; но и тѣ и другіе, въ самой вещи, подчинены младшему изъ подпоручиковъ-Европейцевъ. Никакой чинъ, никакое титло не можетъ изгладить ужас-

* Такая система очевидно имѣетъ цѣлью уменьшеніе числа служащихъ для увеличенія ихъ жалованья. *Соч.*

наго различія по цвѣту тѣла—этой непроходимой черты между Европейцемъ и Индійцемъ. Мнѣ часто случалось быть въ гостяхъ у компанейскихъ офицеровъ въ то самое время, когда дежурный субадаръ являлся съ рапортомъ по окончаніи своего дежурства. Онъ снималъ туфли у входа; то-же самое дѣлали и находившіеся при немъ нижніе чины; потомъ приближался къ подпоручику въ сопровожденіи четырехъ денщиковъ, изъ которыхъ двое, унтеръ-офицеры, держали алебарды; онъ командовалъ имъ и самому себѣ: *стой!* и отдавъ честь, оставался неподвижнымъ, какъ статуя, въ продолженіе кратковременнаго своего рапортованія. Молодые офицеры не вставали передъ нимъ и не просили его садиться; они отвѣчали на его салютованье легкимъ движеніемъ руки, какъ обыкновенно принимается привѣтствіе отъ лакея. Совсѣмъ не таковъ былъ порядокъ этотъ во времена Клейва и Монроэ: тогда молодымъ европейскимъ офицерамъ вну-

шали вѣжливость къ туземцамъ, и она была лучшею политикою; но англійская надменность взяла наконецъ верхъ; за то, въ наше время, не встрѣчаются болѣе между сипаями тѣ дивныя черты преданности, которыми ознаменована героическая эпоха младенчества англійской власти въ Индіи.

Туземная армія получаетъ очень хорошее жалованье: сипаю въ гарнизонѣ, сверхъ одежды, выдается 8 рупій (20 франковъ) въ мѣсяцъ; въ походѣ, или во время войны, жалованье это увеличивается; во всякомъ случаѣ, оно не только достаточно, но сипай можетъ еще накопить порядочную сумму для обезпеченія себя подъ старость, что́ обыкновенно и случается. Всѣ солдаты хорошаго поведенія, умѣющіе экономически распоряжаться своими деньгами, каждый годъ посылаютъ половину жалованья своему семейству. Они, по большой части, весьма благоразумно поставили себя въ невозможность издерживать всѣ свои деньги, поручивъ англійской разсчетливости за-

благовременно сохранять въ ихъ пользу остатокъ отъ расходовъ; правительство, съ своей стороны, для поощренія этой любви къ порядку, содержитъ въ каждомъ округѣ капитана-казначея, обязаннаго раздавать дивиденды семействамъ.

Послѣ отправленія сипаями ежедневной службы, то есть съ семи часовъ утра, иностранецъ, которому случилось-бы проходить линіями полковыхъ квартиръ, не подумалъ-бы, что онъ находится среди жилищъ военныхъ людей. Сипаи тотчасъ снимаютъ мундиръ, ходятъ босые, съ обнаженною грудью, какъ поселяне, въ своихъ *пейжама* (шальварахъ), покрывая голову маленькой индійской шапочкой; во весь день при нихъ нѣтъ никакого оружія, которое хранится въ небольшихъ магазинахъ подъ присмотромъ *ласкара*. Мѣра эта принята не потому, чтобъ офицеры не довѣряли чести своихъ солдатъ; они не довѣряютъ только здравому смыслу ихъ, и смотрятъ на нихъ, какъ на дѣтей; а такъ какъ ружье есть

вещь многосложная, которая легко можетъ испортиться, то его и отбираютъ отъ нихъ; точно такъ-же поступаютъ и съ военными припасами, которые требуютъ хорошаго ухода въ странѣ, гдѣ селитра легко дѣлается влажною; они также поручены исключительному присмотру ласкара. Послѣ стрѣльбы нѣсколько человѣкъ изъ каждой роты командируются для чистки ружей подъ надзоромъ офицера-Европейца; потомъ ихъ ставятъ въ магазинъ.

Армія есть мѣсто, весьма удобное для свиданій, гдѣ всѣ классы общества могутъ встрѣчаться и смѣшиваться, не теряя своего достоинства: она одна имѣетъ эту привилегію. Военное званіе облагороживаетъ всѣхъ: парія имѣетъ здѣсь мѣсто на ряду съ брамином высшаго разряда, и потому весьма много желающихъ вступать въ военную службу; принятіе въ нее считается милостью, исключеніе изъ нея — наказаніемъ. Музульмане и Индійцы въ одномъ и томъ же полку живутъ мирно; различіе ре-

лигій, поставляющее между ними непреодолимыя преграды, не поселяетъ въ нихъ никакого чувства ненависти другъ къ другу; но только между ними вовсе нѣтъ общежительности; нѣтъ даже военнаго братства между сипаями одной и той-же касты; нѣтъ никакихъ игръ для сокращенія продолжительныхъ дней. Каждый сидитъ дома; ѣстъ и куритъ одинъ; выходитъ только утромъ и вечеромъ на молитву и для обычныхъ омовеній.

Офицеры туземныхъ войскъ, по справедливости, хвалятся тѣмъ, что солдаты ихъ ведутъ себя лучше, нежели во всякой другой арміи. Это зависитъ отъ многихъ причинъ: во первыхъ, отъ сипая требуютъ гораздо меньше, нежели отъ европейскаго солдата; онъ пользуется несравненно бо́льшею свободою, и если только не занятъ службою, то слѣдуетъ всѣмъ народнымъ обычаямъ. Во-вторыхъ, »надобно »также замѣтить, что нарушеніе ежедневнаго порядка въ европейской арміи, по

„большой части, происходитъ отъ пьян-
„ства и отъ необузданности молодыхъ сол-
„датъ. Въ Индіи-же пьянство замѣтно
„только между людьми, которые или выше,
„или ниже предразсудковъ, т. е. или между
„государями, или въ самомъ низкомъ, пре-
„зрѣнномъ классѣ народа. Индійская армія
„пьетъ только воду; она держитъ себя
„такъ-же скромно, какъ и другія сословія
„народа *.„

* Жакмонъ.

XVII.

ОБЩІЙ СТОЛЪ; GOD SAVE THE KING! (БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!).—МѢСТО ПЕРЕВОДЧИКА.—ОПИСАНІЕ БИЛЛЕРИ.—ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЛѢННИКЪ.—БАЗАРЫ; ТРИ ХРАМА.

День прибытія моего въ полкъ была середа; это public day, то есть день въ недѣлѣ, исключительно посвященный гостепріимству. Довольно большое число постороннихъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновниковъ, были гостями *массы*, то есть обѣдали за общимъ столомъ. Тутъ находились коллекторъ (главный администраторъ) и судья провинціи, нѣсколько молодыхъ, подчиненныхъ имъ чиновниковъ, протестантскій священникъ и многіе офицеры разныхъ полковъ гарнизона.

Столъ накрытъ былъ на шестьдесятъ приборовъ. Я немного смутился, явившись въ такое многочисленное и новое для меня общество; всѣ, разумѣется, обратили на меня вниманіе, какъ на новопріѣзжаго и на иностранца. Я слышалъ, какъ раздавалось въ толпѣ ужасное слово foreigner, frenchman (иностранецъ, Французъ), которое, по видимому, раздвигало около меня кругъ людей и какъ будто обводило меня ледяною стѣною. Я долженъ однако-же отдать справедливость офицерамъ 55-го полка: холодность эта замѣтна была не столько между ними, сколько между гостями. Нѣкоторые изъ офицеровъ навлекли даже на себя негодованіе бо́льшей части посѣтителей—*sneer* (язвительный смѣхъ, свойственный однимъ Англичанамъ и выражающій насмѣшку, жестокость и презрѣніе) за то, что привѣтствовали и ободряли бѣднаго чужеземца. Самый младшій, самый великодушный изъ всѣхъ —тотъ, о которомъ и теперь вспоминаю прежде другихъ — Генри Бейли, подпору-

чикъ, какъ и я — первый пренебрегъ грозою; дружески подалъ мнѣ руку, сѣлъ со мною рядомъ, занималъ и поддерживалъ меня во весь этотъ тягостный для меня день. Когда, наконецъ, преодолѣлъ я свою застѣнчивость, то ослѣпленъ былъ блескомъ, который представился моимъ взорамъ. Предо мною было истинно царское великолѣпіе: серебряная, массивная столовая посуда и такіе же приборы самой лучшей рельефной работы, которые ежеминутно смѣнялись; блестящій хрусталь, богатѣйшіе канделабры и лампы разливали, или отражали свѣтъ. Урны въ древнемъ вкусѣ—золотыя, позолоченныя и массивныя серебряныя; призы, выигранные на скачкахъ; вазы, достойныя Бенвенуто Челлини, наполненныя цвѣтами, украшенныя девизами и рельефными изображеніями лошадей, или шлемовъ, были разставлены во всю длину стола. По блеску освѣщенія, по многочисленной прислугѣ, по богатству мундировъ, можно бы подумать, что сидишь за объ-

домъ у государя, или, по крайней мѣрѣ, у посланника. Тонъ обращенія соотвѣтствовалъ гостиной лучшаго общества; ничто не напоминало ни казармъ, ни кофейни, наполненной облаками дыма; предметами разговора были: современная политика, охота, лошади; примѣшивалось немного и злословія. Меня также заставили принять участіе въ бесѣдѣ и разсказать нѣсколько подробностей о гайдерабадскихъ военныхъ квартирахъ и о правленіи низама—подробностей, которыя, казалось, обратили на себя общее вниманіе.

Послѣ пуддинга сняли камчатную скатерть, и, между двумя длинными рядами гостей, открылся массивный столъ краснаго дерева, футовъ сорока длиною, выполированный какъ зеркало и какъ будто сдѣланный изъ цѣльнаго куска. На этой блестящей поверхности скоро появились фрукты тогдашняго времени года, золотыя вазы, хрусталь, испанскія и французскія вина. Вдругъ прекратились всѣ разговоры,

и нѣсколько минутъ продолжалось общее молчаніе, въ ожиданіи обычнаго знака отъ президента. Когда все было симметрически расположено по принятымъ формамъ, президентъ всталъ, налилъ бокалъ и, обращаясь къ собранію, произнесъ торжественнымъ голосомъ: the King (за здоровье короля*. При этомъ провозглашеніи бутылки начали быстро переходить изъ рукъ въ руки, и когда всѣ бокалы заблистали янтаремъ и рубинами, всѣ голоса, вмѣстѣ съ президентомъ, заразъ воскликнули: the King! Лишь только успѣли мы произнести это слово, и эхо обширной залы повторяло еще наши звуки — какъ вдругъ полковая музыка, помѣщенная въ сосѣдственной залѣ, заиграла народный гимнъ: God save the King! (Боже, Царя храни!) Нельзя представить себѣ ничего благороднѣе, трогательнѣе, возвышеннѣе этого энтузіастическаго и единодушнаго движенія—этого торжества, вмѣстѣ спокойнаго, благоговѣйнаго и энергическаго

* Тогда царствовалъ Вилгельмъ IV.

всѣхъ этихъ людей, повсюду въ другомъ мѣстѣ столь холодныхъ, но здѣсь глубоко тронутыхъ призывомъ благословеній неба на того, въ комъ видятъ они представителя свободы, порядка, правленія и отечества. По чувству патріотизма англійскій народъ должно признать первымъ въ свѣтѣ, заслуживающимъ наше удивленіе и уваженіе, и въ этомъ отношеніи онъ является столь же великимъ, какъ велики его гордость и геніальность.

На другой день я началъ свои военныя упражненія подъ руководствомъ сержанта-учителя. Въ дѣтствѣ моемъ учился я ружью у одного аустерлицкаго ветерана по французской методѣ. Англійская метода совершенно другая: ей труднѣе научиться; но она дѣлаетъ молодаго воина болѣе ловкимъ, болѣе развязнымъ, болѣе сильнымъ, и она гораздо быстрѣе. Англійская инфантерія успѣетъ выстрѣлить пять разъ, тогда какъ мы дадимъ только четыре выстрѣла, и, по крайней мѣрѣ, третья доля пуль по-

падетъ у нея въ цѣль на разстояніи ста метровъ. Она нападаетъ на непріятельскую инфантерію не иначе, какъ выстроившись въ линію, въ два ряда; по-этому теряетъ гораздо меньше людей. Въ тѣсныя колонны строится она только для быстрѣйшаго перехода съ одного мѣста на другое, или противъ кавалеріи; словомъ: обученіе англійской инфантеріи такъ-же усовершенствовано, какъ ея вооруженіе и дисциплина.

По прибытіи въ полкъ, узналъ я, что мѣсто переводчика индостанскаго языка въ нашемъ полку — единственное мѣсто при штабѣ, предлагаемое на конкурсъ офицерамъ королевской арміи—было вакантнымъ. Въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія полка нашего въ Индіи, ни одинъ изъ офицеровъ его не могъ еще пріобрѣсти достаточнаго знанія языка индостанскаго, такъ, чтобъ удовлетворить требованіямъ экзамена. Въ полку, состоящемъ изъ пятидесяти офицеровъ, не нашелся ни одинъ,

который бы имѣлъ довольно любопытства, или энергіи для того, чтобъ не зависѣть отъ своего лакея, какъ отъ чичероне, безъ котораго ему нельзя ступить шага изъ казармъ, или съ военнаго ученья. Невѣроятно, съ какою трудностью Англичане научаются говорить на иностранномъ языкѣ, а сами между тѣмъ, съ дерзкою глупостью, смѣются надъ иностранцемъ, когда онъ, говоря по-англійски, сдѣлаетъ малѣйшую ошибку въ употребленіи, или въ удареніи слова. Удивительно и то, что не только между офицерами королевской арміи замѣтна неспособность, или беззаботность въ изученіи языка, который должны слышать они въ продолженіе, можетъ быть, двадцати лѣтъ своей жизни; но точно такъ-же, если еще не больше, существуетъ этотъ недостатокъ и въ кругу компанейскихъ офицеровъ, проводящихъ всю свою жизнь въ Индіи. Въ примѣръ этого могу сослаться на туземные полки, составлявшіе въ мое время беллерійскій гарнизонъ. Въ трехъ та-

мошнихъ полкахъ было только четыре офицера, которые порядочно говорили по-индостански, и двое только изъ нихъ могли выдержать экзаменъ въ этомъ языкѣ.

Между тѣмъ они въ этомъ нисколько неизвинительны: общество представляетъ имъ весьма мало разсѣянности; немногіе изъ молодыхъ людей имѣютъ случай быть гдѣ нибудь въ гостяхъ; а въ бо́льшей части военныхъ квартиръ внутри провинцій, они проводятъ все время въ уединеніе. Жизнь ихъ проходитъ въ утомительномъ однообразіи, которое, какъ мы видѣли, заставляетъ ихъ предаваться сладострастію и гроку. Съ другой стороны, нѣтъ въ свѣтѣ службы, которая бы возбуждала столько рвенія къ образованію себя, какъ служба въ полкахъ компанейскихъ, гдѣ чины даются по старшинству выслуги; но не чинъ, а должность — результатъ способностей и образованности — приноситъ чрезвычайныя выгоды. Самыя почетныя и самыя выгод-

ныя должности—это мѣста политическихъ резидентовъ при сосѣдственныхъ, или союзныхъ съ Компаніею дворахъ. Они постоянно даются офицерамъ въ чинѣ капитана и даже поручика, по недостатку нужныхъ для того свѣденій въ людяхъ высшихъ чиновъ. Главнымъ свѣденіемъ, въ этомъ отношеніи, почитается знаніе персидскаго и индостанскаго языковъ — и, въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какъ мало Англичане знаютъ эти два языка!

Нетрудно объяснить причины такого оцѣненія умственной дѣятельности: вопервыхъ, на мѣста при штабахъ, или на какую нибудь выгодную должность по другой части, нѣтъ соперничества между офицерами королевской арміи и компанейскими, потому что первые, по уставу, устранены отъ всякаго соисканія должностей подъ вѣдомствомъ Компаніи; во вторыхъ, этихъ должностей по разнымъ вѣдомствамъ, сравнительно съ числомъ компанейскихъ офицеровъ, слишкомъ много, и потому развѣ

только тотъ, кто не имѣетъ рѣшительно никакого покровительства, или кто совершенно лишенъ всякихъ способностей, не найдетъ себѣ никакого мѣста внѣ фрунтовой службы. У офицеровъ же королевской арміи, напротивъ, способности и познанія обращаются въ чистую потерю: они составляютъ несчастіе ихъ жизни; скованная дѣятельность мучитъ ихъ: скромная должность полковаго переводчика есть послѣдній предѣлъ для ихъ честолюбія. Причина столь недостойнаго исключенія—если вѣрить компанейскимъ чиновникамъ—состоитъ въ томъ, что какъ главнокомандующіе англійскихъ войскъ въ Индіи всегда выбираются изъ генераловъ королевской арміи, то они, разумѣется, и расположены исключительно въ ея пользу, и еслибъ выгодныя мѣста были ей открыты, то всѣ они были бы заняты ея офицерами.

Во время пребыванія у моего зятя, я пріобрѣлъ уже начальное познаніе, такъ называемаго, индостанскаго языка. Будучи

холодно принятъ товарищами и предвидя, что мнѣ нелегко и нескоро придется быть дѣйствительнымъ членомъ ихъ ледянаго общества, я рѣшился побѣдить скуку уединенія ученіемъ, и достигъ своей цѣли. Годъ и одинъ мѣсяцъ протекли въ безпрерывныхъ занятіяхъ. Въ ожиданіи дружбы моихъ военныхъ товарищей, мнѣ хотѣлось завоевать ихъ уваженіе. Съ блестящимъ успѣхомъ выдержанный экзаменъ былъ результатомъ моихъ усилій, и меня рѣшительно утвердили переводчикомъ. Получая около 3000 франковъ жалованья по этой должности, я имѣлъ возможность жить съ нѣкоторою роскошью, необходимою для пріобрѣтенія уваженія въ обществѣ, въ которомъ и достоинства человѣка и его кошелекъ взвѣшиваются на одной и той-же сторонѣ вѣсовъ. Положеніе мое со дня на день становилось лучше; но въ теченіе этого довольно долгаго времени, другія обстоятельства сильно содѣйствовали перемѣнѣ его: важныя событія совершились для на-

шего полка, и заставляютъ меня возвратиться назадъ.

Такъ называемыя, уступленныя области (the ceded districts) составляютъ столь важную собственность въ числѣ компанейскихъ владѣній, и я такъ долго жилъ въ нихъ, что мнѣ непростительно было бы не посвятить имъ нѣсколькихъ строкъ въ моихъ запискахъ: богатство, плодородіе и политическая важность тѣхъ странъ даютъ имъ первое мѣсто въ числѣ мадрасскихъ владѣній; между тѣмъ самое названіе и географическіе предѣлы ихъ едва ли извѣстны не только моимъ читателямъ, но даже и въ Англіи. Пространство, разумѣемое подъ этимъ именемъ, граничитъ: къ *сѣверу* съ Тумбудрою или Тунгахудрою; къ *западу* съ Уэрдою, отдѣляющею его отъ области Белгаумъ, принадлежащей къ Бомбейской провинціи; къ *югу* съ Майсоромъ; къ *востоку* съ восточною цѣпью Гатскихъ горъ, отдѣляющихъ его отъ коллекторатовъ Гунтуръ, Онголъ и Неллоръ. Оно содержитъ (какъ

назвали бы во Франціи) департаменты Беллери, Адони, Коддапахъ и Гондъ-ай-Анантанауръ. Главнымъ мѣстопребываніемъ административныхъ властей служитъ Беллери, а главные города: Коддапахъ и Адони. Къ этимъ владѣніямъ недавно присоединили небольшое государство и крѣпость Кёрнауль, котораго нувабъ лишенъ престола въ 1839 году. Область эта отличается едва-ли не лучшимъ управленіемъ сравнительно съ другими компанейскими областями; она самая плодородная и самая промышленная во всемъ Деканѣ. Почва въ ней, по большой части, черноземная, рыхлая, легко распускающаяся отъ дождя, требующая много труда при первомъ воздѣлываніи, для очищенія отъ сильно разростающихся корней дикаго хлопчатника, которые наполняютъ ее, но потомъ вознаграждающая труды изобильными урожаями и никогда не требующая ни удобренія, ни пара. Главныя произведенія почвы: хлѣбныя зерна, хлопчатая бумага, табакъ, селитра; а главные пред-

меты промышленности: ковры, камли (ткань изъ шерсти и козьяго пуха, изъ которой туземцы шьютъ себѣ плащи), аракъ, джагерри (родъ сахарнаго песку, извлекаемаго изъ пальмы), леденецъ и желѣзо. Здѣсь всѣ заняты работою. Поземельныя подати, взимаемыя коллекторомъ-Европейцемъ, умѣренны: по этому райоты (поселяне) обезпечены въ своемъ существованіи и могутъ оставить кое-какую собственность своимъ дѣтямъ; благосостояніе въ деревняхъ распространяется, народонаселеніе увеличивается, и поросшія колючимъ кустарникомъ степи, угрожавшія наполнить собою всю страну, исчезаютъ подъ плугомъ.

Беллери, главный городъ въ этой прекрасной провинціи, есть тройная крѣпость, которой три ограды, устроенныя одна выше другой, вѣнчаютъ собою коническую скалу, круто возвышающуюся среди обширной равнины — это первая высота гребня горъ, соединяющагося, чрезъ Га̀ути и Коддапахъ, съ большою цѣпью восточ-

ныхъ Гатскихъ горъ. Нижняя крѣпость состоитъ изъ ограды съ бастіонами, рвами и гласисами, и описываетъ довольно сжатый полукругъ у подошвы приступнаго ската горы; противоположная же сторона образуетъ обрывъ, защищенный съ боковъ толстою стѣною, восходящею, по изворотамъ крутизны, до верхняго укрѣпленія, на триста футовъ надъ равниною. Ступени, изсѣченныя въ скалѣ въ видѣ лѣстницъ, идущихъ уступами и, на всемъ протяженіи своемъ, защищенныхъ многими амбразурами, ведутъ на ту площадь, которой укрѣпленія, возведенныя на первобытныхъ скалахъ, устроены на самомъ краю крутизны, и такъ хорошо соединены съ нею, что невидно, гдѣ начинается работа рукъ человѣческихъ. На сѣверо-западной оконечности этого втораго укрѣпленія возвышается еще новая масса гранита изъ одного куска, голаго и блестящаго, безъ всякаго слѣда земли или растительности: здѣсь-то изсѣчена цитадель, которую горсть людей

можетъ защищать противъ легіоновъ войска; но эту горсть людей легко побѣдить жаждою, потому что они могутъ утолять ее только изъ нѣсколькихъ водоемовъ и рвовъ, вырытыхъ въ лавѣ, въ которыхъ накопляется одна дождевая вода. Несмотря на очевидную неприступность этой крѣпости, она непремѣнно должна сдаться послѣ блокировки, которая можетъ продолжаться нѣсколько дней. Одна нижняя крѣпость неподвержена этому неудобству: въ ней много неистощимыхъ колодцевъ; но она дурно устроена, и не можетъ долго сопротивляться.

Пространство, содержащееся между основаніемъ горы и укрѣпленіями, недостаточно для помѣщенія всего гарнизона; тутъ могутъ помѣститься одни европейскіе солдаты. Двѣ дурныя казармы, каждая человѣкъ на четыреста, назначены для полка королевской арміи; третье зданіе отведено ротѣ европейской артиллеріи изъ ста пятидесяти человѣкъ; арсеналъ, хлѣбные магазины, поро-

ховой магазинъ, домъ для *массы* (mess-house)—оба послѣдніе рядомъ—наполняютъ остальное пространство ограды. Нѣсколько домовъ, дурно построенныхъ между скалами, въ разныя времена обрушившимися съ боку горы, служатъ жилищемъ для двухъ третей королевскихъ офицеровъ; все прочее, какъ-то: туземныя войска, госпитали и штабъ помѣщаются въ окрестной равнинѣ, среди чернаго народонаселенія. Гражданскія и военныя чиновники, на большихъ разстояніяхъ отъ крѣпости, занимаютъ прелестныя виллы, разсѣянныя въ полѣ съ такою неправильностью и беззаботностью, какія несовмѣстны съ нашими понятіями о дисциплинѣ и охраненіи укрѣпленнаго мѣста. Еслибъ вдругъ вспыхнуло возмущеніе, какъ на примѣръ въ Веллорѣ, то гарнизонъ тотчасъ лишился-бы всѣхъ своихъ начальниковъ.

Черный городъ состоитъ изъ базаровъ, широкихъ и многолюдныхъ, усаженныхъ прекрасными деревьями. Здѣсь производится

весьма дѣятельная торговля. Свѣжесть, жизнь и веселость этого мѣста представляютъ рѣзкую противоположность съ мертвою бѣлизною, мрачною скукою и палящею атмосферою крѣпости. Вы не можете себѣ представить силу жара, привлекаемаго и отражаемаго огромною массою гладкаго и блестящаго гранита, примыкающаго къ укрѣпленіямъ: роса, падающая во всю ночь, не въ состояніи охладить его; сонъ не успокоиваетъ васъ при такомъ вліяніи; эта обширная преграда останавливаетъ всякое дѣйствіе прохладнаго вѣтра; разрѣженный воздухъ разлагается; испаренія, выходящія изъ кустарника и развалинъ, производятъ міазмы, носящіеся вдоль стѣнъ и повсюду проникающіе. Здѣсь-то скрывается зародышъ холеры, ежегодно похищающей множество жертвъ. Это—баснословное дерево, разливающее вокругъ себя заразительную тѣнь, въ которой вянетъ и угасаетъ жизнь человѣческая.

Центральное положеніе этой гибельной

для здоровья мѣстности среди Балагуата, то есть верхней площади, простирающейся между двумя цѣнями Гатскихъ горъ, подало поводъ избрать ее главною военною квартиры. Здѣшнее мѣстоположеніе представляетъ чудесную военную позицію для безпрепятственнаго нападенія, при малѣйшемъ возстаніи, какъ на Мараттовъ со стороны Саттараха, на Полигаровъ въ Канарѣ и на Майсорскихъ музульманъ, такъ и на безпокойныхъ подданныхъ низама. При всемъ томъ мѣсто это находится въ центрѣ области, изобилующей кормовыми и хлѣбными растеніями, въ которой содержаніе войска обходится недорого и гдѣ народъ — почитая себя счастливымъ и, сравнительно съ поселянами другихъ областей, даже богатымъ, благодаря попеченіямъ просвѣщеннаго правительства—немедленно представитъ всѣ средства къ перевозу военныхъ припасовъ и соберетъ толпы служителей для арміи (camp followers), необходимыхъ во всякомъ англійскомъ походѣ.

Корпусъ войска, о которомъ теперь говоримъ, составленъ и расположенъ слѣдующимъ образомъ:

Дивизіонный штабъ.	Крѣпостной штабъ.	Войско.	Число.
	а) *Въ Беллери.*		
1 Дивизіонный генералъ. 1 При немъ адъютантъ. 1 Дивизіонный адъютантъ. 1 Дивизіонный квартирмейстеръ. 1 Штабъ-лекарь. 1 Главный инженеръ. 1 Казначей.	1 Комендантъ, полковникъ. 1 Плацъ-адъютантъ. 1 Военный интендантъ. 1 Духовникъ.	1 полкъ корол. инфант. 1 рота европ. артилл. ½ обозной роты. . . . 1 полкъ туземной регулярной кавалеріи 2 полка туземной инфантеріи.	1100 150 50 650 2300
	б) *Въ Коддапахѣ.* .	1 полкъ туземной инфантеріи.	1150
	в) *Въ Гаути.* . . .	2 роты изъ полка, находящагося въ Коддапахѣ.	
		Итого. . .	5400

Если исключить туземный полкъ въ Коддапахъ, съ двумя ротами его въ Гаути, необходимый для обузданія патановъ тѣхъ мѣстъ, и двѣ роты въ Беллери для охраненія военныхъ квартиръ, то останется еще около четырехъ тысячь человѣкъ, въ томъ

числѣ до тысячи двухъ сотъ Европейцевъ, всегда готовыхъ выступить въ походъ. Немногочисленное войско это рѣшало всѣ споры въ Мадрасскихъ владѣніяхъ съ 1825 года; оно разрушало всѣ заговоры, усмиряло всѣ возмущенія, на значительномъ пространствѣ, въ Канарскихъ и Майсорскихъ владѣніяхъ, до самой Бомбейской провинціи, и отклоняло нападенія Маратговъ и низама. Теперь оно служитъ передовою защитою и Бомбейскому президентству, замѣняя войска, находящіяся въ Синдіи. — Гражданскія власти состоятъ:

1) Изъ коллектора, получающаго 65,000 франковъ жалованья въ годъ, завѣдывающаго верховною администраціею, политическими дѣлами, публичными работами, взиманіемъ податей и сборомъ всѣхъ доходовъ. Онъ проводитъ жизнь подъ шатромъ, постоянно переѣзжая изъ одной мѣстности въ другую, попеременно осматривая всѣ части своего вѣдомства, произнося судъ и поддерживая внутренній порядокъ, словомъ:

онъ полный повелитель въ области. ввѣренной его управленію.

2) Изъ четырехъ помощниковъ коллектора, съ жалованьемъ каждому отъ 25 до 30,000 франковъ въ годъ. Они обязаны быть мирными судьями въ деревняхъ и разсматривать, въ первой инстанціи, всѣ дѣла и споры по части дохода. По разсмотрѣніи этихъ дѣлъ, должны посылать ихъ, съ своимъ мнѣніемъ, къ коллектору для окончательнаго рѣшенія. Во время уборки хлѣба они также объѣзжаютъ свои округи; но, какъ помощники главнаго начальника, пользуются болѣе ограниченною властію.

3) Изъ судьи, съ жалованьемъ 40,000 франковъ, предсѣдательствующаго въ гражданскомъ и уголовномъ судѣ первой инстанціи, котораго члены выбираются изъ туземцевъ.

4) Изъ секретаря, съ жалованьемъ 25,000 франковъ.

Наконецъ, правосудіе внутри военныхъ квартиръ, т. е. разборъ дѣлъ между солда-

тами и служителями арміи (camp followers), предоставляется—до извѣстной суммы и до извѣстной степени преступленій—офицеру, завѣдывающему интендантствомъ.

Находясь, по должности переводчика, въ частыхъ сношеніяхъ съ судьями разныхъ вѣдомствъ, я имѣлъ возможность лично убѣдиться въ справедливости многихъ обвиненій, навлекаемыхъ ими на себя небрежностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Мнѣ случалось видѣть до 6000 нерѣшеныхъ дѣлъ единственно отъ невниманія, и ни одинъ изъ судей, безъ особенной для себя выгоды, не подумаетъ отправиться на полчаса пути, въ своемъ паланкинѣ, для вѣрнѣйшаго изслѣдованія дѣла, производимаго въ его судѣ, не смотря на неудовлетворительность представленныхъ доказательствъ и на важность спора для тяжущихся. Недѣятельность эта тѣмъ болѣе предосудительна, что едва-ли есть въ свѣтѣ страна, въ которой бы труднѣе было рѣшить дѣла, нежели въ Индіи, хотя тамъ и

нѣтъ адвокатовъ, запутывающихъ тяжбы. Нельзя вѣрить никакому свидѣтельству; проситель, имѣющій правое дѣло, представитъ вамъ почти столько-же ложныхъ свидѣтелей, какъ и противникъ его, и вамъ подадутъ поводъ, вопреки справедливости, равно обвинить обѣ стороны и наказать того и другаго. Индіецъ, по-видимому, находитъ удовольствіе въ искаженіи истины, для него самой безынтересной: представить ее въ томъ видѣ, какъ она есть—ему покажется недостаткомъ воображенія, какимъ-то отсутствіемъ умственныхъ способностей: но онъ употребляетъ ложь для того только, чтобъ отпереться отъ прежняго своего показанія, если оно дурно было принято. «Истина есть послѣднее прибѣ»жище, которое онъ хранитъ для себя и »которымъ пользуется какъ можно мень»ше; потому что бережетъ его для чрезвы»чайныхъ случаевъ *.»

Чрезъ три мѣсяца послѣ моего прибытія,

* Жакмонъ.

когда нашли меня достаточно знающимъ службу для командованія карауломъ, мнѣ назначено было занять постъ въ цитадели, попеременно поручаемый офицерамъ королевской арміи и компанейскимъ. Такъ какъ всходъ на нее чрезвычайно утомителенъ, то караулъ и смѣняется здѣсь чрезъ каждыя двои сутки; но всѣ весьма охотно отправляютъ эту службу, по причинѣ чистоты и свѣжести воздуха на такой высотѣ. Принявъ письменный приказъ изъ рукъ моего предшественника и распорядившись карауломъ, я чрезвычайно удивленъ былъ встрѣчею съ государственнымъ плѣнникомъ, заключеннымъ въ этой крѣпости, и мнѣ странно показалось, что товарищи мои никогда не говорили мнѣ объ немъ: то былъ нувабъ, законный государь Кёрнула (небольшаго государства на сѣверо-востокъ отъ *уступленныхъ областей*, которое въ то время пользовалось еще нѣкоторою независимостью). Этотъ несчастный былъ жертвою одной изъ тѣхъ большихъ несправед-

ливостей, которыя на каждомъ шагу ознаменовываютъ политику Компаніи. По смерти отца своего, друга Англичанъ, пользовавшагося ихъ покровительствомъ, онъ, какъ старшій и единственный сынъ, объявилъ свои права на наслѣдство. Требованіе его признали справедливымъ; онъ былъ объявленъ нувабомъ чрезъ коллектора М. А. Д. Кампбеля, вмѣстѣ съ которымъ находился на пути въ свои владѣнія, и прибылъ къ правому берегу Гундри, небольшой рѣки, отдѣляющей Кёрнулъ отъ компанейскихъ владѣній. Онъ видѣлъ уже, на другомъ берегу, свою столицу и дворецъ отца своего; но тайная интрига дѣйствовала противъ него въ тишинѣ: кёрнульскіе правители подкуплены были его соперникомъ, побочнымъ сыномъ отца его; нувабъ, къ собственному бѣдствію своему, одаренъ былъ умомъ и способностями, которые подавали поводъ опасаться его; словомъ: искали предлога исполнить тайный договоръ, основанный на подкупѣ. Случилось, что въ эту

ночь нувабъ уличилъ въ невѣрности одну изъ своихъ женъ; онъ былъ музульманинъ, и сабля его рѣшила судьбу виновныхъ: поступокъ этотъ признанъ былъ преступленіемъ; у него не оспоривали права убить жену на землѣ своей, на другой день, по-ту сторону рѣки; но на правомъ берегу онъ былъ еще въ гостяхъ у Англичанъ, и поступилъ вопреки ихъ законамъ. Коллекторъ и правительство возстали противъ жестокости такого преступленія, и его привезли плѣнникомъ въ Беллерійскую крѣпость, а братъ его между тѣмъ вступилъ на престолъ *.

Въ то время, когда я сдѣлался его тюремщикомъ, протекло уже шесть лѣтъ, какъ этотъ несчастный влачилъ жизнь свою въ жестокомъ заключеніи; напрасно искалъ

* Правительство Компаніи едва не было жестоко наказано за свою недобросовѣстность при этомъ обстоятельствѣ; тотъ-же самый незаконный государь, котораго, вопреки справедливости, возвели на престолъ, немедленно составилъ, противъ своихъ покровителей, ужасный, исполинскій заговоръ, случайно открытый за нѣсколько мѣсяцевъ до приведенія его въ исполненіе, въ сентябрѣ 1839 года; но только надобно было залить его потоками крови. *Пр. Соч.*

онъ правосудія въ Собраніи Директоровъ и въ Нижней Палатѣ: сначала жалобы его не были уважены, потомъ перестали и принимать ихъ. Онъ просилъ судить его военнымъ судомъ: предать смерти, если найдутъ виновнымъ, или освободить, если окажется безвиннымъ—и эта просьба оставлена безъ вниманія. По утонченной, но безполезной жестокости англійскаго правительства, ему запрещено было видѣться съ матерью и женами: напрасно приходили онѣ; неумолимый часовой не пропускалъ ихъ. Лишивъ его всѣхъ этихъ наслажденій, столь дорого цѣнимыхъ Азіятцемъ, ему позволили однако-же имѣть при себѣ немного денегъ (500 франковъ въ мѣсяцъ, присылаемыхъ его матерью) и двухъ служителей. Одаренный проницательнымъ умомъ и обогащенный познаніями, необыкновенными для Индійца, онъ чувствовалъ столь сильную необходимость быть въ обществѣ, что дорожилъ даже бесѣдою офицеровъ, являвшихся на караулъ, не смотря

на безпрестанное оскорбленіе его достоинства, на жестокость и дерзость, которыя испытывалъ съ ихъ стороны. Онъ не могъ равнодушно обойтись безъ разговора—безъ размѣна мыслей: это было въ немъ непреодолимымъ влеченіемъ—прихотью больнаго; общество солдатъ до такой степени было ниже утонченности понятій и благородства его пріемовъ, что внушало ему отвращеніе; онъ, можно сказать, умолялъ тѣхъ, въ комъ надѣялся найдти больше воспитанія, посвятить нѣсколько часовъ бесѣдѣ съ нимъ; но умолялъ какъ государь. Весь небольшой доходъ, который правительство позволяло ему получать отъ своего семейства, употреблялъ онъ на деликатные подарки офицерамъ, смѣнявшимся у дверей тюрьмы его; угощалъ ихъ вкусными блюдами, лучшими фруктами по времени года, прекраснѣйшимъ шербетомъ, какой приготовляется только при дворахъ восточныхъ государей, и, въ замѣнъ того, надѣялся—обманываясь иногда въ своей на-

деждѣ — не болѣе какъ на одно только радушное привѣтствіе и, можетъ быть, на титло *гузретъ* (величество) или *ходавендъ* (свѣтлость), всегда высоко цѣнимое, даже и тогда, когда оно служитъ пустымъ звукомъ. Сыграть съ нимъ партію въ шахматы — значило сдѣлать его совершенно счастливымъ и заставить на минуту забыть горькую дѣйствительность его жизни. Какъ мало было людей, особливо между компанейскими офицерами, которые не отказывали ему въ этихъ ничтожныхъ удовольствіяхъ; между тѣмъ никто изъ нихъ не отказывался отъ его подарковъ. Участь его возбуждала во мнѣ глубокую грусть: существованіе его, прикованное къ пустынной скалѣ, напоминало мнѣ другое, бо̀льшее бѣдствіе развѣнчанной главы, которая погибла на ужасномъ утесѣ св. Елены, и, подобно беллерійскому плѣннику, встрѣтила неумолимыхъ тюремщиковъ тамъ, гдѣ надѣялась найдти привѣтливое гостепріимство. Англія, вѣроятно, у макіавелевскаго

двора Остъ-Индской Компаніи заимствовала жестокую мысль—обречь французскаго Ѳемистокла участи Прометея. По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнія, что эти царикупцы поступаютъ такимъ образомъ почти со всѣми государственными плѣнниками. Повсюду въ Индіи, гдѣ англійское знамя развѣвается на мрачной вершинѣ горы, увѣнчанной укрѣпленіями, путешественникъ смѣло можетъ предполагать, что какое нибудь низпавшее величіе стенаетъ подъ его роковою тѣнью, и взоромъ своимъ измѣряетъ разстилающіяся передъ нимъ одушевленныя равнины, на которыхъ видитъ оно, какъ свободно прыгаетъ игривая антилопа, и гдѣ завидуетъ оно участи бѣднѣйшаго поселянина.

Несчастный беллерійскій плѣнникъ привязался ко мнѣ со всею преданностью несчастнаго — со всею страстью любовника къ своей любовницѣ: онъ былъ внѣ себя отъ радости, когда являлся я на караулъ. Не только проводилъ онъ со мною цѣлые

дни въ продолжительныхъ и трогательныхъ разговорахъ, расхаживая по моей комнатѣ въ сильныхъ движеніяхъ, но не оставлялъ меня ни на минуту въ продолженіе двухъ сутокъ моей службы. Когда, послѣ вечера, посвященнаго любимой игрѣ его, ложился я на походную постель свою, онъ садился у ногъ моихъ, смотрѣлъ, какъ я спалъ, и защищалъ меня отъ насѣкомыхъ. Часто разсматривая планъ города, онъ привыкъ узнавать домъ, въ которомъ я жилъ; смотрѣлъ на него съ высоты скалы своей, и, помощію зрительной трубки, подстерегалъ всѣ мои движенія. Онъ зналъ, когда я ѣздилъ верхомъ, и слѣдовалъ за мною въ вечернихъ моихъ прогулкахъ.

Во время этой дружбы почувствовалъ я всю ограниченность и рабство военнаго состоянія. Одно обстоятельство въ особенности произвело на меня сильное впечатлѣніе: нувабъ никогда не имѣлъ намѣренія испытать мою вѣрность своему долгу; но однажды, полагая, что успѣлъ занять вни-

маніе мое какимъ-то постороннимъ предметомъ, онъ велѣлъ сказать одной изъ своихъ жёнъ — самой преданной ему, самой любимой имъ, съ которой не видался семь лѣтъ—чтобъ она пришла къ дверямъ цитадели переодѣтая купцомъ съ фруктами, которому часовой позволялъ входить. Съ утра еще замѣтилъ я въ своемъ гостѣ и плѣнникѣ какое-то необыкновенное, лихорадочное безпокойство; онъ не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, отвѣчалъ мнѣ разсѣянно и поминутно смотрѣлъ въ открытое окно до самаго прихода мнимаго купца. Лишь только тотъ появился, какъ онъ, въ то-же мгновеніе, подъ какимъ-то предлогомъ, вышелъ отъ меня, чтобъ скрыть свое волненіе и ждать результата въ комнаткѣ, гдѣ жилъ, скорѣе похожей на берлогу, чѣмъ на жилище человѣка. Я угадалъ его тайну, и усиливъ надзоръ надъ нимъ, въ опасеніи, чтобъ онъ не ускользнулъ отъ меня, отъ всей души желалъ ему успѣха въ его стратагемѣ, предполагая удалить

бѣдную женщину чрезъ нѣсколько часовъ послѣ свиданія, которое считалъ я большимъ утѣшеніемъ въ несчастіи для Азіятца. Но смущеніе, открывшее тайну ея мужа, точно такъ же измѣнило и ей: на вопросъ караульнаго сержанта она отвѣчала запинаясь; невольная прелесть ея движеній, застѣнчивость и нѣжность лица обличили полъ ея; меня скоро позвали для разрѣшенія пропуска, и я долженъ былъ прогнать ее съ порога, на которомъ она стояла. Въ этотъ день я не видалъ уже моего бѣднаго нуваба; онъ остался погруженнымъ въ печаль свою. На другой день онъ пришелъ ко мнѣ грустный, но спокойный; по свойственной ему скромности характера, не жаловался, и больше, чѣмъ когда нибудь, изъявлялъ мнѣ любовь свою. Дружба наша продолжалась пять лѣтъ, до самаго отбытія полка нашего въ Гайдерабадъ, въ 1836 году. Мнѣ сказывали, что, съ того времени, онъ часто спрашивалъ обо мнѣ у нашихъ преемниковъ, и желалъ знать, не

увидится ли опять со мною. Въ сiю минуту, когда пишу я эти строки, спокойный и свободный, въ своемъ домикѣ, подлѣ милой жены моей, онъ влачитъ еще несчастную жизнь свою на скалѣ беллерiйской.

Разговаривая съ несчастнымъ нувабомъ почти всегда по-индостански, хотя онъ очень хорошо говоритъ и по-англiйски, я сдѣлалъ большiе успѣхи въ этомъ языкѣ; сверхъ того продолжалъ учиться ему подъ руководствомъ двухъ *мунши* (индiйскихъ профессоровъ). Вечеромъ, по захожденiи солнца, когда можно было свободнѣе дышать на открытомъ воздухѣ, я прерывалъ свои ученыя занятiя и отправлялся на прогулку; любимымъ удовольствiемъ для меня было ѣздить верхомъ по отдаленнымъ окрестностямъ и искать воздуха, болѣе чистаго, нежели тотъ, которымъ дышали мы между горою и укрѣпленiями. Возвращался я всегда чрезъ базары, гдѣ смѣшивался съ толпою народа, столь младенческаго, столь

тихаго и беззаботнаго. Чѣмъ лучше говорилъ я по-индостански, тѣмъ больше любилъ я его нравы, и находилъ особенную прелесть въ разговорахъ съ нимъ, въ его историческихъ сказкахъ, столь живо разсказываемыхъ, въ его легковѣріи, въ его романическомъ и блестящемъ воображеніи. Наконецъ я завидовалъ его образу жизни, столь близкому къ природѣ; находилъ даже удовольствіе слушать его музыку, съ ея или рѣзкими и громкими, или меланхолическими звуками. »Здѣшніе базары со»стоятъ изъ улицъ, не столь узкихъ и »извилистыхъ, какъ прочія, населенныхъ »исключительно разными ремесленниками, »которыхъ произведенія расположены въ »открытыхъ верангахъ домовъ ихъ. Каж»дый работаетъ посреди своего товара, »сидя на корточкахъ, какъ обезьяна, и съ »ловкостью обезьяны дѣйствуетъ своими »руками и ногами*.» Всего больше любовался я работою точильщиковъ изъ мѣди

* Жакмонъ.

и серебра: отличныя вещи, выходящія изъ рукъ ихъ—цѣпочки изъ маленькихъ шипиковъ, серьги, кресты и филогранныя коробочки могутъ спорить съ искуствомъ нашихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ; между тѣмъ инструменты у нихъ такъ дурны, что самый искусный европейскій ремесленникъ, работая ими, не могъ бы ничего сдѣлать. Каждый работаетъ въ углу своего навѣса, на открытомъ воздухѣ, на дурномъ снарядѣ, безъ всякихъ удобствъ, облегчающихъ трудъ; но съ такимъ терпѣніемъ, съ такою ловкостью и поспѣшностью, съ такою чистотою отдѣлки, что вы невольно изумляетесь. Терпѣнье это худо вознаграждается, потому что работа мало прибавляетъ цѣны металлу: 18% считается самою большою прибылью; но и по такой цѣнѣ художники продаютъ свои прекрасныя произведенія однимъ только Европейцамъ. Для туземцевъ дѣлаютъ преимущественно простыя браслеты, покупаемыя для женщинъ и дѣтей. Лавки купцовъ, торгу-

ющихъ мѣдными лужеными сосудами для питья, самыя блестящія. Эти сосуды, круглыя и совершенно гладкія, составляютъ любимую мебель—первую принадлежность хозяйства: они служатъ для всякаго употребленія въ кухнѣ и для омовеній. Возлѣ этихъ лавокъ съ свѣтлыми сосудами, разставленными въ порядкѣ, вы видите кузнецовъ, занятыхъ грубою работою: они дѣлаютъ гвозди, ложки, и изъ металла, сдва закаленнаго — пики и сабли. Новая сабля дурной работы, съ большою желѣзною рукоятью и съ деревянными ножнами, обтянутыми кожей, продается по одной рупіи (2½ франка). Впрочемъ, это оружіе, находясь въ рукахъ туземцевъ, никогда не употребляется. Когда два Индійца поссорятся, то они не щадятъ самыхъ оскорбительныхъ ругательствъ, но рѣдко дерутся и никогда не обнажаютъ своихъ сабель.

Всѣ прочія лавки, то есть изъ десяти девять, заняты продавцами зеренъ. У народа, столь бѣднаго, каковы Индійцы, пища

есть главный предметъ расхода, а съъстные припасы—главный предметъ торговли; очень мало овощей, нъсколько сладкихъ пататовъ, много пряностей, стеклянныя, серебряныя и шелковыя украшенія для женщинъ—вотъ все, что составляетъ торговлю.

По срединъ и по концамъ этой длинной улицы, состоящей изъ хижинъ, возвышаются три зданія различной архитектуры—три храма различныхъ религій. Пагодъ находится близь Марсова поля, на концъ, ближайшемъ къ крѣпости; посреди базара — церковь протестантскихъ миссіонеровъ; на другомъ концъ, поодаль отъ жилищъ, позади послъдняго дома, построена мечеть. Положеніе каждаго изъ этихъ храмовъ соотвътствуетъ его богослуженію. Музульманскій храмъ въ уединеніи и безмолвіи. Поклонники пророка, въ избыткъ своей набожности, всегда ищутъ какого нибудь отдаленнаго предмета для богомолья—гробницы дервиша или имана. Вокругъ индій-

скихъ храмовъ, напротивъ, народъ толпится во весь день, и съ шумомъ этой толпы сливается адскій громъ нѣсколькихъ неугомонныхъ молельщиковъ, всегда скрывающихся въ нишахъ; они сопровождаютъ моленіе правовѣрныхъ нестройными звуками своего свиста и своихъ трубъ и страшнымъ стукомъ своихъ тамтамовъ. Наконецъ, общество миссіонеровъ, по крайней мѣрѣ, столь-же политическое и промышленное, какъ и благочестивое, помѣщается въ центрѣ дѣятельности и торговли; но богослуженіе его, холодное и безобрядное, мало дѣйствуетъ на воображеніе Индійца; въ храмѣ никого нѣтъ, ни одинъ голосъ не отвѣчаетъ призывамъ священника, и золотой крестъ не произвелъ никакого вліянія тамъ, гдѣ деревянный крестъ совершалъ чудеса, потому что въ Беллери есть и католическое общество — бѣдное, невѣжественное, но полное умилительной набожности, собирающееся вокругъ португальскаго священника, столь же непро-

священнаго, какъ и оно само; вы найдете это общество въ небольшой церкви, построенной на скалѣ посреди крѣпости.

XVIII.

ХОЛЕРА — ВАНГАЛОРСКІЙ ЗАГОВОРЪ ВЪ 1833 ГОДУ. — ПРОТЕСТАНТСКІЕ МИССІОНЕРЫ. — СОЛДАТЫ И СИПАИ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ февраля мѣсяца 1833, въ то время года, когда солнце начинаетъ грѣть всею своею силою, но когда на разсвѣтѣ дня и въ сумерки чувствуешь еще усладительную свѣжесть и благоуханіе въ воздухѣ—по окончаніи ежедневной прогулки моей верхомъ вокругъ укрѣпленій, къ первымъ отлогостямъ Мѣдныхъ горъ (Copper mountains), возвращался я, по обыкновенію, домой по шоссе чернаго города, усаженному тѣнистыми деревьями. Полный мѣсяцъ разливалъ потоки

свѣта, какой можно видѣть только подъ тропиками; тишина въ воздухѣ была необыкновенная; не колебались и самыя нѣжныя вѣтви деревъ, которыхъ силуэты рисовались черными и неподвижными линіями на золотой лентѣ шоссе. Проникнутый тишиною и прелестью этого вечера, я ѣхалъ шагомъ, въ глубокой задумчивости, прислушиваясь къ мѣрному ходу моей лошади и къ жужжанью насѣкомыхъ, какъ вдругъ вниманіе мое возбуждено было пронзительными криками, выходившими изъ открытой веранги одной лавки. Я зналъ ея хозяина: то былъ богатый сонаръ (золотыхъ дѣлъ мастеръ), который часто работалъ на меня. Невольное любопытство заставило меня приблизиться и протѣсниться сквозь толпу, обступившую домъ. При свѣтѣ факеловъ увидѣлъ я *чарпаэ* — родъ кровати на ремняхъ, на которой молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, единственный сынъ золотыхъ дѣлъ мастера, перегибался, какъ змѣя, перерѣзанная надвое, въ ужасныхъ судорогахъ.

Глаза его остановились, потускнѣли и сдѣлались какъ будто стеклянными; изрѣдка галваническая конвульсія приподнимала умирающаго съ сильнымъ позывомъ на рвоту; потомъ истощенный, падалъ онъ на подушки. Мнѣ случилось видѣть этого молодаго человѣка наканунѣ; вчера еще былъ онъ довольно полонъ въ тѣлѣ; цвѣтъ его лица былъ смуглый съ лоскомъ; не прошло сутокъ, и толщина его уступила мѣсто ужасающей худобѣ; щеки его сдѣлались впалыми; тѣло приняло необыкновенную бѣлизну и утратило свой лоскъ; едва могъ я узнать этого молодаго человѣка; мать его—которую, по ея дряхлости, можно было принять за весьма престарѣлую женщину, хотя ей было не больше тридцати пяти лѣтъ — испускала крики отчаянія въ ногахъ у кровати, рвала на себѣ волосы, раздирала себѣ грудь и ужасно билась головою объ стѣну. Отецъ былъ спокойнѣе: не испускалъ ни одного крика; но выраженіе лица его было ужасно. Онъ сбросилъ съ себя чалму; голова его

была выбрита, кромѣ небольшой пряди волосъ на маковкѣ; онъ весь былъ голый, и съ ногъ до головы покрытъ пепломъ; сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги крестомъ, и тихо читалъ стихи, выбранные изъ Корона, прерывая чтеніе стенаніями, бросая мутные взоры на толпу и качаясь взадъ и впередъ верхнею частію тѣла, какъ маятникъ у часовъ. Я обратился къ нему: »Магометъ Шахъ, Магометъ Шахъ!« повторилъ я нѣсколько разъ, »не могу ли я что нибудь сдѣлать для вашего сына? не прислать ли ему лекарства?« Онъ долго не внималъ моимъ словамъ; наконецъ, узнавъ меня, отвѣчалъ глухимъ голосомъ: *Мёрѣ жита сагебъ, каэ жюллабъ;* потомъ съ усиліемъ: *Аллахъ керимъ!* (Онъ умираетъ, милостивый государь; это холера. . . . Великъ Господь!)

Я возвратился домой съ печальнымъ сердцемъ и съ предчувствіемъ несчастія; во весь тотъ вечеръ не въ состояніи былъ ничѣмъ заняться, и отправился въ обще-

ство товарищей, собравшихся провести время въ одномъ домѣ, гдѣ жили трое нашихъ поручиковъ. Тамъ былъ и молодой Кампбель, у котораго перебилъ я мѣсто въ полку и который продолжалъ исправлять должность прапорщика, существуя своимъ собственнымъ доходомъ, въ слабой надеждѣ быть опредѣленнымъ впослѣдствіи. Насъ было человѣкъ двадцать офицеровъ, какъ холостыхъ, такъ и женатыхъ, но все молодыхъ, полныхъ надежды и веселыхъ. Сидя за длиннымъ столомъ, на открытомъ воздухѣ, при свѣтѣ полной луны, и наслаждаясь свѣжестью вечера, мы роскошно пировали. Между тѣмъ какъ служители нашихъ хозяевъ наливали намъ, съ индійскою щедростью, чаю, кофею, пива, пуншу и гроку, густой дымъ поднимался отъ нашихъ сигаръ, и радостные крики всего общества раздавались послѣ пѣсенъ то вакхическихъ, то анакреонтическихъ. Тосты (это собственно англійскій обычай) смѣнялись ежеминутно, и вызывали или смѣхъ, или одо-

бреніе гостей. Одна изъ необдуманныхъ шутокъ сдѣлала на меня, въ это время, самое непріятное впечатлѣніе: одинъ молодой шалунъ, наполнивъ свой бокалъ, заставилъ и насъ налить вина въ свои бокалы, и пить въ исполненіе страннаго желанія, свойственнаго дерзкому честолюбію: «A bloody war and a sickly season! (кровопролитная война и губительная погода!)» Этому желанію — или, лучше сказать — дерзости готовилось наказаніе.

Во всемъ этомъ обществѣ двое только не веселились—я и молодой Кампбель. Послѣдній провелъ весь день на охотѣ; онъ былъ крѣпкаго сложенія и не испыталъ еще никакой больѣзни: я замѣтилъ однако-же, что онъ часто выходилъ изъ-за стола, и всякій разъ, какъ возвращался, лице его становилось пасмурнѣе; мнѣ показалось даже, что у него начинаются легкія конвульсивныя движенія, похожія на судороги, въ которыхъ умиралъ сынъ золотыхъ дѣлъ мастера. Полковой штабъ-лекарь Ротледжъ

сидѣлъ возлѣ меня; я не могъ преодолѣть своего безпокойства, и сказалъ ему на-ухо: «Холера открылась въ городѣ, а этотъ «молодой человѣкъ, мнѣ кажется, нездо-«ровъ.» Сигара выпала у него изъ губъ, на которыхъ исчезла и улыбка. Не желая встревожить общество, онъ, съ видомъ равнодушія, всталъ изъ-за стола и отвелъ молодаго товарища нашего въ сторону. Оба они удалились, и штабъ-лекарь возвратился одинъ. Принесенное имъ извѣстіе, какъ набатъ, раздалось во всѣхъ сердцахъ и разсѣяло собраніе. На другой день мы хоронили смрадные уже остатки молодаго и цвѣтущаго Шотландца. По странному стеченію обстоятельствъ, официальное увѣдомленіе объ опредѣленіи его въ полкъ получено было за нѣсколько минутъ до его смерти, для того только, чтобъ быть провозглашеннымъ надъ его могилою троекратнымъ ружейнымъ залпомъ.

Ничто такъ не величественно, ничто такъ не трогательно, какъ погребальный

обрядъ въ англійской арміи. Кромѣ отряда, командированнаго для отданія послѣдней почести, соразмѣрной съ чиномъ умершаго, весь полкъ безъ ружей и всѣ офицеры гарнизона, съ обнаженными и опущенными подъ лѣвою рукою саблями, провожаютъ тѣло отъ самой квартиры до кладбища. Полковая музыка играетъ извѣстный гимнъ «Сицилійскій мореходецъ», за которымъ слѣдуетъ высокая пѣснь Саула. Эти двѣ аріи безпрестанно смѣняются одна другою; тактъ бьютъ на большомъ барабанѣ, котораго громовые звуки, какъ выстрѣлы изъ пушки, потрясаютъ воздухъ. По прибытіи на кладбище, батальонъ строится въ карè вокругъ могилы; протестантскій священникъ съ причетомъ и офицеры становятся посрединѣ карè. Пасторъ читаетъ дивную молитву англиканскаго богослуженія: «In the midst of life we are in death (на пути жизни встрѣчаемъ мы смерть)»; потомъ произноситъ печальныя слова: «Отдадимъ землѣ землю и праху прахъ.» Бросаютъ нѣсколько

горстей земли на гробъ; послѣ того раздаются ружейные залпы.

На крыльяхъ грома душа улетѣла *.

Пронзительный свистъ флажолета служитъ сигналомъ къ отбытію; полкъ строится въ колонну, и возвращается въ свои квартиры при звукахъ быстраго и легкаго вальса, играемаго полковою музыкой. Какой странный контрастъ! Говорятъ, что это дѣлается для ободренія; но эти веселыя аріи казались мнѣ оскорбленіемъ смерти, и увеличивали печаль мою.

Это была первая жертва; но ужасный бичъ водрузилъ кровавое знамя свое на нашихъ укрѣпленіяхъ. Въ продолженіе трехъ томительныхъ мѣсяцевъ мы видѣли смерть людей, бывшихъ нашими товарищами наканунѣ, офицеровъ и солдатъ, стариковъ и полныхъ жизни юношей, женщинъ и дѣтей. Каждый день присоединялись мы къ похоронному шествію; каждый день повторяли

* Sur l'aile de la foudre l'âme est partie.

мы два печальные гимна смерти, такъ, что они сдѣлались привычнымъ напѣвомъ нашимъ въ минуты задумчивости. Каждый день веселые вальсы принимали тонъ болѣе ироническій, потому что и оркестръ уменьшался; музыканты также платили дань неумолимому бичу. Жизнь, такимъ образомъ волнуемая, теряла всю свою прелесть. Занемогавшій спокойно предавался судьбѣ своей, и умиралъ равнодушно. Боялись только люди, одаренные крѣпкимъ сложеніемъ, и заглушали страхъ свой оргіями посреди дикихъ и мистическихъ пѣній. Объ нихъ можно судить по слѣдующимъ стихамъ, исполненнымъ таланта, грусти и дикости, и сочиненнымъ одною изъ послѣднихъ жертвъ. Передаю ихъ читателямъ моимъ въ переводѣ прозою.

I.

We meet' neath the sounding rafter
And the walls around are bare;
As they shout back our peals of laughter
It seems as the dead were there.

Then, stand to your glasses - steady!
We drink in our comrades' eyes:
One cup to the dead already,
Hurrah for the next that dies!

II.

Not here are the goblets glowing;
Not here is the vintage sweet.
'Tis cold as our hearts are growing,
And dark as the doom we meet.
But stand to your grasses - steady!
And soon shall our pluses rise.
One cup to the dead already,
Hurrah for the next that dies!

III.

There's many a hand that's shaking
And many a cheek that's sunk;
But soon tho' our hearts are breaking.
They 'll burn with the wine we've drunk.
Then, stand to your glasses - steady!
'Tis here tho revival lies.
Quaff a cup to the dead already,
Hurrah for the next that dies!

IV.

Time was when we laughed at others,
We thought we were wiser then.

Ha! ha! let them think of their mothers
  Who hope to see them again.
No, stand to your glasses - steady?
  The thoughtless is here the wise!
One cup to the dead already,
  Hurrah for the next that dies!

V.

Not a sigh for the lot that darkles,
  Not a tear for the friends that sink!
We 'll fall midst the wine cup's sparkles,
  As mute as the wine we drink.
Come, stand to your glasses - steady!
  'Tis this that the respite buys.
One cup to the dead already,
  Hurrah for the next that dies!

VI.

Who dreads to the dust réturning?
  Who shrinks from the sable shore?
Where the high and haughty yearning
  Of the soul can sting no more.
No, stand to your glasse - steady!
  The world is a world of lies.
One cup to the dead already,
  Hurrah for the next that dies!

VII.

Cut of from the land that bore us,
Betrayed by the land we find!
When the brightest are gone before us
And the dullest are most behind.
Stand, stand to your grasses - steady!
'Tis all we have left to prise.
One cup to the dead already,
Hurrah for the next that dies!

I.

«Соберемтесь, друзья, подъ этимъ звучнымъ кровомъ. Вокругъ насъ однѣ голыя стѣны, въ которыхъ раздаются раскаты нашего громкаго смѣха — какъ будто голоса нашихъ усопшихъ братьевъ! Дружнѣй! наполнимъ наши кубки! будемъ пить въ глазахъ нашихъ невидимыхъ товарищей: первый кубокъ за умершихъ! — Ура! второй за тѣхъ, которые еще живутъ!»

II.

«Ахъ! не здѣсь блестятъ огнемъ бокалы; не здѣсь усладительно вино: оно холодно,

какъ ледъ *, тогда какъ сердца наши горячи, какъ пламя; оно черно, какъ судьба, которую встрѣчаемъ. По дружнѣй! наполнимъ наши кубки! и сердца живѣе въ насъ забьются. Первый кубокъ за умершихъ! — Ура! второй за тѣхъ, которые еще живутъ!«

III.

»Вижу, какъ дрожатъ руки у многихъ изъ насъ—вижу впалыя щеки ваши; но это благородное вино зажжетъ огнемъ жизни разбитыя сердца наши.—Дружнѣй! наполнимъ наши кубки! въ нихъ таится оживленье. Первый кубокъ за умершихъ!—Ура! второй за тѣхъ, которые еще живутъ!«

IV.

»Было время, когда мы смѣялись надъ другими: тогда мы считали себя умнѣе. А теперь. . . . ха! ха! ха! пусть тотъ переноситъся мыслію къ своей матери, кто надѣется ко-

* Въ Индіи пріятно пить только самое холодное вино: чтобъ довести его до этой температуры, бутылку ставятъ въ селитру. *Пр. Соч.*

гда нибудь съ нею видѣться. — Дружнѣй! наполнимъ наши кубки! Безуміе здѣсь мудрость! Первый кубокъ за усопшихъ!—Ура! второй за тѣхъ, которые еще живутъ!»

V.

«Не будемъ вздыхать въ виду грозной судьбы, намъ предстоящей! не будемъ оплакивать друзей, насъ покидающихъ! Мы падемъ среди блестящихъ винныхъ чашъ— безмолвные, какъ это вино, которое пьемъ теперь. Дружнѣй! наполнимъ наши кубки! въ нихъ найдемъ мы цѣлебный бальзамъ. Первый кубокъ за усопшихъ!—Ура! второй за тѣхъ, которые еще живутъ!»

VI.

«Ужели боитесь вы превратиться въ прахъ? Ужели хотите вы избѣгнуть мрачнаго берега, гдѣ высокія и надменныя движенія души не могутъ болѣе тревожить насъ! Дружнѣй! наполнимъ наши кубки! Міръ — обманъ олицетворенный! Первый кубокъ за умершихъ!—Ура! второй за тѣхъ, которые еще живутъ!»

VII.

«Когда все блестящее было предъ нами, когда все мрачное было позади насъ — тогда, отторгнутые отъ родины, чтó нашли мы въ странѣ, куда прибыли? обманъ предательскій! Дружнѣй! дружнѣй! наполнимъ наши кубки! въ нихъ все, чтó еще остается намъ драгоцѣннаго. Первый кубокъ за усопшихъ!—Ура! второй за тѣхъ, которые еще живутъ!»

Къ концу мая эпидемія начала утихать; ея дѣйствія становились менѣе опасными; холера перешла въ холерину, и многіе выздоравливали. Правительство рѣшилось наконецъ вывести полкъ изъ этой бѣдственной крѣпости, и расположить его лагеремъ въ равнинѣ, гдѣ воздухъ былъ здоровѣе. Съ этого самаго времени болѣзнь примѣтно ослабѣла; я также находился въ числѣ послѣднихъ больныхъ, и испытавъ всѣ пароксизмы холерины, вышелъ изъ безпамятства въ прекрасной виллѣ, занимаемой докторомъ Макъ-Леодъ, главнымъ врачемъ

провинціи. Этотъ превосходный человѣкъ женатъ былъ на француженкѣ изъ Пондишери, дѣвицѣ Галль, бывшей другомъ моей матери. Лишь только узнала она объ опасномъ положеніи моемъ — сердце креолки живо тронулось, и она упросила своего мужа велѣть перенести меня, въ ихъ паланкинѣ, изъ палатки, въ которой лежалъ я среди заразительнаго лагеря, въ собственную квартиру ихъ, гдѣ оба они ухаживали за мною съ самою нѣжною заботливостью. Цѣлый мѣсяцъ провелъ я въ ихъ прекрасномъ жилищѣ, и тутъ началась между нами дружба, продолжавшаяся до самой смерти этой рѣдкой женщины, за которую не перестаю я возсылать молитвы къ небу, гдѣ она должна быть въ числѣ праведныхъ. Достойный мужъ ея по сіе время не оставляетъ своего благодѣтельнаго поприща въ Индіи. Если случится ему читать когда нибудь эти строки, то отъ всей души желаю, чтобъ онъ нашелъ въ нихъ изъявленіе совершенной моей благодарности.

Іюня 1-го вступилъ я въ отправленіе службы; прошло уже нѣсколько дней, какъ полкъ возвратился въ казармы; вечеромъ, смотря на роты наши, проходившія парадным маршемъ, съ глубокою грустью замѣтилъ я, какъ много людей утратили мы: четвертая часть офицеровъ, бывшихъ въ полку въ началѣ февраля, сто тридцать унтеръ-офицеровъ и солдатъ изъ числа семи сотъ, составлявшихъ батальонъ, двадцать женщинъ и пятьдесятъ человѣкъ дѣтей—погибли отъ холеры. Но такова легкость ума человѣческаго, особливо между военными—что моральное впечатлѣніе скоро изгладилось: полкъ, по прежнему, принялъ привычный ходъ свой, подобно прекрасному фрегату, который, послѣ сраженія или бури, поправляетъ свои снасти, вычищаетъ палубу, предаетъ убитыхъ волнамъ, устремляется по пути своему—прекрасному, радостному и блестящему, и несется по хребтамъ волнующагося Океана.

Смерть молодаго Камбеля, сильныя ощу-

щенія, испытанныя всѣми нами, небольшое общество наше въ полку—потому что холера, командировки и отбытіе инвалидовъ ограничили насъ числомъ только двадцати офицеровъ, да и самый способъ существованія нашего общиною, по непремѣннымъ законамъ «массы» — произвели примѣтную перемѣну въ моемъ положеніи. По прошествіи полутора года моей службы я имѣлъ уже нѣсколько человѣкъ друзей между товарищами, и ни одного непріятеля. Мнѣ оставалось только очиститься пороховымъ огнемъ, и тѣмъ смыть съ себя рѣзкое пятно иностранца, къ чему довольно скоро представился мнѣ и случай, какъ увидитъ читатель послѣ описанія путешествія моего въ Пондишери; но и до этого еще у насъ сдѣлалась небольшая тревога, наполнившая сердца наши радостью и нетерпѣніемъ. Дѣло однако-же не состоялось; молнія промелькнула безъ грома. Но какъ подобное движеніе есть одинъ изъ періодическихъ переворотовъ, возобновляющихся, по прошест-

віи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, то на одномъ, то на другомъ пунктѣ въ обширныхъ владѣніяхъ англійской Компаніи, и оно обличаетъ всегда внутреннее дѣйствіе, скрытое подъ наружной оболочкой, то я и скажу объ немъ нѣсколько словъ мимоходомъ.

Къ югу отъ уступленныхъ областей находится нынѣшнее Майсорское государство, ограниченное несравненно мѐньшимъ пространствомъ, нежели во времена Гайдеръ-Али и Типпу, и простирающееся, нѣкоторымъ образомъ, вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сосредоточивалось ихъ могущество. Но воспоминаніе о величіи и славѣ этихъ двухъ героевъ живо еще въ тѣхъ странахъ; тамъ постоянно господствуетъ, и особливо господствовало въ 1833 и 1834 годахъ, тайное волненіе умовъ, зародышъ ненависти, всегда готовой вспыхнуть противъ тирановъ, или, если угодно, противъ покровителей презираемаго рабства, которое влачитъ теперь жалкое существованіе

свое на престолъ султановъ. Съ цѣлію противопоставить преграду этому упорному ожесточенію и удерживать въ нѣкоторыхъ границахъ покорности этотъ неукротимый народъ, Компанія сосредоточила всѣ средства своихъ дѣйствій во второмъ городѣ той страны, Бангалорѣ, имѣющемъ самое выгодное положеніе, въ прекрасномъ климатѣ, на высокой равнинѣ, съ которой удобно можно направляться во всѣ ущелья гористыхъ странъ государства. Это высота, съ которой Компанія обозрѣваетъ плодоносныя равнины, многочисленныя деревни и многолюдные города этой земли; и потому здѣсь расположено главною квартирою одно изъ ея самыхъ благонадежныхъ войскъ—полный, во всѣхъ частяхъ своихъ, корпусъ арміи, въ которомъ болѣе двухъ тысячь Европейцевъ, составляющихъ роту конной артиллеріи, полкъ королевскихъ драгуновъ (единственный въ Мадрасскомъ президентствѣ), роту пѣхотной артиллеріи и полкъ европейской инфантеріи. Туземное

войско состоитъ здѣсь изъ одной роты конной артиллеріи, одного полка регулярной, черной кавалеріи и четырехъ полковъ сипаевъ.

Повсюду, гдѣ кроется постоянное броженіе, малѣйшая причина производитъ вспышку. Въ 1833 году народное неудовольствіе нашло здѣсь сѣмена раздора въ полкахъ сипаевъ, которыхъ случай соединилъ въ бангалорскомъ армейскомъ корпусѣ. Два враждебныя начала эти взаимно привлечены были сродствомъ своимъ, и отъ соприкосновенія ихъ произошелъ заговоръ, который, во всякомъ однородномъ государствѣ, несомнѣнно былъ бы пагубенъ для горсти побѣдителей, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ. Но что́ возможно было, въ 1841 году, въ Кабулѣ, того никогда не могло и не можетъ быть въ Индіи, гдѣ народонаселеніе есть огромная мозаика. Въ Кабулѣ всѣ жители, и земледѣлецъ и горожанинъ, и воинъ и священникъ, и государь и нищій, принадлежатъ къ одному и тому-же

народу, хотя и раздѣленному на племена и раздробленному между различными владѣтелями, но одного и того-же происхожденія, съ одинакими понятіями, одинакою религіею и одинакимъ направленіемъ. Всѣ они одушевлены были однимъ чувствомъ: ненавистью къ пришельцамъ и неправовѣрнымъ. Этого никогда не можетъ быть въ Индіи, гдѣ музульмане и Индусы, сунни и шіиты, Аравитяне и Рогилласы, и безконечное множество кастъ, возстановлены другъ противъ друга такою же точно ненавистью, какую каждый изъ нихъ питаетъ противъ Европейцевъ. Разнородность эта составляетъ безопасность англо-индійскаго владычества; она-то и разрушила, въ 1833 году, бангалорскій заговоръ, почти въ ту самую минуту, какъ онъ готовъ былъ вспыхнуть.

Два субадара (офицеры сипаевъ, въ чинѣ капитана) 9-го и 27-го полковъ, называвшіеся, по какой-то странной случайности — если только память не измѣняетъ мнѣ—Гайдеръ-Али и Шеикъ-Типпу, сдѣлались на-

чальниками заговоръ и составили планъ возстанія, которое должно быть открыться нападеніемъ ночью на квартиры европейской кавалеріи. Должно замѣтить, что лошади въ индійскомъ войскѣ никогда не ставятся въ конюшню: онѣ круглый годъ проводятъ на открытомъ воздухѣ, теплѣе или легче покрытыя, смотря по времени года, которое никогда не бываетъ до такой степени сурово, чтобъ производило между ними большую смертность; ихъ привязываютъ за шею къ деревьямъ, или къ кольямъ; а за обѣ заднія ноги къ стойкамъ, вколоченнымъ въ землю по прямой линіи. Послѣднее обстоятельство подало поводъ назвать эти военныя квартиры *линіями кавалеріи*. Нѣсколько человѣкъ туземныхъ конюховъ королевско-драгунскаго полка должны были провести шайку заговорщиковъ, которые бы, въ самую полночь, вдругъ отрѣзали всѣ веревки, которыми привязаны были лошади, и, сильно приударивъ хлыстами, погнали бы ихъ по всѣмъ направленіямъ. Лошади—всѣ

вообще жеребцы—съ неукротимостью дикихъ животныхъ, бросились бы въ поле. По мѣрѣ того, какъ европейскіе кавалеристы стали бы приходить изъ казармъ для осмотра лошадей своихъ, ихъ бы всѣхъ, однихъ вслѣдъ за другими, перерѣзали. Такая же участь угрожала и отряду европейской конной артиллеріи. Уничтоживъ ее, заговорщики надѣялись управиться съ королевскимъ пѣхотнымъ полкомъ, противъ котораго соединились бы четыре полка сипаевъ, черная кавалерія и черная артиллерія: но слабая сторона этого заговора состояла въ томъ, что туземные полки, въ которыхъ находились всѣ возможныя подраздѣленія кастъ народныхъ, не могли единодушно дѣйствовать; для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, заговорщикамъ надлежало бы даже скрывать это движеніе изъ пяти человѣкъ отъ четырехъ, но и тогда половина изъ нихъ непремѣнно осталась бы вѣрною Англичанамъ. И такъ, еслибъ заговоръ и состоялся, то успѣхъ былъ бы весьма со-

мнителенъ, и ни въ какомъ случаѣ не могъ быть продолжительнымъ. Да и самые тѣ, которые составили его, не могли устоять въ данной клятвѣ. Взаимная ненависть пробудилась въ нихъ прежде, нежели взошла заря свободы, слабые крики которой заглушены были среди этихъ антинаціональныхъ страстей, и каждый наперерывъ старался выдать своихъ сообщниковъ. Предувѣдомленное правительство тотчасъ захватило главныхъ начальниковъ; каждаго изъ нихъ привязали къ жерлу пушки; члены ихъ изчезли въ вихрѣ дыма, и туча, собиравшаяся на политическомъ горизонтѣ, разсѣялась при громѣ этихъ выстрѣловъ.

Начертанная мною картина Беллери, какъ одного изъ важнѣйшихъ политическихъ пунктовъ въ Мадрасскомъ президентствѣ, въ которомъ сосредоточиваются власти гражданская и военная—была бы неполна, еслибъ я не упомянулъ объ обществѣ *протестантскихъ миссіонеровъ для распространенія Христіанской Вѣры.* Оно не зависитъ

отъ Англиканской церкви, и руководствуется совершенно другими оттѣнками религіозныхъ мнѣній. Это смягченный, религіозный сен-симонизмъ — община проповѣдниковъ и купцовъ, управляемая извѣстными начальниками, избираемыми изъ среды главнаго общества, находящагося въ Лондонѣ. Всякій членъ, вступающій въ нее, отрекается отъ своей свободы и отъ всякой частной собственности; какъ самъ онъ, такъ и все имѣніе его принадлежитъ общинѣ: онъ женится на дочери одного изъ сочленовъ своихъ; если овдовѣетъ, то вступаетъ во второй бракъ также въ кругу своего общества, которое пріискиваетъ жениховъ его дочерямъ, если онъ отецъ, или его вдовѣ, если онъ умретъ. Лично онъ не можетъ владѣть никакою собственностью, и обязанъ отдавать отчетъ обществу во всякомъ пріобрѣтеніи, будетъ ли онъ священникъ, или банкиръ, или промышленникъ; но въ замѣнъ того, оно обезпечиваетъ его существованіе; его никогда

не допустятъ терпѣть недостатокъ въ необходимомъ, дадутъ даже возможность жить съ нѣкоторою роскошью. Однимъ словомъ: чтобъ возбудить къ дѣятельности и развить его способности, ему предоставятъ средства къ существованію, соразмѣрныя съ пользою, имъ приносимою. Что-же наконецъ выходитъ? Это уже болѣе не священникъ. Супружеская и отцовская любовь, весьма естественно, заставляетъ его заботиться объ улучшеніи своего состоянія, которое долженъ онъ дѣлить съ своимъ семействомъ; а чтобъ достигнуть до этого—онъ обязанъ, прежде всего, оказать услуги обществу и начальникамъ, дѣйствуя въ ихъ пользу. Можетъ быть, онъ и пріѣхалъ въ Индію съ добрымъ намѣреніемъ проповѣдовать Евангеліе; но увлеченный привязанностью къ своему семейству, посвящая себя исключительно изученію какихъ нибудь предметовъ по порученію начальниковъ, погруженный въ банкирскіе разсчеты, или въ

коммерческія спекуляціи, онъ ведетъ купеческія книги, поддерживаетъ переписку, занимается химіею, фабрикаціею писчей бумаги, книгопечатаніемъ, дѣлается переплетчикомъ, строитъ домы, и забываетъ свое призваніе миссіонера. Это трудолюбивый муравей—терпѣливый и неутомимый: онъ увеличитъ капиталъ, распространитъ вліяніе и коммерческія сношенія той промышленной республики, къ которой самъ принадлежитъ, но—судя по примѣру минувшихъ лѣтъ—недалеко распространитъ предѣлы Христіанства на берегахъ Кришны и Ганга.

У насъ—изъ желанія быть безпристрастнымъ—по какому-то простодушію, думаютъ, что въ Протестантской религіи больше терпимости, нежели въ нашей. Напротивъ того: у англійскихъ протестантовъ всегда находилъ я чрезвычайную нетерпимость всякаго обряда, несогласнаго съ ихъ религіею, особливо въ отношеніи къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ —

нетерпимость, которая, въ нашъ вѣкъ, не доходитъ до преслѣдованія, потому что политика и матеріальныя выгоды одерживаютъ верхъ надъ религіознымъ неблагорасположеніемъ, но которая простирается, по крайней мѣрѣ, до презрѣнія въ здѣшнемъ мірѣ и до осужденія навѣкъ въ будущемъ. Это сухой фанатизмъ, безъ всякаго энтузіазма и благодушія въ изъявленіи своей набожности, строгое соблюденіе приличій —вотъ все, что могъ я замѣтить.

Прежде, нежели кончу эту главу, мнѣ остается высказать еще одно замѣчаніе, сдѣланное мною какъ въ Беллери, такъ и въ продолженіе всей службы моей въ Индіи: тамошняя военная служба, подъ однимъ и тѣмъ-же правительствомъ и подъ начальствомъ офицеровъ одной и той же націи, мало произвела согласія между европейскими солдатами и сипаями. Они живутъ, учатся, прогуливаются, или забавляются такъ-же отдѣльно, такъ-же отличительно одни отъ другихъ и такъ-же мало изъявля-

ютъ взаимной дружбы, какъ и въ первые дни завоеванія. Это происходитъ не отъ того, чтобъ они не понимали другъ друга по языку; потому что солдатъ, желая пользоваться удовольствіями жизни, скоро научается языку, которымъ пренебрегаетъ офицеръ; послѣдній покупаетъ наслажденіе, тогда̂ какъ первый беретъ его даромъ. Многіе изъ нашихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ очень хорошо объяснялись по-индостански, телингански, канарски и т. д.— какое бы ни было нарѣчіе провинціи, въ которой стоялъ нашъ полкъ. Между тѣмъ, подобно водамъ Роны, которыя, не смѣшиваясь, протекаютъ Женевское озеро—европейскій полкъ ведетъ самобытное существованіе въ цѣломъ корпусѣ арміи, состоящемъ изъ сипаевъ. Само начальство не хочетъ даже содѣйствовать ихъ сближенію, потому что соприкосновеніе между ними произвело и усилило бы непріязнь; напротивъ, во всѣхъ военныхъ квартирахъ туземные и европейскіе солдаты не могутъ

выходитъ изъ показанныхъ имъ предѣловъ своихъ линій безъ особеннаго позволенія. Такое ограниченіе сдѣлано по причинѣ буйнаго и слишкомъ разгульнаго характера англійскихъ солдатъ, когда они выпьютъ на одинъ *пэсъ* (4 сентима) араку. Разгулье это, вполнѣ характеризуемое англійскимъ выраженіемъ «*animal spirits*» (скотское веселье), къ сожалѣнію, всегда переходитъ въ грубость и жестокость. Низшій классъ народа въ Европѣ, и преимущественно въ Англіи, находитъ особенное удовольствіе хвалиться своею физическою силою; потому-то Индійцы столько же боятся изліяній солдатской дружбы Европейцевъ, сколько и безпокойнаго характера ихъ, тѣмъ болѣе, что дружба эта всегда сопровождается дерзостью. На примѣръ: солдатъ, встрѣтивъ сипая, пришедшаго за водою къ колодцу, «довольно сильно ударитъ его, «какъ товарища, рукою по плечу, съ ви-«домъ, самымъ дружелюбнымъ, въ знакъ «привѣтствія и шутки. Это приведетъ въ

„отчаяніе бѣднаго Индійца; потому что, „въ понятіи туземцевъ, такая шутка считается оскорбленіемъ и оскверненіемъ. Но, „увѣренный въ простодушномъ намѣреніи „товарища, онъ поворчитъ немного, но „не осердится въ самомъ дѣлѣ*,“ а еще болѣе, можетъ быть, и потому, что, въ случаѣ ссоры, атлетическій Европеецъ разбилъ бы его, какъ стекло.

Если молодымъ, неопытнымъ сипаямъ, недавно поступившимъ въ службу изъ деревни, случится иногда увлечься веселостью Европейцевъ, и принять участіе въ ихъ пированьѣ, то развязка непремѣнно бываетъ такая же, какъ въ баснѣ „глиняный горшокъ и желѣзный.“ Они возвращаются избитые, оскорбленные, и у нихъ остается въ душѣ зародышъ той ненависти, которую всегда внушаетъ сильный слабому. Есть и другія, болѣе важныя, болѣе глубокія причины удаленія между тѣми и дру-

* [illegible]

гими: пьянство, буйныя страсти и скотская невоздержность англійскаго солдата. Неистовства его, въ последнемъ случаѣ, такъ часто повторялись, что теперь, бѣдная женщина, старая и дурная собою, идетъ смѣло, встрѣчаясь съ туземцами, но тотчасъ отворачивается и удаляется, какъ скоро увидитъ Европейца. Молодой рекрутъ, котораго нравственность не успѣла еще испортиться въ обществѣ опытныхъ солдатъ, проходя близь квартиръ сипаевъ и повстрѣчавшись съ молодою женщиною, улыбнется ей, или сдѣлаетъ вѣжливое привѣтствіе, какъ бы поступилъ онъ съ молодою дѣвушкою своего класса въ Англіи, и спокойно пойдетъ далѣе своею дорогою. Но послѣ, къ сожалѣнію, онъ научится оскорблять самыя нѣжныя чувства, затрогивать самую тонкую струну сердца въ народѣ, среди котораго живетъ. Какъ морально, такъ и физически—соприкосновеніе Европейца всегда служитъ оскорбленіемъ для Индійца. Однако-же сипаи поставляютъ

большую разницу между солдатомъ и офицеромъ. Перваго презираютъ они, какъ принадлежащаго къ низшему классу и къ нечистой кастѣ; послѣдняго-же отличаютъ собирательнымъ именемъ *сагиблогъ* (каста дворянъ).

XIX.

НОВЫЙ ГОДЪ. — ГОСПОДА И СЛУГИ. — СТРАСТЬ КЪ ЖЕНИТЬБѢ У ТУЗЕМЦЕВЪ. — ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ БЕЛЛАРИ ВЪ ПОНДИШЕРИ.

Мы довели разсказъ нашъ до 1-го января 1834 года. Хотя это не первый день въ году для туземцевъ, какъ музульманъ, такъ и Индусовъ, однако они съ большимъ удовольствіемъ пользуются всякимъ праздникомъ. Проснувшись по-утру, я увидѣлъ два огромныя банановыя дерева, посаженныя у дверей моей квартиры; гирлянды изъ цвѣтовъ фестонами развѣшены по всѣмъ окнамъ, подъ карнизами вокругъ стѣнъ, на рукояти моей сабли, на плюмажъ моей

каски—повсюду, гдѣ есть возвышеніе, или гвоздь, служащіе точкою опоры. Полъ во всѣхъ комнатахъ усыпанъ лепестками цвѣтовъ розовыхъ и бѣлыхъ, какъ бывало усыпались наши улицы въ день церковнаго хода. Букеты жасмина и мугри, разложенные по всей мебели, наполняютъ воздухъ сильнымъ благоуханіемъ. Лишь только показываюсь я въ дверяхъ моей спальни, какъ всѣ слуги мои, стоящіе рядомъ и дожидающіеся этой минуты, бросаютъ мнѣ, каждый въ свою очередь, вѣнки изъ бѣлыхъ цвѣтовъ на шею, и я долженъ носить ихъ до самаго завтрака, чтобъ не оскорбить этихъ бѣдныхъ людей. На столѣ своемъ нахожу я родъ пирога, называемаго *баба*—подарокъ моего повара, который подноситъ мнѣ его, приподнимая до самаго лба полу моего шлафрока; другіе служители дарятъ мнѣ *митѐ* (разныя сахарныя печенья). Даже мой маленькій двѣнадцатилѣтній грумъ подноситъ мнѣ лимонъ цѣною въ четыре сентима, прося небо, чтобы тѣнь

моя была ему всегда благопріятна и чтобъ я замѣнялъ ему отца и мать.

И вотъ я сажусь, убранный, подобно упитанному тельцу, съ трудомъ поворачивая голову, и спокойно начинаю пить чай, какъ вдругъ открытая веранга, въ которой завтракаю, наполняется толпою людей— купцами и промышленниками всякаго рода, торгующими на базарѣ и пришедшими къ господину переводчику съ подарками и съ желаніемъ счастья на новый годъ. За каждымъ изъ нихъ слуга несетъ на головѣ маленькое блюдо, подъ крышкою или изъ рогожки, или изъ банановыхъ листьевъ, съ отличнымъ виноградомъ, съ миндалемъ, или съ конфектами. Толстый пряничникъ подноситъ мнѣ большую корзину изъ леденца, которую можно принять за хрустальную; каждый даритъ по своему состоянію, или смотря по услугамъ, какихъ можетъ ожидать отъ меня. Большая часть изъ нихъ приносятъ по лимону, сопровождая свой подарокъ привѣтствіями и низкими поклона-

ми. Этотъ обычай служитъ только слабымъ отраженіемъ, или невинною, а иногда и забавною пародіею взяточничества, господствовавшаго при туземныхъ правительствахъ, или въ первыя времена компанейскаго правленія. Нынѣ всякому чиновнику британскаго правительства, и военному и гражданскому, запрещено принимать подарки деньгами, или товарами; но не такъ еще давно, не дальше какъ въ 1820 году, Индіецъ принималъ къ себѣ Европейца, или посѣщалъ его не иначе, какъ платя за эту честь раззорительными подарками. Офицеры, сопровождавшіе резидента ко двору государя, на примѣръ, низама Гайдерабадскаго, получали каждый на 4000 или на 5000 франковъ кашемировыхъ шалей. Это счастливое время уже прошло: нынче, если Индіецъ является къ вамъ съ церемоннымъ визитомъ, то онъ, низко кланяясь, предлагаетъ вамъ тамошній маленькій лимонъ вмѣсто визитнаго билета; если-же вы посѣтите его, то, при отъѣздѣ вашемъ, слуга под-

несетъ вамъ двѣ небольшія сткляночки съ розовымъ и сандальнымъ масломъ. Но привѣтствія и комплименты, самые преувеличенные, всегда въ модѣ. Если хлѣбникъ, напримѣръ, желалъ получить одобреніе для продажи хлѣба въ полку, то онъ относился съ своею просьбою въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Расточителю щедротъ, правдивѣйшему покровителю бѣдныхъ, предусмотрительному, мудрому, щедрому поручику Варрену! да не умалится никогда тѣнь его и да возрастаетъ древо его счастія!» или приступъ къ просьбѣ состоялъ изъ другихъ, тому подобныхъ выраженій.

Лишь только толпа эта удалилась, какъ вдругъ, у входа въ мой садъ, послышались звуки тамтамовъ и гитаръ, смѣшанные съ женскими голосами, и баядерки тотчасъ начали свою пляску на лугу. Дѣвицы эти искали моего покровительства, желая открыть дорогу своему ремеслу въ европейскія военныя квартиры. Какъ новый Іосифъ, я убѣжалъ во внутреннія комнаты,

и приказалъ своимъ людямъ поскорѣе удалить этихъ сиренъ.

«Европейцы въ индійскихъ городахъ, «говоритъ Жакмомъ, почти не имѣютъ «понятія объ образѣ жизни туземцевъ, на«ходящихся у нихъ въ услуженіи. Нѣтъ, «можетъ быть, ни одного гражданскаго. «или военнаго чиновника, который бы «зналъ, гдѣ живутъ его люди, женаты ли «они, есть ли у нихъ дѣти, и куда употре«бляютъ свое жалованье.» Это, конечно, зависитъ нѣсколько отъ странности индійскихъ обычаевъ, но еще болѣе отъ недостатка простоты и благодушія у Англичанъ. Удивительно, въ какомъ удаленіи отъ себя — по свойственному имъ характеру — стараются они держать иностранцевъ, среди которыхъ живутъ! Слуга въ Индіи отправляетъ свою должность подобно солдату: онъ занятъ ею нѣсколько часовъ въ день; потомъ его уже не спрашиваютъ, и вы рѣшительно ничего не знаете объ образѣ существованія человѣка, кото-

рый служитъ вамъ нѣсколько лѣтъ, находится при васъ за завтракомъ и обѣдомъ, и въ то время, какъ вы одѣваетесь и раздѣваетесь, который, какъ комнатная кошка, ходитъ по всѣмъ вашимъ комнатамъ, и, подобно этому животному, исполнивъ возложенную на него обязанность, исчезаетъ съ наступленіемъ ночи. Изъ всей многочисленной прислуги вашей, одинъ только маленькій грумъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, спитъ въ открытой верандѣ, гдѣ ложится онъ для того чтобъ быть всегда готовымъ явиться къ вамъ, какъ скоро позовете его ночью; хорошо еще, если онъ услышитъ вашъ голосъ, потому что спитъ самымъ крѣпкимъ сномъ подъ вліяніемъ двухъ, весьма сильныхъ усыпительныхъ средствъ—своего возраста и климата. Вы можете однако-же уговорить котораго нибудь изъ вашихъ людей, на примѣръ, повара—поселиться, не подъ одною съ вами кровлей, но въ окружности вашего дома, и то съ непремѣннымъ условіемъ позволить

ему построить хижину съ двойной оградой—изъ рогожъ и глины, въ самой отдаленной и тѣнистой сторонѣ сада. Когда этотъ родъ улья будетъ готовъ, то, въ затемную ночь, онъ перевезетъ туда, въ закрытой повозкѣ, весь свой рой, своихъ женъ и дѣтей; но тогда надобно съ большою осмотрительностью избѣгать всякаго случая возбудить въ немъ безпокойную ревность. Господинъ, который бы отважился приподнять *пердахъ*, т. е. занавѣсъ гинецея, былъ бы справедливо наказанъ ударомъ кинжала, или пріемомъ яда. Большая часть слугъ при полковыхъ офицерахъ—когда рѣшаются они вести кочевой образъ жизни вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, и не имѣютъ средствъ возить съ собою женъ своихъ съ должною предосторожностью для укрытія отъ взоровъ постороннихъ людей — оставляютъ ихъ въ своей провинціи подъ присмотромъ родныхъ. Въ такомъ случаѣ каждый ежемѣсячно посылаетъ своему семейству деньги на

содержаніе, смотря по жалованью, какое кто получаетъ: самая мѐньшая сумма, посылаемая семейству—рупія (2 франка и 50 сентимовъ) въ мѣсяцъ; и это удѣляется бѣднѣйшимъ слугою, получающимъ не больше четырехъ рупій (10 франковъ) въ мѣсяцъ на одежду и пищу. Какъ бы кто бѣденъ ни былъ—всякій хочетъ жениться—и смотритъ на жену свою, какъ на драгоцѣнную собственность. У него нѣтъ одежды для прикрытія наготы своей зимою; онъ не увѣренъ, будетъ ли у него завтра кусокъ хлѣба; чтобъ содержать бѣдное созданіе, которое должно дѣлить съ нимъ нищету его, онъ не рѣдко доходитъ до необходимости отказывать самому себѣ въ первыхъ потребностяхъ жизни; но онъ крѣпко затянетъ поясъ на тощихъ бокахъ своихъ и, улыбаясь, вспомнитъ, что у него молоденькая жена въ деревнѣ, близъ которой лучшіе дни ожидаютъ его — что она его *жани*, его *нурмаль* — жизнь, свѣтъ его дома.

Между тѣмъ онъ не по любви женился на ней, потому что ей, можетъ быть, только восемь лѣтъ—возрастъ, въ которомъ у Индусовъ, во всякой кастѣ, родители соглашаются между собою сочетать бракомъ дѣтей своихъ. При томъ онъ ни разу еще и не видалъ ее до самой женитьбы: ее выбрали ему родители. У музульманъ выборъ невѣстъ дѣлается почти точно такъ-же; только они женятся въ возрастѣ, развитомъ для дѣторожденія; но молодой супругъ въ первый разъ видитъ жену свою не прежде, какъ вечеромъ въ день свадьбы. Можно сдѣлать одно общее замѣчаніе о туземцахъ всякаго возраста, всякаго вѣроисповѣданія и всякаго сословія: всѣ они съ одинакимъ равнодушіемъ, почти съ отвращеніемъ, отзываются о женщинахъ, едва вышедшихъ изъ дѣтства. Должно также замѣтить, что и люди въ тѣхъ климатахъ скоро созрѣваютъ и разрушаются: женщина двѣнадцати лѣтъ дѣлается матерью, а тридцати лѣтъ—старухою.

Наконецъ, послѣ вступленія моего въ полкъ, прошло уже время, положенное для непрерывной службы, и я имѣлъ право воспользоваться трехмѣсячнымъ отпускомъ. Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось снова увидѣть Пондишери, его блестящее прибрежье, его гармоническое море, и обнять милую сестру, которая ждала меня на берегахъ его. Къ тому-же я утомленъ былъ однообразною жизнью въ гарнизонѣ; мнѣ наскучила эта печальная скала, наводившая на меня множество горестныхъ воспоминаній объ утратѣ добрыхъ товарищей. Признаюсь, меня влекло также стремленіе къ кочевой жизни, которой прелести такъ сильно владѣютъ нами, какъ скоро мы разъ вкусили ихъ. Въ чемъ же именно состоитъ привлекательность этой страннической жизни? Не въ томъ ли, что она усѣяна множествомъ неважныхъ, но непредвидимыхъ случаевъ, и представляетъ волѣ нашей кучу предметовъ, возбуждающихъ ее къ дѣятельности? Вы ежеминутно должны упражнять ваше

вниманіе, чего-то желать и дѣйствовать, правда, въ кругу весьма ограниченномъ, но тѣмъ не меньше вы все-таки чего-то пожелали—вы дѣйствовали. »По этому, вы »вкусили уже самое естественное удовольствіе, тѣмъ болѣе живое, что оно рѣдко »встрѣчается въ привычной системѣ нашего существованія.« Какъ бы то ни было— но я никогда не забуду, можно сказать, трепетъ того удовольствія, съ которымъ бросился я на сѣдло, 12-го января 1834 года, около шести часовъ вечера, вскорѣ послѣ веселаго обѣда съ товарищами за общимъ столомъ; многимъ изъ нихъ еще разъ пожалъ я дружески руку; потомъ, уступая нетерпѣнью моей прекрасной арабской лошади, пустился въ галопъ.

Остались ли еще у меня современники въ Беллери и Гайдерабадѣ? Въ этихъ эфемерныхъ обществахъ, которыя блистаютъ на одно минуту при лучахъ индійскаго солнца и тотчасъ исчезаютъ—есть ли тамъ хоть одинъ, кто бы помнилъ *Дюка*, царя

арабскихъ коней—есть ли хоть одинъ, кто бы зналъ и позабылъ его? Лошадь эта была предметомъ удивленія въ полку; самый младшій изъ кантонистовъ тотчасъ узналъ бы ее въ цѣломъ эскадронѣ. Какъ теперь смотрю на ея маленькую голову, на ея профиль антилопы, на ея ноги, тонкія и стройныя, на ея широкую грудь, на ея ляшки, твердыя и круглыя, какъ у прекрасной женщины. Что сдѣлалось съ тобою, мой бѣдный Дюкъ? Красивые члены твои достались ли въ добычу шакалу и ворону, или ты влачишь еще печальную старость, помышляя о пространствахъ, по которымъ мы носились съ тобою?

Люди мои опередили меня двумя небольшими станціями; я догналъ ихъ въ Кодиголѣ, второй деревнѣ, въ семи льё на юго-востокъ отъ Беллери. Въ намѣреніи путешествовать скорѣе, я не взялъ съ собою ни палатокъ, ни повозокъ, запряженныхъ волами; прислуга моя состояла только изъ камердинера, онъ же отправлялъ и дол-

жность повара, и ѣхалъ на *татту*, маленькой лошадкѣ; изъ двухъ конюховъ и двухъ травниковъ или фуражировъ для ухода за моими двумя лошадьми, и, наконецъ, изъ двухъ *кдури-кули*, которые несли четыре тростниковыя корзины, гдѣ былъ весь мой гардеробъ, съѣстные припасы и разные путевые приборы. И такъ весь мой небольшой караванъ, сокращенный по возможности, состоялъ изъ восьми человѣкъ и трехъ лошадей.

Января 13-го мы проѣхали пять льё до деревни *Гунтаколъ*, на равнинѣ, покрытой роскошною зеленью и порядочно воздѣланной; здѣсь попеременно представляются то луга, то черныя земли.

Января 14-го, въ *Беррагерраур* (пять льё). Виды являются болѣе разнообразные: замѣтно нѣсколько возвышеній, потомъ рядъ холмовъ, направляющихся къ востоку: это начало Гатскихъ горъ. Но за то дорога, или, лучше сказать, тропинка становится несносною, ежеминутно исчезаетъ и требуетъ проводника. Гдѣ же тѣ прекрасныя

дороги, о которыхъ съ такимъ восхищеніемъ говоритъ Монгомери-Мартень и которыя приносятъ столько чести Компаніи? Я нигдѣ не видалъ ихъ. Вотъ и мы теперь на одной изъ главныхъ, военныхъ и коммерческихъ линій, на одномъ изъ главныхъ путей сообщенія въ Мадрасскомъ президентствѣ, а между тѣмъ не означено и самое направленіе пути, по которому должно слѣдовать. Если вы гдѣ и находите дорогу, то ее устроилъ который нибудь изъ тамошнихъ государей на свой счетъ; если поле усажено деревьями, то будьте увѣрены, что это работа туземцевъ.

Дорога до *Гаути* не представляетъ ничего примѣчательнаго, кромѣ нѣсколькихъ полосъ сыпучаго песку, довольно опасныхъ, пролегающихъ по чернозему и направляющихся къ морю.

Января 15-го. — *Гаути*, называемый Гибральтаромъ Карнатика, состоитъ, какъ и Беллери, изъ двухъ крѣпостей и одной цитадели, возвышающихся одна надъ дру-

гою, на отлогости и на вершинѣ коничеекой горы. Въ прежнее время здѣсь были главныя квартиры армейскаго корпуса, расположеннаго въ уступленныхъ областяхъ. Какъ укрѣпленное мѣсто, городъ этотъ несравненно важнѣе Беллери; какъ военная позиція, онъ также не уступаетъ ему; но повальныя болѣзни съ такою силою начали въ немъ свирѣпствовать, что надо было оставить его. Замѣчательно, до какой степени подвержены перемѣнамъ разныя мѣстности Индіи. Мѣста, нѣкогда славившіяся чистотою воздуха и здоровымъ климатомъ, нынѣ испаряютъ заразительные міазмы и, въ полномъ смыслѣ, необитаемы; право, можно подумать, что земля, какъ будто во времена Содома и Гоморра, раскрываетъ нѣдра свои, и испускаетъ газы, истребляющіе народъ. Такова была участь Гаути: такова будетъ участь и Беллери. Еще удивительнѣе, что перемѣна эта вообще произошла вопреки причинамъ, которыя бы должны были очищать воздухъ въ этихъ мѣст-

ностяхъ: она случилась уже послѣ того, какъ чистота и просторное помѣщеніе въ европейскихъ военныхъ квартирахъ заступили мѣсто нечистоты домовъ и тѣсноты туземнаго населенія. По такой же точно несообразности, пока крѣпости Гаути, Пондидругъ, Джинджи, и Серинганатамъ представляли собою человѣческіе муравейники, тѣснившіеся въ вонючихъ хижинахъ—холера и гнилыя горячки были тамъ неизвѣстны. Нынче, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, встрѣчаются только оставленныя казармы и развалины; повсюду чрезвычайная чистота, а между тѣмъ одной ночи, проведенной въ казармахъ, достаточно для развитія зародыша болѣзни, если не смертельной, то, по крайней мѣрѣ, разрушительной для темперамента. Замѣтимъ еще, что три изъ этихъ крѣпостей построены на горахъ, на большой высотѣ надъ окрестными равнинами, гдѣ нѣтъ болотъ и очень мало воды.

Верхняя крѣпость въ Гаути, такъ-же какъ и беллерійская цитадель, служитъ мѣстомъ

заключенія для государственныхъ плѣнниковъ. Во время моего проѣзда этихъ несчастныхъ было четверо: замѣчательнѣйшій изъ нихъ—прежній министръ одного раджи Визіанагорскаго, лишившійся ноги въ битвѣ за своего повелителя. Государь и его подданный находились въ заключеніи нѣсколько уже лѣтъ, но раджа недавно умеръ. Двое другіе были полигары или военные начальники нѣкоторыхъ владѣній въ *Кимеди* (въ сѣверныхъ Сиркарахъ), а четвертый раджа Тиневиллійскій, недавно заключенный въ крѣпость.

Января 17-го. *Тадпотри* (пять съ половиною льё). Отправясь въ дорогу за два часа до разсвѣта, я прибылъ, при восхожденіи солнца, въ страну, которая приняла совершенно другой видъ. Здѣсь хотя и не проложено дороги, но, по крайней мѣрѣ, она обозначена аллеею прекрасныхъ деревъ по мелкому и сыпучему песку, въ который, на каждомъ шагу, уходятъ ноги и людей и лошадей. Если бъ мѣстами не попадались тропическія

деревья, то можно бы подумать, что находишься въ Европѣ: фермы и деревни, имѣющія видъ нѣкоторой опрятности и правильности, не разрушаютъ этого обмана, когда смотришь на нихъ нѣсколько издали; но обманъ исчезаетъ, какъ скоро входишь въ нихъ; тогда невольно спрашиваешь самого себя: не устроены ли онѣ для какой нибудь лиллипутской породы. Въ бо́льшей части хижинъ потолокъ такъ низокъ, что жители не могутъ стать прямо. То, что̀ было бы для насъ наказаніемъ, не составляетъ для нихъ даже и лишенія, по привычкѣ садиться на корточки всякій разъ, когда могутъ это сдѣлать: они всегда сидятъ въ такомъ положеніи, и находятъ его самымъ удобнымъ для отдохновенія. Туземцы входятъ въ свои домы для того только, чтобъ посидѣть или отдохнуть; всѣ ремесленныя работы производятся на открытомъ воздухѣ.

Января 18-го. Въ *Шетти - Варрапилли*, прекрасномъ селеніи, въ которомъ около

двухъ сотъ домовъ деревянныхъ и глиняныхъ. До него около восьми льё. По мѣрѣ того, какъ подъѣзжаешь къ этой станціи, рядъ горъ, удалявшихся отъ насъ по выѣздѣ изъ Гаути, непримѣтно приближается, и образуетъ здѣсь округленную высоту поперегъ дороги. — Нѣсколько дней наблюдаю я группы людей, встрѣчающихся мнѣ на пути—и, болѣе и болѣе, убѣждаюсь, что Христіанство есть единственный моральный законъ, благопріятствующій женщинамъ. Нигдѣ положеніе ихъ не казалось мнѣ столь несчастнымъ, какъ въ низшихъ классахъ Индусовъ, которые, по-видимому, воспроизводятъ свою породу почти какъ животныя, безъ всякаго понятія о любви. Мужчины, кажется, смотрятъ на женщинъ, какъ на тварей, до такой степени нечистыхъ, что удивляешься, какъ еще это отвращеніе не заглушаетъ въ нихъ естественнаго побужденія. Множество бѣдныхъ семействъ встрѣчаю я на дорогѣ. Какъ бы утомлены, какъ бы скудно одѣты они ни

были, на самой послѣдней степени нищеты— мужъ всегда безмолвно идетъ впереди, а жена слѣдуетъ за нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и несетъ ребенка. Если у нихъ есть какая нибудь домашняя утварь, то и ее должна нести жена. Не разъ попадались мнѣ женщины, изнемогавшія подъ тяжестью ноши; между тѣмъ мужья, идя впереди съ одною только дорожною палкою, не думали даже брать къ себѣ на руки дѣтей, чтобъ облегчить женъ. Здѣсь женщина — настоящее вьючное животное, слѣдующее за своимъ господиномъ безъ ропота и не старающееся обратить на себя его вниманіе. Иногда двѣ жены дѣлятъ между собою рабство и пренебреженіе со стороны одного мужа: онѣ идутъ одна позади другой—любимая впереди; каждая несетъ своихъ дѣтей, а поклажу пополамъ. Иногда эти несчастные караваны сопутствовали мнѣ на пространствѣ нѣсколькихъ льё, и я никогда не видалъ, чтобъ женщины шли рядомъ, или разговаривали между собою. Когда нѣ-

сколько семействъ путешествуютъ вмѣстѣ, то всѣ мужчины идутъ толпою впереди, а женщины, другою толпою, слѣдуютъ за ними въ почтительномъ разстояніи. Если кавалькада путешественниковъ, особливо если Европеецъ проѣзжаетъ мимо ихъ, то женщины, по большой части, останавливаются и отворачиваются, или закрываютъ лице, пока проѣдешь. Онѣ удаляются, грустныя и безмолвныя, какъ будто на похоронахъ. Въ ихъ существованіи незамѣтно и тѣни счастія.

Въ деревнѣ онѣ ходятъ только на рынокъ и на рѣку, для закупокъ, или для омовеній; но для удовольствія, для забавы никогда не выходятъ изъ дому. Онѣ не участвуютъ ни въ какомъ обществѣ мужчинъ, и въ обращеніи своемъ съ мужьями не позволяютъ себѣ ни малѣйшей свободы; даже дóма послѣдніе рѣдко разговариваютъ и никогда не ѣдятъ вмѣстѣ съ ними; жены садятся за обѣдъ тогда уже, когда мужъ кончитъ его.

Января 19го. Въ *Челамакуръ*, такой-же деревнъ, какъ и предыдущая (четыре льё). Увидъвъ плугъ близь дороги, я подошелъ осмотръть его: это просто загнутая крюкомъ палка, которая царапаетъ только землю. Два вола запряжены въ это жалкое пахатное орудіе; женщины, идущія за пахаремъ, руками разбиваютъ глыбы, поднимаемыя, но не раздробляемыя плугомъ. Волы небольшіе и обыкновенно чернобурые; у нихъ у всъхъ замътилъ я наростъ жира на зашейкъ. Навозъ ихъ нейдетъ на удобреніе полей; только на ближайшее поле вывозится изъ-подъ нихъ подстилка; самый же пометъ употребляется на топливо, котораго очень мало въ этой части Индіи. »Нъсколько семействъ — говоритъ Жакмонъ—занимаются приготовленіемъ этого »топлива. Пометъ смъшиваютъ съ рубленою соломой, потомъ раздъляютъ на широкіе куски и высушиваютъ на солнцъ; »однъ только женщины занимаются такою »отвратительною работой. Эти несчаст-

»ныя стоятъ по-утру возлѣ воловъ, и я »видѣлъ, какъ онѣ спорятъ и дерутся за »ихъ пометъ.« Во всѣхъ деревняхъ, которыми теперь проѣзжаю, стѣны каждаго дома уставлены этими кусками: это запасъ топлива для каждаго семейства; на него не смотрятъ какъ на нечистоту; напротивъ, его считаютъ однимъ изъ самыхъ чистыхъ предметовъ.

Вообще конецъ января здѣсь не служитъ временемъ ни обработки полей, ни уборки хлѣба; земля въ здѣшнемъ благодатномъ климатѣ приноситъ два урожая въ годъ: одинъ—риса, который занимаетъ почву съ іюня до ноября; другой — хлѣбныхъ, огородныхъ, или масляннистыхъ растеній, не требующихъ орошенія и созрѣвающихъ во время жаровъ. Въ теперешнюю пору, поля вокругъ меня заняты преимущественно хлѣбными растеніями, кользою, льномъ, а еще болѣе полудикимъ хлопчатникомъ, приносящимъ короткую и грубую бумагу.

Января 20-го. *Аппіапели* (пять льё).—Въ

этомъ селеніи нѣтъ ничего примѣчательнаго, кромѣ пагода, богато изваяннаго, но съ отвратительными барельефами: это неблагопристойныя аллегоріи мірозданія, въ которыхъ *Лингамъ* играетъ главную роль.

Января 21-то. *Кóддапахъ* (пять льё).—Дорога, болѣе и болѣе песчаная, орошаемая многими потоками, высохшими въ это время года, направляется къ ряду горъ, пересѣкающихъ ее подъ прямыми углами. Горы эти сначала кажутся совершенно синими, потомъ принимаютъ мѣдный цвѣтъ при первыхъ лучахъ солнца: это восточная цѣпь Гатскихъ горъ, простирающаяся отъ сѣвера къ югу, пераллельно къ берегу. Та часть, которую видно отсюда, совершенно обнажена. Почти у подошвы ея находится небольшой городъ Кóддапахъ, мѣстопребываніе областныхъ гражданскихъ чиновниковъ и войска; положеніе его, у входа во многія ущелья горъ, придаетъ ему нѣкоторую политическую важность. По рекомендательному письму, которое дано мнѣ было

къ одному офицеру коддапахскаго гарнизона, я нашелъ здѣсь самое пріятное гостепріимство.

Городъ Кóддапахъ, сколько могу судить по его пространству и движенію, содержитъ въ себѣ отъ восьми до десяти тысячь душъ; жители состоятъ преимущественно изъ Патановъ или потомковъ Аравитянъ отъ индійскихъ женщинъ: они отличаются всѣмъ фанатизмомъ и всею неукротимостью отцовъ своихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ до моего прибытія, городъ этотъ былъ театромъ возмущенія противъ компанейскаго правительства—возмущенія, которое имѣло связь съ бангалорскимъ заговоромъ и должно было вспыхнуть въ одно съ нимъ время; но начальники заговора, боясь измѣны, ускорили вспышку его, бросивъ ночью мертвую свинью въ большую мечеть и увѣривъ народъ, что такое оскверненіе храма сдѣлано Европейцами. Коллекторъ, Г. Макдональдъ, весьма достойный молодой человѣкъ, напрасно разувѣрялъ раздраженную толпу; его без-

жалостно убили со всѣми бывшими при немъ провожатыми. Но эта тревога не произвела никакого дальнѣйшаго революціоннаго движенія: дурно направленная минутная энергія быстро смѣнилась совершеннымъ безсиліемъ. Войско, посланное для усмиренія бунта, не встрѣтило никакого сопротивленія; ему выдали даже виновныхъ, и за смертію коллектора послѣдовало примѣрное наказаніе, которымъ еще прочнѣе утвердилось вліяніе британской власти.

Гражданское начальство въ этой мѣстности состоитъ изъ коллектора, его помощника и старшаго засѣдателя, завѣдывающихъ — какъ мы уже замѣтили — администраціею податей и мирнаго суда; изъ судьи или президента гражданскаго и уголовнаго суда первой инстанціи и его секретаря. Въ военныхъ квартирахъ, въ мое время, находился штабъ и пять ротъ туземнаго пѣхотнаго батальона: двѣ другія роты были отряжены въ Гаути, гдѣ составляли онѣ

весь гарнизонъ и гдѣ я замѣтилъ ихъ на караулѣ при государственныхъ плѣнникахъ; двѣ остальныя роты были въ походѣ, и провожали обозъ съ деньгами, отправленными изъ президентства въ Беллери. Подробности эти могутъ дать понятіе о раздробленіи туземныхъ компанейскихъ полковъ въ Индіи, и доказываютъ немногочисленность дѣйствительной арміи, потому что здѣсь—въ провинціи, очевидно неблагонадежной, гдѣ недавно вспыхнуло возмущеніе—мѣстное правительство содержитъ обыкновенно одинъ только гарнизонъ изъ семи сотъ человѣкъ, а иногда и меньше. Дѣйствительно, исключая нѣкоторыя центральныя позиціи—на большомъ разстояніи одна отъ другой—въ которыхъ находятся довольно сильные корпуса обсерваціонной арміи, полки разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ ротами, можно сказать, мелкими караульными отрядами, и военная сила рѣдко бываетъ достаточна на одномъ пунктѣ для внушенія страха въ первыя минуты возму-

щенія. Въ такомъ случаѣ сила эта остается въ оборонительномъ только положеніи до тѣхъ поръ, пока депеши ея, съ извѣстіемъ объ открывшемся возмущеніи, достигнутъ до ближайшей главной военной квартиры, откуда получитъ она подкрѣпленіе.—Всѣ военныя работы, вся скука и усталость ежедневной службы падаютъ на туземное войско, тогда какъ европейское войско содержится исключительно для войны. По выраженію Жакмона, солдатъ-Европейцевъ можно сравнить здѣсь съ пѣтухами, выводимыми на драку, которыхъ кормятъ въ праздности цѣлый годъ для того только, чтобъ одинъ разъ выпустить на бой. Въ походѣ всегда присоединяютъ отрядъ туземныхъ войскъ къ европейскимъ полкамъ, для охраненія ихъ, для ухода за ними въ полномъ смыслѣ слова; на квартирахъ — то-же самое. Такъ какъ зимній холодъ, весенній жаръ и осенніе дожди равно пагубны для Европейцевъ, то англійскіе солдаты рѣдко ходятъ на караулъ внѣ

казармъ своихъ: вокругъ нихъ на часахъ стоятъ сипаи.

Января 23-го. Изъ Кòддапаха выѣхалъ я въ пять часовъ утра, съ тѣмъ чтобъ поспѣть къ завтраку въ *Бонкрапетъ*, индійскій монастырь, въ трехъ льё, на первыхъ отлогостяхъ Гатскихъ горъ и у самаго входа въ ужасное ущелье, которымъ онѣ пересѣкаются. Дорога, идущая отъ Гàути и осѣняемая деревьями, вдругъ прерывается въ Кòддапахъ, а чрезъ одно льё далье за этимъ городомъ, превращается въ несносную, едва замѣтную тропинку, извивающуюся среди множества скалъ. Единственное примѣчательное зданіе въ этомъ селеніи — пагодъ довольно бѣдной архитектуры, при которомъ содержится много баядерокъ. Полагаю, что сосѣдство Кòддапаха, гдѣ патанское и музульманское народонаселеніе въ высокой степени безнравственно, поддерживаетъ это заведеніе. Баядерки, какъ говорятъ, приносятъ большой доходъ браминамъ, которые сами развращаютъ ихъ, съ

младенчества воспитывая для постыднаго промысла, и пользуются отъ нихъ всѣми выгодами. Непонятно для меня, какимъ образомъ брамины, по догматамъ своимъ, почитающіе нечистымъ всякаго, кто не принадлежитъ къ ихъ кастѣ, такъ, что одно уже прикосновеніе Европейца, музульманина, или Индуса низшей касты, служитъ для нихъ оскверненіемъ—наперерывъ предлагаютъ путешественнику, кто-бы онъ ни былъ, за деньги выбирать любую баядерку изъ всей партіи, не исключая тѣхъ, которыя были наложницами ихъ наканунѣ и, можетъ статься, тѣмъ-же самымъ будутъ для нихъ завтра. Эти бѣдныя созданія вовсе не принимаютъ своего промысла за грѣхъ: онѣ видятъ въ немъ исполненіе обряда, или жертвоприношеніе, пріятное идолу, которому поклоняются и предъ которымъ поочередно являются для пляски; и потому онѣ не считаютъ себя несчастными, и не дѣлаются предметами презрѣнія. Индусы, даже лучшихъ кастъ, не затруднятся иногда, въ

случаѣ какого нибудь угрожающаго имъ несчастія, посвятить дочь свою этому идолу, и отдадутъ ее, трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду, въ руки браминамъ; но вообще баядерки выбираются въ извѣстной кастѣ, поклоняющейся богинѣ *Кали*—Венерѣ индійской.

Около пяти часовъ по-полудни, въ тотъже день, я началъ взбираться пѣшкомъ на первую высоту Гатскихъ горъ, по тропинкѣ, до такой степени усыпанной мелкими камешками и скользкой, что ѣхать по ней верхомъ было-бы опасно. Почти при самомъ началѣ своемъ пролегаетъ она въ безплодномъ и печальномъ ущельѣ, гдѣ растительность совершенно исчезаетъ. Сперва достигаешь до перваго гребня горъ; потомъ спускаешься опять въ долину, усѣянную скалами, и снова поднимаешься на вершину, болѣе высокую. Здѣсь горы имѣютъ видъ моря, мгновенно окаменѣвшаго въ самую ужасную бурю. Но это все скалы, и кромѣ скалъ, вы ничего не видите. Это са-

мая утомительная изъ всѣхъ картинъ—картина пустыни: нѣтъ никакой характеристической самобытности; какъ въ подробностяхъ, такъ и въ цѣломъ, нѣтъ ни прелести, ни величія, ни оригинальности: въ первый еще разъ чувствую я себя разочарованнымъ отъ путешествій, и ложась вечеромъ на походную постель свою въ небольшой деревенькѣ Контадарнетъ, на восточномъ концѣ ущелья, вспоминаю басню: »Два голубя«, и размышляю о пріятностяхъ спокойной жизни.

Января 24-го, въ *Рончетти* (пять льё)— деревнѣ, въ которой около ста хижинъ.

Такой же ландшафтъ, какъ и наканунѣ. Здѣсь есть компанейское бонгало, но до такой степени обветшалое и угрожающее скорымъ разрушеніемъ, что я предпочитаю искать пріюта въ каравансараѣ. Такъ называютъ небольшой, закрытый со всѣхъ сторонъ, кварталъ посреди открытаго города, или обведенное оградою мѣсто близь деревни, въ которомъ останавливаются всѣ

туземные путешественники. Каждый платитъ за свой прiютъ и за сохранность своей лошади 4 сентима съ человѣка и съ животнаго. Путешествующiе съ двумя или тремя человѣками прислуги платятъ 4 ана, т. е. 63 сентима. Сторожъ смотритъ за порядкомъ, а нѣсколько служителей — за чистотою.

Люди, останавливающiеся въ этихъ каравансараяхъ, представляютъ чрезвычайно печальную картину: они состоятъ, въ особенности, изъ богомольцевъ, мелкихъ разнозчиковъ, которыхъ все богатство укладывается на тощей лошаденкѣ, или — что̀ еще печальнѣе—изъ *умейдваровъ* (т. е. надѣющихся)—бѣдняковъ, странствующихъ въ надеждѣ найдти какiя нибудь средства къ существованiю. Множество женщинъ, малолѣтныхъ дѣтей и дряхлыхъ стариковъ останавливается здѣсь отдохнуть нѣсколько дней и дать подсохнуть ранамъ на исцарапанныхъ ногахъ своихъ. Развалины этой деревни составляютъ цѣлый рядъ опусто-

шеній, соотвѣтствующихъ другъ другу во всѣхъ частяхъ своихъ, хотя степень разрушенія и неодинакова: домы на-половину необитаемы; подверженные разрушительному вліянію временъ года, они постепенно приходятъ въ упадокъ, но медленнѣе, нежели можно было бы подумать, судя по матеріаламъ. Сперва осѣдаютъ кровли; стѣны высовываются надъ ними, и чужеядныя растенія, пуская въ нихъ корни свои, довершаютъ разрушеніе. Остатокъ жителей питается небольшимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, съ трудомъ добываемыхъ, которыми должно довольствоваться до слѣдующаго урожая. Даже и за деньги здѣсь не найдешь никакой пищи, и бѣдные люди мои должны выносить голодъ. Потерявъ наконецъ терпѣніе, я опять пускаюсь въ путь около четырехъ часовъ по-полудни, съ намѣреніемъ доѣхать до Магала, гдѣ надѣюсь запастись провизіею на дорогу. Крестьяне, у которыхъ спрашиваю я о разстояніи до этой станціи, увѣряютъ

меня, что до нея только пять *косовъ*. Къ сожалѣнію, *косъ* весьма неопредѣленная путевая мѣра, смотря по мѣстности: въ компанейскихъ владѣніяхъ она вообще равняется двумъ англійскимъ милямъ; *решми-косъ* значитъ три четверти льё; есть еще *султаникосъ*, содержащій полтора, а иногда и два льё. При томъ каждый измѣряетъ здѣсь *косъ* своими шагами. Если вы спросите у старика о разстояніи отъ одного мѣста до другаго, то онъ вамъ скажетъ, что тутъ столько-то косовъ; спросите у его сына — онъ будетъ утверждать, что тутъ нѣтъ и половины того. Полагая, что мнѣ остается проѣхать около четырехъ льё—а это, вмѣстѣ съ пространствомъ, которое проѣхали мы по-утру, слишкомъ достаточный конецъ, я рѣшился пуститься въ дорогу, хотя и чувствовалъ себя довольно усталымъ. Верховая ѣзда шагомъ чрезвычайно утомительна: вы такъ тихо подвигаетесь впередъ, — предметъ, замѣчаемый вдалекѣ, такъ медленно приближается къ

вамъ! и притомъ страна до такой степени однообразна и лишена всякой занимательности, что вы заснули бы на сѣдлѣ, еслибъ васъ не трясло. Мы уже выѣхали изъ коллектората (провинціи, управляемой коллекторомъ-Европейцемъ), и вступили въ *джагёръ*, помѣстье одного земиндара или наслѣдственнаго компанейскаго арендатора. Теперь мы въ области Магальскаго нуваба: вмѣсто правильно раздѣленныхъ земель, многочисленныхъ группъ фруктовыхъ деревъ, множества канавъ, роскошныхъ полей, веселыхъ деревень и народонаселенія, почти цивилизированнаго, которое встрѣчаете вы между Адони и Коддапахомъ, здѣсь вы видите только болота, или степи, обширныя пространства, покрытыя тростникомъ, или сухія, тощія, каменистыя земли, поросшія верескомъ; изрѣдка попадаются землянки, гдѣ, вмѣстѣ съ гадами, живутъ почти нагіе поселяне болѣзненнаго вида; они, какъ дикіе, убѣгаютъ отъ васъ, можетъ быть, потому что слишкомъ

угрюмы, такъ, что не хотятъ отвѣчать на ваши вопросы и показать вамъ дорогу: это высшая степень нищеты. Видя пустыню вокругъ себя, невольно спрашиваешь: чѣмъ же питаются эти бѣдные люди — развѣ только молокомъ, потому что они не ѣдятъ мяса? Что́ касается до скота, состоящаго, по всей этой дорогѣ, изъ коровъ и буйволовъ, то онъ довольно многочисленъ; но и его существованіе можетъ служить задачею. Онъ пасется на землѣ, оставленной въ пару, гдѣ не зеленѣетъ ни одна травка, и спокойно пережевываетъ кормъ—не угадываю только, какой — покорясь судьбѣ своей, такъ-же, какъ и его хозяева.

Чрезъ четыре часа пути, догоняю я наконецъ одного сипая, идущаго по одной дорогѣ со мною, и узнаю отъ него, что мнѣ остается еще проѣхать шесть косовъ до Магала, то есть, больше, нежели сколько я проѣхалъ отъ Роячетти; путевая мѣра его, по-видимому, не согласовалась съ принятою въ здѣшней провинціи. Я

ѣхалъ еще около двухъ часовъ, и, внѣ себя отъ усталости, добрался до маленькой фермы, называемой Куркурра. Я совсѣмъ не предполагалъ останавливаться здѣсь; но была уже глубокая ночь; всѣ мои люди, даже конюхи, далеко отстали отъ меня: съ восхожденія солнца мы проѣхали, по крайней мѣрѣ, одиннадцать льё, и мнѣ непремѣнно надо было остановиться. И такъ я сошелъ съ лошади и, взявъ ее за поводья, ходилъ отъ однѣхъ дверей къ другимъ, умоляя дать мнѣ и моей лошади пріютъ, за который съ удовольствіемъ готовъ былъ заплатить. Въ первый еще разъ, во время путешествія моего въ Индіи, не нашелъ я здѣсь никого, кто бы зналъ Индостанскій языкъ—общепонятный на всемъ полуостровѣ. Я находился уже на Тамульской (Малабарской) землѣ. Едва могъ я, пантомимными движеніями, выпросить связку сѣна для лошади, а для себя—дурную булку, которую въ Лотарингіи назвали бы свинцовою лепешкой. Это не иное что, какъ тѣсто, едва пропеченное,

изъ ячменной, непросьяной муки, смѣшанной съ стручковыми зернами; здѣшній народъ называетъ эти булки жаренымъ, и онѣ составляютъ единственную пищу его, не слишкомъ-то питательную.

Не видя для себя никакого пріюта, я привязалъ свою добрую арабскую лошадь къ пальмѣ, подъ которой разостлалъ небольшой коверъ, находившійся всегда при мнѣ подъ сѣдломъ, и когда она съѣла свой скудный кормъ, то я обвилъ поводьями руку, и старался заснуть возлѣ нея. Никогда еще такъ живо не испыталъ я чувства одиночества, какъ въ это время: въ первый разъ въ моей жизни расположился я такимъ образомъ на бивакахъ совершенно одинъ, не имѣя при себѣ ни одного существа, съ которымъ могъ бы размѣняться, если не мыслію, то, по крайней мѣрь, приказаніемъ и повиновеніемъ. Я видѣлъ, какъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, въ тѣни, проходили черныя, отвратительныя и безмолвныя фигуры, тогда какъ другія лежали

у дверей своихъ, завернутыя въ бѣлые кисейные шарфы, какъ въ саванъ. Вдалекѣ визжала гіена, а шакалъ бродилъ и топалъ ногами вблизи отъ меня. Я слышалъ, какъ раздавалось въ кустахъ шипѣнье змѣи, ужасной ковра-капели, которая старалась подкрасться къ какой нибудь спящей птицѣ, и проглотить ее. Эта мрачная дѣйствительность рисовала еще болѣе мрачныя картины въ моемъ воображеніи, и отгоняла отъ меня сонъ. Отъ скуки, я повернулся на спину, и началъ разсматривать звѣзды. Оріонъ былъ прямо надо мною, съ его блестящимъ поясомъ; на томъ же самомъ мѣстѣ видѣлъ я его съ мачты корабля, когда я былъ еще бѣднымъ мичманомъ на *аврорѣ*. Съ благодарностью размышлялъ я, до какой степени положеніе мое перемѣнилось къ лучшему съ того времени, и тогда какъ благодарилъ я Бога за его милосердіе, ночной холодъ оковалъ мои умственныя способности, и я пришелъ въ полуусыпленіе. Изъ него выведенъ я былъ прибытіемъ моихъ коню-

ховъ, при видѣ которыхъ быстро встала моя лошадь и разбудила меня, дернувъ за руку поводьями. Я проникнутъ былъ холодомъ; роса, весьма сильная вдоль морскаго берега, промочила все мое платье, и я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Скоро отогрѣлся я, напившись чаю—и позавтракавъ, отправился въ Магалъ ($1\frac{1}{4}$ льё), съ намѣреніемъ остановиться тамъ и отдохнуть.

XX.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ. — МАГАЛЬСКІЙ ВЛАДѢТЕЛЬ. — ФРАНК-МАСОНСТВО ТОГОВЪ.

Января 25-го. Въѣзжая въ Магалъ, я встрѣтилъ многочисленную кавалькаду, съ *наобютомъ* впереди ея: такъ называютъ родъ тамтама, въ который цимбальщикъ ударяетъ мѣрно, идя передъ соуарри (свитою) его багадерской свѣтлости. Надобно быть царской крови, или, по крайней мѣрѣ, сановникомъ для того, чтобъ пользоваться такою почестью. То былъ самъ нувабъ, ѣхавшій въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ, богато одѣтыхъ, на порядочныхъ лошадяхъ; впереди бѣжали тѣлохранители,

съ босыми, голыми до колѣнъ ногами, но покрытые, съ ногъ до головы, множествомъ оружій: алебардами, винтовками, пиками, копьями, пистолетами, двуствольными охотничьими англійскими ружьями; сверхъ того у всѣхъ было по саблѣ, по щиту и по кинжалу; каждый человѣкъ представлялъ собою ходячій арсеналъ: его руки, отъ плечъ до кистей, и поясъ были до такой степени обременены оружіями, что довольно ловкій противникъ легко побѣдилъ бы его съ одною палкою въ рукахъ. Они обременяютъ себя такимъ множествомъ оружій, не имѣя возможности владѣть ими, единственно съ цѣлью придать себѣ больше мужества и удалить всякое нападеніе, котораго не въ силахъ были бы преодолѣть. Это настоящія нѣмыя лица на театральной сценѣ—жалкія существа, равно слабыя и тѣломъ и духомъ.

Нувабъ былъ прекрасный собою мужчина въ этой группѣ; онъ ловко сидѣлъ на превосходной арабской лошади. На немъ былъ длинный рейдинкотъ изъ шелковой ткани

съ золотомъ, застегнутый на груди богатою пряжкой, свѣтло-розовая чалма и зеленый поясъ; изъ-подъ сѣдла алаго цвѣта спускались широкія турецкія стремена, серебряныя и массивныя. При немъ находились два конюха, изъ которыхъ одинъ держалъ хвостъ лошади, а другой шелъ возлѣ нея и обмахивалъ мухъ съ животнаго длинными метелками изъ лошадиныхъ волосъ. У бѣлой лошади, почти какъ персиковый цвѣтокъ—любимая шерсть у Индійцевъ—конецъ длиннаго хвоста былъ выкрашенъ въ алый цвѣтъ, а нѣсколько повыше, тою-же краской, только свѣтлѣе, проведена кайма, имѣвшая видъ надѣтаго на хвостъ кольца. Серебряная цѣпь служила подуздкомъ, и, по-видимому, ея достаточно было для управленія лошадью. Все это вмѣстѣ производило весьма блестящій эффектъ, съ которымъ мой скромный европейскій костюмъ —соломенная шляпа, бѣлая куртка и бѣлые панталоны — составлялъ рѣзкую противоположность.

Проѣзжая мимо этого кортежа, я наклонился, и рукою отдалъ нувабу азіятскій саламъ, на который очень привѣтливо отвѣчалъ онъ мнѣ тѣмъ-же движеніемъ, и тотчасъ прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ всадниковъ съ приглашеніемъ къ нему во дворецъ. Я отказывался отъ этого визита, сколько могъ, опасаясь, чтобъ меня не задержали дольше, нежели бы я желалъ, и притомъ мнѣ не хотѣлось принимать вѣжливостей, за которыя не имѣлъ я средствъ отплатить. Но посланные являлись одинъ за другимъ, и меня такъ настоятельно приглашали, что я долженъ былъ согласиться. Поворотивъ назадъ, я сопутствовалъ нувабу до его дворца. Жилище этого владѣтеля представляло обыкновенный типъ индійскаго дома. Узкіе и извилистые ходы ведутъ въ ограду, въ родѣ монастырской, вокругъ небольшаго четыреугóльнаго двора, усаженнаго цвѣтами, на который выходятъ четыре, противоположные одинъ другому, жилые корпуса; внутри, по обыкновенію,

роскошь и бѣдность. Хозяинъ непремѣнно хотѣлъ угостить весь мой маленькій обозъ, людей и животныхъ. Лошадямъ задали множество ячменя, а прислугу досыта накормили рисомъ съ топленымъ масломъ (*гээ*). Что́ касается до меня, то нувабъ приказалъ подать мнѣ огромное блюдо съ пиллао, то есть, вареную курицу, покрытую пирамидой риса, вареннаго въ водѣ и приправленнаго разными пряностями. Послѣ этого блюда, приличнаго столу Гаргантуа, подавали *карец* и *кобабы*, также сильно приправленные пряностями. Хозяинъ былъ такъ вѣжливъ, что ѣлъ даже съ моей тарелки, гдѣ пальцы наши, служившіе намъ ложками и вилками, встрѣчались въ соусѣ. Послѣ многихъ блюдъ въ одномъ и томъже родѣ, которыя, казалось, приготовлены были для желудка саламандры, поставили на столъ прекраснѣйшіе плоды: апельсины, пампелимузы, ананасы, бананы и даже большія яблоки величиною въ кокосовый орѣхъ, но невкусныя, цѣнимыя только по своей

рѣдкости. Когда мы отобѣдали и умылись (необходимый обрядъ при томъ первобытномъ способѣ употреблять пищу, которому мы слѣдовали и который принятъ даже за столомъ у знатнѣйшихъ людей), намъ подали гукахъ, и большая часть дня прошла въ разговорахъ и въ куреньи. Нувабъ курилъ эпикурейски: ежеминутно перемѣняли *шиллумъ* или набивку гукаха; онъ вбиралъ въ себя этого куренья не больше пяти или шести разъ, пока дымъ сохранялъ всю свѣжесть аромата, безъ примѣси масла, или горечи. При малѣйшей перемѣнѣ въ букетѣ, онъ тотчасъ отдавалъ чубукъ служителю, стоявшему позади него съ вѣеромъ въ рукѣ. Скоро замѣтилъ я, что положено было опіуму въ *годокъ*, т. е. приготовленный для насъ табакъ. Я спросилъ у нуваба, откуда получаетъ онъ это наркотическое средство—изъ Мальвы, или Бенареса. Указывая на цвѣтники своего сада, наполненнаго макомъ разныхъ цвѣтовъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, что у него дома приготовляютъ это сред-

ство, и объяснилъ мнѣ обыкновенный способъ добывать его.

Разговаривая съ нувабомъ, мы относились другъ къ другу, по общепринятому обычаю учтивости, въ третьемъ лицѣ— точно такъ, какъ у Итальянцевъ; изрѣдка употреблялъ я титло: нувабъ *алиджахъ* (славнѣйшій): на эту вѣжливость отвѣчалъ онъ мнѣ титломъ *высочество*. Отъ него узналъ я, что онъ старшій двоюродный братъ Типпу, послѣдняго Майсорскаго султана, слѣдовательно царской крови; что отецъ его вступилъ въ союзъ съ Англичанами послѣ паденія Серингапатамскаго престола, за что̀ ему и оставили его джагиръ или помѣстье, и онъ съ большою похвалою отзывался о добросовѣстности правительства въ отношеніи къ нему.

Дѣйствительно, всѣ эти небольшія владѣнія, независимыя со стороны гражданской администраціи—эти джагиры и земиндари, существующіе среди компанейскихъ областей, служатъ доказательствомъ стро-

гой справедливости, которою прежде руководствовалась политика англійскаго остъ-индскаго правительства. Добросовѣстность эта была достойно вознаграждена тѣмъ, что она служила основаніемъ англійскому величію. Здѣшніе народы высоко цѣнили вѣрность даннымъ обѣщаніямъ, которой не находили примѣра между музульманскими и индійскими государями тѣхъ странъ. Довѣріе, внушаемое чрезъ это, заставляло ихъ безпрекословно принимать договоры, не слишкомъ для нихъ выгодные, но на которые могли они рѣшительно полагаться. Такъ ли поступаютъ теперь? Со времени покоренія Серингапатама, при двухъ послѣднихъ администраторахъ, англо-индійское правительство удалилось отъ прежняго благороднаго пути; ему слѣдовало бы остерегаться: такая политика дурно отозвалась ему въ Афганистанѣ; она легко можетъ отозваться еще хуже того.

Января 26-го. Разстаюсь съ добрымъ хозяиномъ, осыпанный его ласками, и, проѣз-

жая его владѣнія на половинѣ ширины ихъ, вступаю въ Коллуръ (девять льё), деревеньку, состоящую изъ двѣнадцати домовъ и первую на компанейской землѣ, въ Читтурскомъ коллекторатѣ.

Января 27-го. Для проѣзда въ Дамольченоръ, слѣдующую станцію (четыре льё), надобно пробираться однимъ изъ ужаснѣйшихъ ущелій. Я былъ уже на половинѣ дороги, какъ вдругъ хищныя птицы, носясь надо мною съ пронзительными криками, быстро спустились на что́-то черное возлѣ дороги, и я увидѣлъ трупъ. Онъ весь покрытъ былъ кровью, а голова почти отдѣлена отъ туловища. Тѣло едва остыло, такъ, что убійство, по-видимому, совершилось за нѣсколько часовъ до моего прибытія: убійцы, вѣроятно, находились еще въ сосѣдствѣ. Мой конюхъ, шедшій возлѣ меня, ведя подъ уздцы мою лошадь, упалъ на колѣна и зарыдалъ отъ страха. Онъ узналъ въ несчастной жертвѣ сипая, у котораго спрашивалъ я о дорогѣ за нѣсколько дней

передъ тѣмъ. Той-же самой участи подвергается каждый годъ множество туземныхъ солдатъ, отправляющихся въ домовый отпускъ. Извѣстно, что они, идучи къ своимъ семействамъ, никогда не выходятъ изъ полка безъ денегъ, оставшихся у нихъ въ экономіи, или, по крайней мѣрѣ, берутъ съ собою нѣкоторую сумму на путевыя издержки; если же съ ними нѣтъ денегъ, то при нихъ всегда есть *лота*, мѣдный сосудъ для питья, необходимая принадлежность всякаго туземца въ дорогѣ, цѣною около трехъ франковъ, слѣдовательно стóящая того, чтобъ воспользоваться ею. Воры присоединяются къ сипаямъ на дорогѣ, выдавая себя за старыхъ солдатъ: начинается дружба; идутъ вмѣстѣ, и когда время, мѣсто и всѣ обстоятельства благопріятствуютъ, товарищъ срываетъ съ солдата одежду, въ концѣ которой завязано все богатство странника—его сосудъ для питья, и убѣгаетъ съ саблею въ рукѣ. Если сипай попытается возвратить свое имущество, то

онъ непремѣнно будетъ убитъ, потому что воры съ необыкновенною ловкостью владѣютъ оружіемъ.

Въ окрестностяхъ Веллора, Аркота и Читтура, гдѣ я теперь ѣду, разбойниковъ встрѣчается больше, нежели въ другихъ мѣстахъ Мадрасскихъ владѣній, и здѣсь чаще погибаютъ сипаи. Эти злодѣи всегда находятъ путешественниковъ для грабежа, и при томъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ, набирается больше рекрутъ, нежели въ другихъ. Слѣдовательно воры, почти у себя до́ма, можно сказать, у самаго входа въ свои жилища подстерегаютъ добычу. Средства къ поимкѣ ихъ совершенно недостаточны. Англійское правительство, по-видимому, мало о томъ заботится; а воры такъ осторожны, что боятся нападать на европейскихъ его подданныхъ: въ послѣднемъ только случаѣ дѣлаются сильные поиски, и неизбѣжное наказаніе ожидаетъ виновныхъ; потому-то весьма рѣдко и нападаютъ на Европейцевъ.

Кромѣ разбойниковъ, которые убиваютъ путешественниковъ единственно изъ добычи, есть еще другой классъ убійцъ, составляющихъ общество, имѣющее своихъ начальниковъ, свои правила, свое франкмасонство и даже свою религію, съ ея фанатизмомъ, агентами, лазутчиками, сотрудниками, военною силою и второстепенными приверженцами, ревностно содѣйствующими *доброму дѣлу*. Это община *тӧговъ* или *фанзигаровъ* (thugs, phansigars, т. е. обманщиковъ или давильщиковъ — отъ thugna, обманывать, и phansna, давить) — община религіозная и промышленная, которая пользуется человѣческимъ родомъ, истребляя его, и которой начало теряется во мракѣ временъ. До 1830 года существованіе ихъ было неизвѣстно не только европейскимъ завоевателямъ, но даже и туземнымъ правительствамъ. Съ 1816-го по 1830-й годъ многіе шайки ихъ были уличены въ злодѣйствѣ и наказаны; но до 1830 года всѣ извѣстія насчетъ ихъ, сообщенныя весьма

опытными офицерами, казались слишкомъ преувеличенными, и не могли обратить на себя общаго вниманія; ихъ отвергнули и пренебрегли ими, какъ мечтою разстроеннаго воображенія. Между тѣмъ съ давнихъ поръ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе полувѣка, эта общественная язва пожирала народъ и съ ужасомъ распространилась отъ подошвы Гималаи до Каморинскаго мыса, и отъ Коча до Ассама.

Не прежде какъ въ 1830 году, показанія одного знаменитаго начальника подобной шайки, по имениФерингеа, которому даровали жизнь съ условіемъ выдать своихъ сообщниковъ, раскрыли всю эту систему: общество тóговъ основано на религіозномъ вѣрованіи—на поклоненіи *Бовани*, мрачному божеству, которое радуется одному только злодѣйству и въ особенности ненавидитъ родъ человѣческій; для него самое пріятное жертвоприношеніе—жизнь человѣка; и чѣмъ больше истребите вы людей въ этомъ мірѣ, тѣмъ больше наградитъ оно васъ въ буду-

щемъ всѣми радостями души и чувствъ— женщинами, вѣчно прелестными, и наслажденіями, всегда новыми. Если убійца встрѣтитъ эшафотъ на своемъ поприщѣ, то онъ умираетъ съ энтузіазмомъ мученика, потому что ожидаетъ награды. Изъ повиновенія къ божественной повелительницѣ своей, онъ безъ гнѣва и угрызеній совѣсти убиваетъ и старика, и женщину, и ребенка; онъ сострадателенъ, щедръ и великодушенъ къ своимъ единовѣрцамъ — готовъ всѣмъ дѣлиться съ ними, потому что они, подобно ему, служители и усыновленныя дѣти Бовани. Истребленіе подобныхъ себѣ, какъ скоро они не принадлежатъ къ его общинѣ, уменьшеніе человѣческаго рода— вотъ предметъ его дѣйствій; онъ преслѣдуетъ людей не изъ желанія разбогатѣть: добыча для него вещь случайная — правда, очень пріятное пріобрѣтеніе, но второстепенное въ его понятіи. Истребленіе—вотъ его цѣль, его долгъ, его призваніе свыше. По его мнѣнію, это самая увлекательная

страсть; самая упоительная изъ всѣхъ ловитвъ — ловитва человѣка! »Вы находите »большое удовольствіе » — слышалъ я отъ одного изъ этихъ преступниковъ, приговореннаго къ смерти—»въ преслѣдованіи лю»таго звѣря, въ нападеніи на кабана, на »тигра, потому что борстесь съ опасно»стями, потому что вамъ есть гдѣ вы»казать свою энергію, свое мужество. Су»дите же, до какой степени возрастаетъ »это удовольствіе, когда вы находитесь »въ борьбѣ съ человѣкомъ, котораго дол»жны истребить. Вмѣсто упражненія одной »способности—мужества, вы употребляете, »въ одно и то-же время, и мужество, и »ловкость, и предусмотрительность, и »краснорѣчіе, и дипломатію: сколько пру»жинъ надо вамъ привести въ движеніе! »сколько развить разнаго рода средствъ! »Затронуть всѣ страсти, играть на стру»нахъ любви и дружбы, для того чтобъ »завлечь жертву въ ваши сѣти — это вы»сокая охота, это упоительно до безумія,

»говорю вамъ!» Мы уже замѣтили, что это вѣрованіе имѣетъ своихъ проповѣдниковъ и мучениковъ. Можно подумать, что самъ адъ захотѣлъ сыграть мрачную пародію надъ учрежденіемъ Христіанства, слѣдуя параллельному съ нимъ ходу для распространенія своего ученія. Бовани посылаетъ своихъ факировъ и нищенствующихъ учителей не для проповѣданія братства и союза между людьми, не для утвержденія мира и любви въ человѣческомъ родѣ, но для установленія также общины, соединенной взаимною любовью и взаимнымъ братствомъ, впрочемъ, для того только, чтобъ служить палачами всѣмъ людямъ, непринадлежащимъ къ ихъ кругу. Въ нихъ также найдете вы пламенное рвеніе обращать другихъ къ своему вѣрованію: »Идите и спасайте,» говоритъ Богъ; »идите и истребляйте,» говоритъ адскій духъ. Мученики тóги употребляютъ почти тѣ-же слова, которыми выражались и христіанскіе мученики: »Напрасно истребляете вы насъ» — говорятъ

первые — «мы размножаемся вокругъ васъ, наполняемъ ваши сѣла, ваши города, ваши арміи, ваши мечети и ваши пагоды, даже судилища ваши; оставляемъ вамъ одни только христіанскіе храмы ваши.» Не такъ ли же почти отвѣчали герои Христіанства тиранамъ Рима: «Мы возраждаемся изъ пепла нашего; мы наполняемъ нынѣ ваши сѣла, ваши города, ваши арміи; вы найдете насъ на Форумѣ и въ Капитоліи; мы оставляемъ вамъ одни языческіе храмы ваши.»

Всякій, кто былъ въ Индіи въ 1831 и 1832 году, помнитъ ужасъ, распространенный повсюду открытіемъ этой громадной адской машины. Многіе судьи и правители областей не хотѣли вѣрить этому, и не могли понять, какимъ образомъ столь обширная система такъ долго, безмолвно и не измѣняя самой себѣ, пожирала, въ ихъ глазахъ, гражданское общество. Самъ полковникъ Слименъ, напечатавшій извѣстіе объ этомъ открытіи, которое разыски-

валъ онъ съ необыкновеннымъ искуствомъ и неутомимою дѣятельностью, долго сомнѣвался въ дѣйствительности своихъ разысканій. Вотъ любопытное показаніе, служащее введеніемъ къ его сочиненію.

«Въ продолженіе трехъ лѣтъ, 1822, 1823 и 1824, когда я былъ судьей и гражданскимъ администраторомъ Нерсингпурскаго округа, въ Нербуддаской долинѣ, я непосредственно узнавалъ о всякомъ убійствѣ и о малѣйшей кражѣ *обыкновеннымъ злодѣемъ* или *воромъ*; не было ни одного разбойника, или самаго ловкаго плута, дѣйствовавшихъ *обыкновеннымъ* образомъ, которыхъ бы жительство, характеръ и дѣйствія не были непосредственно открыты мною, и за движеніями которыхъ не могъ бы я свободно слѣдовать. Еслибъ кто нибудь въ то время сказалъ мнѣ, что шайка убійцъ, злодѣйствующихъ по наслѣдственной системѣ, живетъ въ селеніи Кондели, не дальше какъ въ четырехъ стахъ метрахъ отъ моего суда; что див-

ныя рощи селенія Мондесура, на день ходьбы отъ моего мѣстопребыванія, на дорогѣ между Согоромъ и Бопаломъ, были самымъ ужаснымъ театромъ убійствъ во всей Индіи; что многочисленныя шайки изъ Индостана и Декана ежегодно собирались подъ ихъ сѣнью, оставаясь тутъ по-нѣскольку недѣль въ каждое время года, для выполненія своего страшнаго призванія по всѣмъ направленіямъ дорогъ, пересѣкающихся въ той мѣстности, при содѣйствіи двухъ главныхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, которыхъ предки насадили тамошнія тѣнистыя деревья—я принялъ бы такого человѣка за сумасшедшаго, или за глупца, напуганнаго чудесными разсказами о небылицахъ; между тѣмъ все это было совершенно справедливо: путешественниковъ сотнями зарывали каждый годъ въ мондесурскихъ рощахъ! Цѣлое поколѣніе убійцъ жило, можно сказать, у дверей моего дома, въ селеніи Кондели, тогда какъ я былъ главнымъ правителемъ провинціи, и распростра-

няло свои опустошенія до самыхъ городовъ Пунаха и Гайдерабада *.«

Въ тотъ день, какъФерингеа, сдѣлавшись доносчикомъ, далъ первыя свои показанія полковнику Слимену, этотъ отличный офицеръ все еще не вѣрилъ ему; но начальникъ шайки заставилъ вырыть изъ земли, на томъ самомъ мѣстѣ, которое занято было палаткою англійскаго правителя, тринадцать труповъ въ различныхъ степеняхъ разложенія, и при томъ вызвался отрыть ихъ множество по-близости. Убѣжденіе, какъ громовой ударъ, поразило изумленнаго правителя; тогда только повѣрилъ онъ этой страшной драмѣ, и—слѣдуя указаніямъ доносчика—захватилъ многочисленные легіоны тҏговъ, которые собрались уже въ Раджпутанѣ для открытія своихъ дѣйствій.

Мнѣ самому случилось встрѣтить, въ Гайдерабадскихъ владѣніяхъ, другаго начальника этой секты, также сдѣлавшагося доносчикомъ для избѣжанія эшафота. При-

* Переведено изъ сочиненія полковника Слимена. *Пр. Соч.*

знаніе его публиковано было во всей колоніи и напечатано въ офиціальныхъ запискахъ: онъ убилъ или удавилъ, въ жизнь свою, почти невѣроятное число — семь сотъ девятнадцать человѣкъ, и говорилъ иногда, со вздохомъ сожалѣнія: »Ахъ! еслибъ меня не продержали десять лѣтъ въ тюрьмѣ, то я дополнилъ бы тысячу!«

Какимъ образомъ подобная система, подобное франкмасонство могло имѣть столь обширное развитіе, такъ что не подозрѣвали даже существованія его самые народы, среди которыхъ начальники и приверженцы этой системы жили въ ближайшихъ соотношеніяхъ? — Вотъ вопросъ, непонятный въ Европѣ для всякаго, кто не изучалъ страннаго учрежденія гражданскихъ обществъ на Востокѣ.

Въ Азіи, съ первыхъ временъ раздробленной на множество владѣній, подчиненныхъ деспотическимъ правительствамъ, беззаботнымъ и развращеннымъ, враждующимъ между собою, или завидующимъ другъ дру-

гу—дробность эта никогда не составляла прочнаго союза для безопасности путей сообщенія, и полиція одного правительства, какъ бы дѣятельна она ни была, никогда не простирала своего вліянія дальше предѣловъ государства. Если сообразимъ, что въ Индіи никогда не было публичныхъ заведеній для транспортовъ, чему нравы и обычаи жителей служатъ главнымъ препятствіемъ; что самыя продолжительныя путешествія могутъ совершаться не иначе, какъ пѣшкомъ, или верхомъ, при употребленіи каждымъ собственныхъ своихъ средствъ; что путешественники, чуждые одинъ другому, странствуя отдѣльно, должны заботиться о соединеніи другъ съ другомъ небольшими караванами, для того чтобъ взаимно защищать себя; что для избѣжанія издержекъ на размѣнъ векселей и на проценты банкирамъ, значительныя богатства, состоящія изъ золота, серебра и разныхъ драгоцѣнностей, постоянно перевозятся изъ одной страны въ другую, укрытыя въ по-

житкахъ путешественниковъ; что въ Индіи нѣтъ другихъ дорогъ, кромѣ тропинокъ, кое-какъ проложенныхъ чрезъ лѣса, колючіе кустарники и степи; что деревни встрѣчаются изрѣдка; народонаселеніе, судя по пространству, немногочисленно, и что на большихъ разстояніяхъ между деревнями никогда не попадается жилища, гдѣ бы можно было ожидать свидѣтелей, или мстителей—то нельзя не согласиться, что всѣ возможныя условія и искушенія вызываютъ сюда убійцъ, и ручаются имъ въ безнаказанности; потому-то шайки ихъ, подъ разными названіями, во всѣ времена наводняли Азію; но ни однѣ изъ нихъ не были столь многочисленны, единодушны и неуловимы, столь опасны и разрушительны, какъ шайки тòговъ.

Надобно также знать, что путешественники на Востокѣ очень рѣдко останавливаются въ городахъ и деревняхъ, встрѣчаемыхъ на пути; они только закупаютъ тамъ провизію; но палатки свои для отдыха, или

ночлега ставятъ въ полѣ, подъ деревьями, ближайшими къ городу, или деревнѣ; по-этому, почти невозможно означить дорогу путешественника отъ деревни до деревни; развѣ только болѣзнь, или непогода заставитъ его случайно искать убѣжища въ каравансараяхъ; но и тогда, если онъ исчезнетъ, гдѣ искать его и съ чего начать поиски?

Разысканіями, сдѣланными въ слѣдствіе доносовъ 1830 года, доказано, что во всей Индіи большая часть *земиндаровъ* или главныхъ откупщиковъ, также *джагирдаровъ* или владѣльцевъ земель и даже *пателей* или земскихъ начальниковъ въ деревняхъ, находились—по наслѣдству отъ отца къ сыну, въ продолженіе многихъ поколѣній—въ прямыхъ сношеніяхъ съ обществомъ тӧговъ; передавали имъ всѣ свѣденія; доставляли всѣ удобства и, въ случаѣ надобности, всѣ возможныя пособія; укрывали краденыя вещи и раздѣляли съ ними добычу; сверхъ того, въ каждомъ мѣстечкѣ, въ каждомъ

городѣ, соразмѣрно съ числомъ жителей, всегда находится извѣстное число факировъ и нищенствующихъ отшельниковъ, которые живутъ тамъ по порученію общества тѳговъ, и служатъ ему шпіонами и проводниками. Жилища ихъ, вообще внѣ селенія, или города, всегда окружены чащею деревъ и скрыты въ густой зелени. Путешественникъ, обманутый видимымъ благочестіемъ отшельника, предлагающаго ему спокойный и живописный пріютъ и обѣщающаго самой чистой воды, почерпнутой въ какой нибудь священной рѣкѣ (важное обстоятельство для Индуса хорошей касты)—пользуется его гостепріимствомъ, засыпаетъ спокойно, и болѣе не пробуждается.

Англійское правительство, по возбужденіи въ немъ сильнаго вниманія на этотъ предметъ, употребило противъ него средства, соразмѣрныя злу. Генералъ-Губернаторъ Вилліамъ Бентинкъ началъ поиски, которые ревностно были продолжаемы

всѣми начальствами колоніи. Онъ выбралъ, изъ числа умнѣйшихъ людей въ арміи, восмнадцать офицеровъ, хорошо изучившихъ туземные языки и обычаи, и составилъ изъ нихъ особую слѣдственную коммиссію для преслѣдованія этой адской секты во всѣхъ провинціяхъ. Дѣйствія коммиссіи увѣнчаны многими открытіями; но она далеко еще не достигла полнаго успѣха; зло только-что удерживается въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ, и, при малѣйшемъ послабленіи со стороны правительства, готово распространиться съ новою свирѣпостью. Если вѣрить показаніямъ осужденныхъ, подтвержденнымъ, впрочемъ, словами офицеровъ, составляющихъ коммиссію, эта секта, и теперь еще, при самыхъ эшафотахъ, пріобрѣтаетъ новыхъ приверженцевъ.

Вотъ списокъ этихъ злодѣевъ, захваченныхъ съ 1831 по 1837 годъ, извлеченный изъ депешей капитана Рейнольдса, президента слѣдственной коммиссіи:

Пересланныхъ въ Пенангъ.	1059
Повѣшенныхъ.	412
Приговоренныхъ къ каторжной работѣ на всю жизнь.	87
Приговоренныхъ къ каторжной работѣ на опредѣленное время. .	90
Умершихъ въ тюрьмѣ	36
Бѣжавшихъ изъ тюрьмы. . . .	43
Содержимыхъ подъ стражею доносчиковъ.	483
Уличенныхъ, но не приговоренныхъ еще къ наказанію. . . .	120
Находящихся подъ слѣдствіемъ. .	936
	3266

Капитанъ Рейнольдсъ утверждалъ притомъ, что слѣдственная коммиссія, въ то время какъ писалъ онъ свои депеши, имѣла списокъ, по крайней мѣрѣ, тысячи восьми сотъ учителей и проповѣдниковъ тогизма, живущихъ на свободѣ въ колоніи, которыхъ имена были извѣстны, но которыхъ не могли еще захватить, не считая числа неизвѣстныхъ приверженцевъ этой секты—

ихъ невозможно исчислить. Представьте-же себѣ, сколько людей погибло въ Индіи отъ злодѣйства прежде, нежели открыли этотъ страшный механизмъ! Сколько тысячъ семействъ должны были ежегодно гибнуть подъ ударами болѣе пятидесяти тысячъ убійцъ, составляющихъ правильно организованное общество, дѣйствующихъ дружно и методически въ мѣстахъ, гдѣ странствія на богомолье, суевѣріе и обычаи заставляютъ человѣка вести преимущественно кочевой образъ жизни! Когда припомнимъ, что въ смутные періоды войнъ съ Маратгами и Пиндари, эта секта, свободная тогда во всѣхъ своихъ движеніяхъ, достигла уже полнаго развитія, то не будемъ удивляться обширнымъ пустынямъ, простирающимся между селеніями, и незначительному числу жителей сравнительно съ пространствомъ земли.

Названіе фанзигаровъ или давильщиковъ дано тѳгамъ по употребляемому ими вообще способу совершать злодѣйства безъ

кровопролитія. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что они, оставшись на-единѣ съ путешественникомъ, которого дружбу успѣли уже пріобрѣсти, даютъ ему уйдти на два или на три шага впередъ, и бросаютъ ему на шею платокъ, свернутый въ видѣ аркана, употребляемаго въ южной Америкѣ. Камень, привязанный къ концу платка, попадаетъ въ руку тöга, который повертываетъ его и вдавливаетъ въ затылокъ несчастнаго, и тотъ мгновенно умираетъ.

Тöги повсюду узнаютъ другъ друга извѣстными знаками, непонятными для того, кто не принадлежитъ къ ихъ сектѣ, и знаки эти составляютъ у нихъ цѣлую систему. Безполезно было-бы стараться обратить ихъ къ истинной религіи. Кровожадность перешла въ ихъ природу, и служитъ имъ основаніемъ при воспитаніи дѣтей. Противъ нихъ остается одно только средство: убивать ихъ, какъ ядовитыхъ пресмыкающихся. Истребленіе подобныхъ себѣ составляетъ, по-видимому, самое увлекательное

наслажденіе для человѣка; страсть, внушаемая этимъ злодѣйствомъ, такъ сильна, что останавливается только передъ эшафотомъ, или предъ общественнымъ мнѣніемъ, которое покрываетъ ее позоромъ. Къ сожалѣнію, послѣдняя преграда эта не существуетъ въ Индіи, потому что убійство не считается тамъ постыднымъ дѣломъ, а на казнь смотрятъ, какъ на мученичество: слѣдовательно остается одно прибѣжище — мечь.

Января 28-то. Мнѣ осталось еще семь льё до Читурра, главнаго города въ верхнемъ Аркотскомъ коллекторатѣ, гдѣ я надѣялся найдти европейское общество, въ которомъ чувствовалъ большую потребность. На лошади, посланной ко мнѣ на-встрѣчу, я проѣхалъ это пространство въ галопъ; но и такой быстрой ѣзды вполнѣ достаточно для обозрѣнія здѣшней мѣстности. Страна эта, хотя и отлично воздѣланная, однообразна: пользуясь многочисленными потоками водъ и хорошимъ качествомъ почвы, ее почти исключительно употребляютъ на разведеніе

риса, такъ что повсюду видишь изобиліе; но климатъ нездоровъ—влаженъ и наполненъ міазмами. Аркотскій округъ (раздѣленный на верхній Аркотъ и нижній Аркотъ) занимаетъ большое пространство, и его можно считать житницею Мадраса и всего Карнатика. Отъ урожая риса зависитъ благосостояніе многочисленнаго народонаселенія; но благосостояніе это подчинено вліянію мусоновъ, которые ежегодно или приносятъ изобиліе, или распространяютъ всѣ ужасы голода, потому что воздѣлываніе риса нейдетъ въ сравненіе съ посѣвами другихъ растеній: онъ чрезвычайно прихотливъ относительно условій урожая, и, при неблагопріятной погодѣ, вовсе не родится; въ такомъ случаѣ бѣдные жители питаются одними грубыми зернами, обыкновенно употребляемыми на кормъ лошадямъ и воламъ. Запасъ этотъ скоро истощается, и тогда народонаселеніе изъ деревень устремляется въ города, надѣясь найдти въ нихъ кое-какое пособіе, и въ то-же время вноситъ

туда ужасную смертность. Въ Европѣ во сто лѣтъ не случается такого бѣдствія, какое производитъ голодъ въ Индіи, по крайней мѣрѣ, чрезъ каждые десять лѣтъ; таковъ, на примѣръ, былъ голодъ въ Мадрасскомъ президентствѣ въ 1837 году, и въ Бенгаліи въ 1833 году.

Въ Читтурѣ только три человѣка Европейцевъ: президентъ и секретарь суда первой инстанціи, и при нихъ докторъ. Осужденные на жизнь, столь уединенную, они окружаютъ себя всѣми возможными удобствами. Трудно найдти что́ нибудь великолѣпнѣе и живописнѣе ихъ жилищъ: можно подумать, что находишься въ англійскихъ паркахъ. Въ Читтурѣ до пяти тысячь душъ; въ немъ преобладаетъ индійское населеніе, тогда какъ въ самомъ Аркотѣ большая часть жителей музульмане; здѣсь нѣтъ ни одного примѣчательнаго зданія.

XXI.

ВЕЛЛОРЪ; ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.—ЗАГОВОРЪ МЕЖДУ СИПАЯМИ.

Января 30-го выѣхалъ *я* изъ Читтура, и прямо направился къ *Веллору*, на разстояніи семи съ половиною льё. Это важный военный постъ; онъ принадлежитъ къ числу немногихъ мѣстъ, которыя компанейская политика содержитъ въ хорошемъ оборонительномъ состояніи. Это ключь къ главнымъ ущельямъ, пересѣкающимъ цѣпь восточныхъ Гатскихъ горъ, и здѣсь, тотчасъ послѣ завоеванія области, заключено было семейство Типпу; но скоро нашли, что присутствіе молодыхъ принцевъ въ

столь близкомъ сосѣдствѣ съ владѣніями ихъ предковъ возбуждало слишкомъ много воспоминаній и поддерживало опасное броженіе умовъ между тамошними жителями. Возмущеніе, вспыхнувшее въ 1807 году, въ самомъ компанейскомъ войскѣ, содержавшемъ караулы въ этомъ городѣ—хотя дѣло стало совсѣмъ не за плѣнниковъ—заставило переселить ихъ въ Мадрасъ, а оттуда въ Калькутту. Зданіе, служившее имъ тюрьмою въ крѣпости, и теперь еще занято вдовою Типпу, весьма престарѣлою, которая ведетъ сидячую жизнь, такъ что не выходитъ даже и за порогъ дворца своего.

Веллоръ лежитъ въ дикой долинѣ, на рѣкѣ Паларрѣ; мавританская архитектура зданій и необыкновенная форма укрѣпленій придаютъ ему чрезвычайно живописный видъ. Закоптѣлыя и зубчатыя стѣны его хотя и защищены гласисами и контр-эскарпами, удовлетворяющими условіямъ новѣйшаго искусства, скорѣе напоминаютъ една-

ко-же героическія времена среднихъ вѣковъ, гренадскія войны, или крестовые походы, нежели соотвѣтствуютъ нынѣшнему состоянію математическихъ наукъ. Эффектъ восточнаго стиля еще болѣе увеличивается широкимъ рвомъ, окружающимъ городъ, или, лучше сказать, рукавомъ рѣки, въ которомъ содержатъ огромныхъ кайлановъ аллигаторовъ. Такъ какъ запрещено убивать ихъ, то чудовища эти развелись въ большомъ количествѣ. Нерѣдко можно видѣть, какъ спятъ они сотнями на маленькихъ островахъ у подошвы укрѣпленій. Сосѣдственныя высоты, командующія городомъ, увѣнчаны отдѣльными укрѣпленіями. На этихъ горахъ есть пагоды, подъ которыми, въ подземельяхъ, находятся весьма любопытныя надписи на Тамульскомъ языкѣ.

Веллоръ былъ театромъ ужаснаго возмущенія, которое можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ — еслибъ не было при томъ и другихъ свидѣтельствъ — что вѣрность туземныхъ войскъ компанейскому

правительству несовсѣмъ благонадежна. Января 31-го 1807 года два туземные полка, составлявшіе, вмѣстѣ съ полкомъ королевской арміи, гарнизонъ этой крѣпости, соединились въ полночь; въ глубокомъ молчаніи овладѣли всѣми постами, умертвили своихъ офицеровъ, и обратили крѣпостную артиллерію противъ казармъ, гдѣ находились несчастные европейскіе солдаты, не имѣвшіе при себѣ патроновъ. Почти всѣ Европейцы были убиты, исключая двадцать пять человѣкъ объѣздныхъ дозоровъ подъ начальствомъ сержанта, къ которымъ послѣ присоединились два лекаря, скрывшіеся во время смятенія. Они засѣли на покрытой сводомъ платформѣ однихъ изъ городскихъ воротъ, и эти двадцать семь Европейцевъ удерживали свою позицію (правда, примыкавшую сзади ко рву и защищенную спереди тонкимъ парапетомъ, но открытую съ двухъ другихъ сторонъ на главный валъ укрѣпленій) слишкомъ сутки противъ массы, по крайней мѣрѣ, тысячи

восьми сотъ сипаевъ, совершенно вооруженныхъ, наученныхъ стройному приступу и снабженныхъ артиллеріею, тогда какъ у Европейцевъ не было даже запаса пороху, за которымъ они должны были ежеминутно ходить съ платформы, и брать его изъ патронташей убитыхъ мятежниковъ.

Января 30-го 1834 года, чрезъ двадцать семь лѣтъ послѣ этой героической борьбы, былъ я на самомъ мѣстѣ сраженія, гдѣ ничто не перемѣнилось и гдѣ все дышитъ воспоминаніями, такъ что на ближайшихъ къ тѣмъ воротамъ домахъ остались еще слѣды пуль, и, признаюсь, одинъ уже этотъ случай заставляетъ меня сомнѣваться въ справедливости преувеличенныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною о неустрашимости сипаевъ. Во всѣхъ туземныхъ штабахъ, и даже въ нашемъ полку, говорили, что сипаи, обученные по-европейски, могутъ устоять противъ лучшаго войска въ свѣтѣ (исключая, разумѣется, англійское, послѣ котораго они занимаютъ будто бы первое мѣсто);

и вотъ тысяча восемь сотъ сипаевъ, явно возмутившихся противъ правительства—въ ожиданіи или эшафота, или успѣха—въ продолженіе болѣе сутокъ, не могли, соединивъ силы свои, имѣть столько мужества, чтобъ вступить въ рукопашный бой съ двадцатью семью человѣками, которые покрыты были ранами. Послѣ такого случая одно только достойно удивленія—безстыдство, осмѣливающееся сравнивать сипаевъ даже съ самыми дурными европейскими войсками. Одинъ только англійскій патріотизмъ могъ выдумать подобную ложь, поддерживаемую легковѣріемъ и тщеславіемъ Англичанъ.

Что̀ сказать послѣ этого о благодарности и привязанности сипаевъ къ тому, кто кормитъ ихъ? что сказать объ ихъ «*нюмюкъ гюлали* (вѣрность соли), » по персидской пословицѣ? Хорошо еще, еслибъ они вооружились изъ благородной любви къ свободѣ, или къ отечеству; еслибъ эти гнусныя «Сицилійскія Вечерни» можно

было приписать насльдственной и чистосердечной приверженности къ фамиліи ихъ древнихъ повелителей! Но нѣтъ—никакое великодушное чувство не руководствовало заговоромъ этихъ наемщиковъ изъ разныхъ кастъ и разныхъ странъ. Сомнительно, чтобъ они, въ продолженіе минутнаго успѣха своего, хотя нѣсколько подумали о плѣнныхъ царевичахъ, невыходившихъ даже изъ заточенія. Побудительною причиною къ возмущенію былъ, по-видимому, новый военный приказъ, данный генераломъ Крадокомъ, требовавшій, чтобъ сипаи являлись на парадъ съ обритымъ подбородкомъ и съ усами, остриженными по извѣстной формѣ; чтобъ они не носили ни серегъ, ни отличительныхъ знаковъ своей касты, пока одѣты въ мундиръ; сверхъ того (что̀ еще оскорбительнѣе) предписывалось имѣть чалму по новому образцу, отвергаемому ихъ предразсудками. Не менѣе сильною причиною возстанія была также красота нѣсколькихъ англійскихъ дамъ — женъ гарнизонныхъ

офицеровъ, возбуждавшая сладострастіе въ нѣкоторыхъ туземныхъ офицерахъ. Сцены, послѣдовавшія за однодневною побѣдою ихъ, были ужасны: четырнадцать европейскихъ офицеровъ найдены сгорѣвшими въ одной залѣ, устроенной для ваннъ, въ которую увлекли ихъ окровавленными, а нѣкоторыхъ еще живыми, и которую зажгли; несчастныя жены ихъ, исключая одну, также погибли, какъ жертвы скотскихъ страстей неистовой толпы, при трупахъ мужей и дѣтей своихъ.

Но не будемъ распространяться объ этихъ ужасахъ, и поспѣшимъ къ развязкѣ трагедіи. На день ходьбы отъ Веллора находится городъ Аркотъ, гдѣ постоянно квартируетъ одна кавалерійская бригада. Во время бунта, о которомъ говоримъ, этою бригадой командовалъ знаменитый Джиллеспи, храбрый командиръ 22-го драгунскаго полка. Онъ занятъ былъ смотромъ своего полка, когда извѣстіе о веллорскомъ возмущеніи дошло до него на самомъ полѣ

манёвровъ. Тотчасъ велѣлъ онъ раздать патроны своимъ кавалеристамъ, взялъ съ собою одно орудіе конной артиллеріи, и отправился со всѣмъ полкомъ рысью въ Веллоръ; но не могъ преодолѣть своего нетерпѣнія: пустился въ галопъ, приказавъ полку своему слѣдовать за нимъ скорою рысью, и, какъ молнія, принесся въ городъ. Когда онъ явился передъ крѣпостью, то ружейные выстрѣлы показали ему ворота, гдѣ защищалось еще нѣсколько солдатъ. Вплавь бросается онъ посреди крокодиловъ; на шарфѣ поднимаютъ его на крутой берегъ; онъ присоединяется къ горсти людей, и возбуждаетъ въ нихъ мужество; принимаетъ надъ ними начальство, беретъ ружье и стрѣляетъ возлѣ нихъ. Наконецъ раздается крикъ радости — подъѣзжаютъ драгуны; пушку везутъ въ галопъ; въ одно мгновеніе ставятъ ее жерломъ къ массивнымъ воротамъ, подъ тѣмъ самымъ сводомъ, который занятъ небольшимъ числомъ защищающихся воиновъ.

**

Первымъ залпомъ разбиваетъ ворота въ дребезги; кавалеристы устремляются въ крѣпость съ саблями въ рукахъ, и нападаютъ на бунтовщиковъ вдоль улицъ и по укрѣпленіямъ съ крикомъ: бей, бей! Съ этой минуты храбрые сипаи не осмѣливаются дать ни одного ружейнаго выстрѣла; крѣпость взята приступомъ шести сотъ всадниковъ, которые, не потерпѣвъ никакого урона, перерѣзали на плацъ-парадѣ половину гарнизона. Напрасно сипаи просятъ пощады; конница истребляетъ всѣхъ безъ исключенія; около шести сотъ изъ нихъ укрываются, какъ стадо барановъ, на небольшомъ четыреугольномъ дворѣ, окруженномъ стѣнами, въ родѣ жё-де-помъ (jeu de paume), гдѣ разстрѣливаютъ ихъ картечью до послѣдняго, и они не сдѣлали ни малѣйшаго усилія удалиться, или защититься.

Цѣлый день провелъ я, съ большимъ любопытствомъ, въ обозрѣніи театра этихъ событій, слѣды которыхъ обозначены повсюду такъ живо, какъ будто все это

происходило вчера. Особливо осматривалъ я знаменитый небольшой дворъ и возлѣ него прелестный пагодъ, которыхъ стѣны покрыты пулями и картечью. Этотъ пагодъ служитъ нынѣ арсеналомъ; скульптурныя украшенія его отличаются столь изящною работой, что правительство имѣло намѣреніе послать ихъ къ Англійскому королю; но издержки, которыхъ требовало отправленіе ихъ въ Англію, заставили отказаться отъ этого предположенія.

Веллоръ, по-видимому, носитъ еще трауръ послѣ плачевныхъ дней 1807 года: нынѣ гарнизонъ его ограничивается двумя батальонами туземной инфантеріи, которыхъ отряды назначаются для содержанія карауловъ на разныхъ постахъ; они помѣщаются въ хижинахъ внѣ крѣпостныхъ стѣнъ. Казармы пусты, и одинъ только малочисленный европейскій штабъ квартируетъ въ этой обширной оградѣ. Нѣтъ даже и отряда артиллеріи при небольшомъ числѣ пушекъ, расположенныхъ батареями

по крѣпостному валу, и городъ имѣетъ видъ безлюдія и опустошенія. Кладбище есть другой пунктъ, привлекающій путешественника, котораго глаза наполняются слезами при видѣ длинныхъ, бѣлыхъ плитъ и при чтеніи простыхъ, но трогательныхъ надписей, напоминающихъ страшную кончину столь многихъ, благородныхъ и прекрасныхъ жертвъ.

Февраля 1-го, проѣхавъ длинный конецъ —семь льё, прибылъ я въ *Арни*. Въ этой станціи обыкновенно квартируетъ европейскій полкъ, отъ присутствія котораго зависитъ все ея существованіе. Но во время перваго моего проѣзда я здѣсь не засталъ уже батальона королевской арміи, переведеннаго въ Мадрасъ, и потому прекрасныя казармы были пусты, и безлюдные домы приходили въ разрушеніе. Проѣзжая мимо безмолвныхъ жилищъ, я встрѣтилъ тогда собаку паріо, полумертвую отъ голода, испускавшую продолжительный вой отъ своихъ страданій, и нѣсколько человѣкъ

дѣтей съ тощими лицами, которые прятались позади развалинъ, испуганные моимъ приближеніемъ. Теперь тамъ много европейскаго войска, и Арни снова сдѣлалась станціею; красивые домы ея опять населились, и жизнь развилась во всей полнотѣ своей, со всѣмъ разнообразіемъ народонаселенія, свойственнымъ Индіи. На большомъ дворѣ казармъ находится прекрасный обелискъ, воздвигнутый въ память полковника Гервея Аштона, убитаго на дуэли маіоромъ его полка. Сказываютъ, что онъ былъ неистовый дуэлистъ, и предсказалъ свою смерть; потому что—какъ говорилъ онъ—въ первый еще разъ справедливость была на его сторонѣ въ этой ссорѣ. Впрочемъ, товарищи любили его, и поставили ему этотъ памятникъ.

Февраля 2-го и 3-го продолжалъ я путь свой на *Читтапетъ*, *Талларъ* и *Тейндеванумъ*—три станціи, по пяти льё до каждой. Здѣшняя страна покрыта лѣсами, и потому уже не однообразна. Самая дикая и грозная

природа не имѣетъ въ моихъ глазахъ ни величія, ни прелести, если только она обнажена. Лѣса для земли, можно сказать, то̀ же, что̀ и волоса для головы человѣка — они служатъ ей лучшимъ украшеніемъ. Нѣтъ страны, въ которой бы тѣнь ихъ была такъ пріятна, какъ въ Азіи; между тѣмъ они не входятъ здѣсь ни въ какую систему земледѣлія. Ни правительство, ни частные люди не заботятся о разведеніи лѣсовъ, и всѣ только истребляютъ ихъ. Каждое семейство, каждый путешественникъ приготовляетъ свой обѣдъ отдѣльно, отъ чего, въ общей сложности, употребляется весьма большое количество топлива, и на эту потребность нѣтъ никакихъ правильныхъ запасовъ; изъ этого слѣдуетъ, что во многихъ мѣстахъ терпятъ уже совершенный недостатокъ въ дровахъ, особливо по дорогамъ, которыя проѣхалъ я теперь отъ Бѐллери на Га̀ути и Ко̀ддапахъ. Здѣсь встрѣчаются одни только фруктовыя деревья; и потому во многихъ мѣстностяхъ принуждены употреблять на

топливо коровій пометъ; изъ него дѣлаютъ плитки, и высушиваютъ ихъ на солнцѣ; онѣ горятъ хорошо и даютъ сильный жаръ.

Близъ деревни Тейндеванумъ, неподалеку отъ бонгало для путешественниковъ, находится прелестная вилла — фантастическое жилище генерала Доветона, называемое, поэтому, его «шалостью,» Doveton's folly. Посреди прекраснаго сада, на берегу небольшаго озера, въ глубинѣ долины, усаженной деревьями подобно англійскому парку, возноситъ она свою легкую колоннаду, свои китайскіе кіоски, и окружена верангами изъ рѣзнаго дерева въ восточномъ вкусѣ. Это смѣсь разныхъ родовъ архитектуры—что-то среднее между индійскимъ *рангмаль*, англійскимъ сельскимъ домикомъ и сладострастнымъ гаремомъ. Это настоящая сказка изъ Шехеразады—маленькій эдемъ, куда старый воинъ пріѣзжаетъ еще мечтать о своихъ битвахъ и побѣдахъ.

Февраля 4-ге, въ *Вальдаурѣ*, семь льё.— Вокругъ этого селенія сохранились слѣды

волканическаго изверженія, прекратившагося, по-видимому, съ весьма давнихъ поръ. Слѣды эти замѣтны на всей южной части полуострова, и — въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, близъ деревеньки *Тревикарей* — представляютъ весьма примѣчательное минералогическое явленіе. На днѣ круглаго бассейна, на нѣсколько футовъ ниже поверхности земли, а нерѣдко и вровень съ нею, находится цѣлый лѣсъ огромныхъ деревъ, преимущественно тамариндовыхъ, баніановыхъ, пальмовыхъ и финиковыхъ, совершенно окаменѣлыхъ и сохраняющихъ, въ этомъ новомъ видѣ, порядокъ, симметрію и даже цвѣтъ всѣхъ своихъ жилокъ. Нѣкоторые изъ этихъ древесныхъ стволовъ имѣютъ отъ шести до восьми футовъ въ объемѣ. Можно видѣть, какъ нѣкоторыя части подвергнуты были дѣйствію огня, особливо близъ корней, изъ которыхъ иные обуглились; каждый день добываются куски этихъ окаменѣлостей, принимающихъ весьма красивую полировку и составляющихъ

предметъ торговли. Изъ нихъ дѣлаютъ преимущественно галантерейныя вещи, особливо прекрасныя ожерелья и браслеты.

Февраля 5-го, на разсвѣтъ, я еще разъ ѣхалъ подъ прекрасною зеленью—среди фиговыхъ, пальмовыхъ деревъ и мимозъ, прелестно окружающихъ Пондишери. При видѣ этихъ изящныхъ сводовъ зелени, этихъ величественныхъ аллей, можно подумать, что подъѣзжаешь къ столицѣ. Не Версаль ли это, перенесенная на Коромандельскій берегъ? нѣтъ! стаи мимолетныхъ воронъ, попугаевъ и машатовъ, издающихъ дикіе и пронзительные крики въ густотѣ листьевъ; легкія формы кокосовыхъ деревъ, наклоняющихся надъ вами и предлагающихъ вамъ плоды свои; отдаленный говоръ волнъ, освѣжительный вѣтеръ съ моря, заставляющій васъ трепетать отъ удовольствія; блескъ радужныхъ цвѣтовъ на небѣ, въ водѣ и на землѣ, и радость, наполняющая мое сердце — все говоритъ мнѣ, что это Пондишери, зеленый изумрудъ, оправлен-

ный въ двойную лазурь—лазурь неба и земли. На этотъ разъ, однако-же, я не буду увлекаться эгоизмомъ, и не стану удерживать читателя въ той мѣстности, которая, не смотря на дѣйствительную важность ея для Франціи, не смотря на героическія воспоминанія о людяхъ, каковы Сюфренъ, Лабурдонѐ и Дюплейксъ, возбудила-бы нынѣ мало любопытства, и не обратила-бы на себя особеннаго вниманія. Къ сожалѣнію, слишкомъ очевидно, что Франція, при первой войнѣ съ своими сосѣдями, должна будетъ утратить эту послѣднюю драгоцѣнность свою на груди богатой Азіи; но ея языкъ, ея нравы, ея добродушіе, любовь къ своимъ учрежденіямъ и своему народу, переживутъ эту утрату точно такъ-же, какъ пережили они ее на островахъ св. Мавриція и св. Люціи, въ Канадѣ и Луизіанѣ. Нынѣ въ большой модѣ утверждать, что Французы неспособны основывать колоній. Правда попытки ихъ на этомъ поприщѣ часто были неудачны; можно, по справедливости,

обвинять ихъ въ недостаткѣ послѣдователь-
ности и постоянства; энтузіазмъ ихъ скоро
воспламеняется, но скоро и остываетъ; они
легко теряютъ бодрость духа; національ-
ный характеръ ихъ легокъ. Однако-же сѣ-
мя Франціи плодовито: повсюду, куда ни
заносило его вѣтромъ, оно сильно и упор-
но прозябало; удерживало языкъ, религію,
вкусъ, веселость и неустрашимость своей
матери. Дай Богъ, чтобъ это было такъ
и на палящей почвѣ Африки! Дай Богъ,
чтобъ, въ наше время, миръ, религія, циви-
лизація и счастіе распространились на та-
мошнихъ классическихъ берегахъ, подъ
сѣнью французскаго знамени! Еслибъ и
произошла несчастная война, и француз-
ская колонія перешла бы на время въ дру-
гія руки, то она все-таки досталась бы,
впослѣдствіи, въ удѣлъ Франціи: сила кро-
ви и природное отвращеніе отъ ледянаго
соприкосновенія съ врагами нашими воз-
вратили бы эту колонію въ наши руки. И
такъ, пусть Франція постоянно стремится по

этому пути, пусть настойчивость будетъ ея девизомъ! Сѣйте, насаждайте, не смотря ни на что: рано или поздно, вы соберете плоды трудовъ своихъ.

XXII.

СЛУХИ О ВОЙНѢ. — ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПОЛКЪ. — ПРИБЫТІЕ ВЪ ЛАГЕРЬ.

Марта 13-го 1834 года собралось блестящее общество у губернатора; здѣсь находились всѣ мои родные, которые согласились съѣхаться сюда изъ Беллери и Гайдерабада. Нашъ добрый и любезный губернаторъ, остроумный контръ-адмиралъ де-Мелей, содѣйствовалъ веселости общества любезностью своего разговора совершенно въ вольтеровскомъ вкусѣ. Никогда еще не чувствовалъ я себя столь счастливымъ, никогда еще не былъ я такъ доволенъ настоящимъ и такъ беззаботенъ о будущемъ;

какъ въ это время. Смотря въ зеркало на свой блестящій мундиръ и играя рукоятью сабли, я не могъ удержаться отъ легкаго вздоха, помышляя, что этотъ мечъ, такъ хорошо вызолоченный, ни разу не былъ еще въ дѣлѣ. Желаніе мое наконецъ исполнилось. Въ залу является слуга и подаетъ мнѣ депешу, посланную адъютантомъ нашего полка по приказу полковника. Меня увѣдомляли, что внезапно объявлена война противъ раджи Кургскаго, что полкъ нашъ назначенъ въ дѣйствующую армію, и что онъ, усиленнымъ маршемъ, отправился уже въ походъ къ западной майсорской границѣ. Адъютантъ весьма вѣжливо заключилъ письмо сообщеніемъ приказа немедленно возвратиться въ полкъ, означая маршрутъ, которому предположено слѣдовать.

Не могу теперь отдать себѣ отчета, почему вѣсть эта доставила мнѣ величайшее удовольствіе: капитаны, поручики и подпоручики англійской арміи, безъ всякой надежды на награду, рискуютъ жизнію въ

страшной игрѣ, называемой войною, въ которой они могутъ все утратить и жизнь, и состояніе, и здоровье, и будущность, и въ которой *для нихъ* нѣтъ ни выслуги, ни почестей. Какую бы храбрость ни оказали они на полѣ битвы, блестящая мечта получить знакъ отличія для нихъ не существуетъ. Въ этой аристократической службѣ слава носится всегда надъ вышитыми шляпами, но никогда не спускается на оберъ-офицеровъ. Для привлеченія этого блуждающаго огня, надо имѣть, по крайней мѣрѣ, большіе эполеты и отличительные шпоры батальоннаго командира. Но, не смотря на все это, какъ бы обманчивъ ни былъ призракъ, увлекающій насъ, слава есть первая любовница двадцатилѣтняго юноши, и она-то, неблагодарностью своею, вызываетъ у насъ первое продолжительное сожалѣніе. Ссылаюсь въ этомъ на всѣхъ васъ, посѣдѣлые воины имперіи, блестящіе юноши 1812 года—мечтавшіе о царствахъ и маршальскихъ жезлахъ; обращаюсь и къ вамъ, бѣдные нынѣшніе сту-

денты, къ вамъ, безпрестанно разбивающимъ лобъ объ желѣзную дверь Политехнической школы: и я, въ свою очередь, заплатилъ дань своей мечтѣ, блестящей, но кратковременной, по общему закону природы человѣческой.—Приготовленія мои скоро кончились; на другой день я былъ уже въ сѣдлѣ, охотно уступая ретивости моего прекраснаго арабскаго коня, и рѣшился скорѣе измучить своихъ людей и животныхъ, чѣмъ пропустить первый ружейный выстрѣлъ, нетерпѣливо мною ожидаемый.

Марта 18-го находился я на пути въ Бангалоръ, бывшій въ то время главною квартирою арміи, и мнѣ слѣдовало получить здѣсь свѣденіе о походѣ войскъ, назначенныхъ на войну: впрочемъ, здѣсь пролегала и кратчайшая дорога къ границѣ.

Марта 19-го прибылъ я въ деревню *Палликондахъ*, непредставляющую ничего любопытнаго. По выѣздѣ въ поле, я увидѣлъ однако-же множество разводимыхъ здѣсь маслянистыхъ растеній. Послѣ риса они со-

ставляютъ главный предметъ земледѣлія; а въ существованіи народа масло есть предметъ первой потребности: оно служитъ также важною статьею вывоза въ метрополію, особливо кокосовое и клещевинное масло.

Марта 20го, въ *Лальпетѣ*, прелестномъ мѣстечкѣ у подошвы романтическаго ущелья Наккенери. Его можно принять за мавританскую виньету, или за гравюру изъ восточнаго альбома; это образецъ индійской архитектуры въ музульманскомъ вкусѣ. Ничто не можетъ быть прелестнѣе здѣшней мечети, быстро приходящей въ разрушеніе подъ живописною но и убійственною тяжестью *пиполя*, укоренившагося въ трещинѣ между минаретомъ и боковою стѣною. Этотъ чужеядный кустъ есть бичь для памятниковъ въ Индіи; это сильный помощникъ времени, теченіе котораго здѣсь, по-видимому, быстрѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Онъ не прихотливъ, и принимается повсюду, при всякихъ условіяхъ прозя-

бенія; лишь бы нашлось мѣсто, гдѣ пустить корень—онъ ростетъ съ необыкновенною силою, подавляя и разрушая зданія, или истощая и заглушая деревья, къ которымъ привьется. Пиполь появляется даже на стѣнахъ и кровляхъ домовъ, тщательно поддерживаемыхъ, и густыми вѣтвями своими покрываетъ уже зданіе, если оно одинъ только годъ оставалось безъ присмотра.

Позади мечети находится мавзолей такой же архитектуры—восьмиугольное зданіе съ куполомъ, имѣющимъ видъ полушарія и окруженнымъ маленькими прелестными минаретами. Вокругъ зданія идетъ открытая галлерея со сводомъ, внутри которой, на помостѣ, возвышаются многочисленныя гробницы, сдѣланныя очень просто и даже безъ надписей. Подъ одною изъ нихъ похороненъ основатель мечети, а подъ другими—члены его семейства. Стѣны обременены изящными арабесками, изсѣченными изъ камня. Лальпетъ славится во всей Индіи своими апельсинами, которые очень хороши и

вывозятся въ дальныя мѣста. Англичане старались разводить здѣсь цинтрскіе апельсины; но они никакъ не могутъ сравниться съ настоящими португальскими. Это мѣстечко имѣетъ также свое историческое воспоминаніе: здѣсь, во время похода, умеръ, почти съ оружіемъ въ рукахъ, Гайдеръ-Али, отъ болѣзни въ родѣ проказы, причиненной безпокойствомъ и огорченіями.

Въ тотъ-же вечеръ проѣхалъ я ущелье Наккенери по большой военной и коммерческой дорогѣ, соединяющей майсорскую равнину съ прибрежьемъ. Дорога эта не приноситъ чести господамъ компанейскимъ инженерамъ, какъ по направленію, какъ и по самой работѣ: господа эти изучаютъ мѣстности, сидя въ паланкинѣ; издали смотрятъ въ зрительную трубку, и, по большой части, придерживаются тропинокъ, предпочитаемыхъ носильщиками паланкина, или деревенскими жителями. Тутъ проѣзжіе безпрестанно рискуютъ сломить себѣ шею, и я видѣлъ, какъ повозки, запряженныя ту-

земными волами, хотя очень небольшія и необремененныя кладью, безпрестанно катились бокомъ при всякомъ спускѣ подъ гору, увлекая за собою и воловъ и проводниковъ, которые общими силами не могли удерживать ихъ въ надлежащемъ положеніи; удивительно еще, какъ все это не ломается и не гибнетъ. Впрочемъ, дорога очень живописна и довольно удобна только для верховаго: можно подумать, что находишься въ какомъ нибудь ущельѣ Швейцарскихъ горъ: вы ежеминутно видите себя между отвѣсною стремниною горы и пропастью, почти такъ-же перпендикулярною. Густой и мрачный лѣсъ покрываетъ всѣ скаты, и еще болѣе придаетъ величія картинѣ. Доѣхавъ до вершины ущелья, т. е. до того мѣста, гдѣ выходитъ оно на майсорскую равнину, вы видите налѣво прелестный амфитеатръ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, у подошвы которыхъ деревенька Наккенери смотрится въ голубой кристалъ искуственнаго озера. Картина перестаетъ быть величественною, но

она принимаетъ видъ трогательной простоты; это пейзажъ Вогезскихъ горъ.

Уединеніе этой небольшой долины было нарушено на короткое время; длинные ряды палатокъ тянулись бѣлыми и параллельными линіями по берегамъ озера, въ недальномъ разстояніи отъ деревеньки. Около двадцати слоновъ, триста или четыреста верблюдовъ спали, или пережевывали кормъ при свѣтѣ луны; множество воловъ, лошадей и вьючныхъ животныхъ ржали, ревѣли и звонили своими колокольчиками; тысячи огней горѣли со всѣхъ сторонъ; видно было, какъ проходили мимо пламени, или сидѣли въ дыму черные и почти нагіе люди; радостные и громкіе голоса раздавались среди этихъ группъ: то былъ европейскій полкъ и его базаръ—порядокъ и стройность лагеря возлѣ цыганскаго табора. Это 57-й полкъ королевской арміи, подъ начальствомъ полковника Аллана, отправляющійся въ Бангалоръ для составленія резервнаго отряда дѣйствующей арміи. У подошвы ущелья

проѣхалъ я мимо палатокъ 27-го полка туземной инфантеріи, имѣвшаго такое-же назначеніе.

За ужиномъ въ тотъ-же вечеръ съ офицерами 57-го полка получилъ я свѣденія, которыя заставили меня удвоить быстроту моего путешествія. Приближеніе муссона побуждало какъ можно скорѣе кончить непріятельскія дѣйствія, такъ что война должна была открыться въ началѣ апрѣля. Было уже 21 марта, а мнѣ оставалось еще проѣхать сто льё: выходило по десяти льё въ день, и при томъ на однѣхъ и тѣхъ-же двухъ лошадяхъ; но я не унывалъ; всѣ молодые люди завидовали моему счастью участвовать въ экспедиціи.

Вышедши изъ палатки полковника Аллана, я отправился въ бонгало, назначенное исключительно для путешественниковъ, и мнѣ надо было снова проѣзжать тѣмъ мѣстомъ, гдѣ паслось полковое стадо. Не прошло и сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ расположился здѣсь полкъ; между тѣмъ зара-

зительные міазмы выходили уже съ выгона, занимаемаго вьючными животными. Вотъ важное неудобство отъ верблюда: это животное, съ самаго рожденія до смерти своей, бываетъ одержимо какимъ-то безпрестаннымъ поносомъ, называемымъ *течью* и наполняющимъ вонью всѣ мѣста, гдѣ оно останавливается, такъ что, въ нѣсколько дождливыхъ дней, отъ этого можетъ открыться повальная болѣзнь въ лагерѣ. Извѣстно, что устройство верблюжьяго желудка, раздѣленнаго на нѣсколько частей, даетъ возможность животному долго сохранять выпитую воду во всей ея чистотѣ. Но не всѣ знаютъ, что нарость на спинѣ верблюда, принимаемый за одну только уродливость, есть запасъ, которымъ мудрая природа одарила его и который отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ животныхъ, пережевывающихъ пищу. Когда у верблюда нѣтъ корма, то жиръ изъ нароста служитъ ему, посредствомъ всасыванія, питательнымъ веществомъ, и можетъ поддер-

живать его существованіе нѣсколько дней, не ослабляя силъ и не уменьшая толщины его. Одинъ только наростъ на спинѣ постепенно убавляется, но опять принимаетъ прежній видъ, какъ скоро животное начинаетъ ѣсть кормъ*. Другая особенность верблюда состоитъ въ томъ, что когда онъ поскользается на влажной землѣ, то паденіе его всегда бываетъ смертельно; потому что онъ расползается всѣми ногами и до такой степени вывихиваетъ себѣ члены, что нѣтъ возможности поднять его на ноги. Тогда его убиваютъ для снятія шкуры и даже для полученія мяса, до котораго Аравитяне извѣстныхъ племенъ большіе охотники.

Хотя онъ, по свойствамъ своимъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ бараномъ, однакоже не такъ тихъ, какъ послѣдній. Верблюдъ чрезвычайно мстителенъ; но мщеніе его почти всегда бываетъ соразмѣрно обидѣ, ему нанесенной, и онъ тотчасъ забываетъ ее, какъ скоро полагаетъ, что достаточно

* *Oriental Annual,* traduction de M. Auguste Urbain.

отмстилъ за нее. Такъ, на примѣръ, я видѣлъ однажды, какъ верблюдъ, прибитый своимъ сарваномъ (вожатымъ), бѣжалъ за нимъ и хотѣлъ искусать его; сарванъ бросилъ ему свой плащъ, который животное начало рвать зубами и топтать ногами, дѣлая при томъ пресмѣшныя движенія. Удовлетворивъ своему бѣшенству, верблюдъ сдѣлался по-прежнему тихъ и послушливъ.

Марта 21-го. — Отдохнувъ часа три, я преодолѣлъ сонъ, и пустился въ дорогу по захожденіи луны. Скоро исчезла она за горами, но яркій свѣтъ ея тотчасъ замѣненъ былъ тихимъ сіяніемъ звѣздъ, разливавшихъ надо мною золотистые потоки свои; здѣсь онѣ всегда могутъ служить путеводительницами страннику, и, благодаря имъ, я благополучно прибылъ въ селеніе *Бетмунгалумъ*, проѣхавъ десять льё лѣсомъ.

Начиная отъ Наккенери, лѣса вдругъ теряютъ все свое величіе и превращаются въ жалкій кустарникъ, не представляющій никакой защиты противъ вихря, который

безпрестанно поднимается въ здѣшнихъ обширныхъ равнинахъ. Лишь только вступаете вы на майсорскую равнину, возвышающуюся на тысячу пять сотъ футовъ надъ прибрежьемъ, васъ тотчасъ обдаетъ рѣзкимъ и холоднымъ вѣтромъ, тѣмъ болѣе непріятнымъ, что онъ составляетъ неожиданную противоположность съ температурою, изъ которой вы только-что вышли. Наканунѣ еще вы измучены были томительнымъ дѣйствіемъ огненной атмосферы, и вотъ, прямо съ Коромандельскаго берега—гдѣ солнечные лучи, отражаемые длинными песчаными полосами, производятъ удушающій жаръ и причиняютъ сильные приливы крови къ головѣ, нерѣдко смертельные—безъ всякаго перехода, вступаете вы въ климатъ почти европейскій. Обыкновеннымъ слѣдствіемъ этой быстрой атмосферической перемѣны бываетъ сильный поносъ, который можно отклонить только большими діэтетическими предосторожно-

стями, основанными на опытѣ, чтó, впрочемъ, весьма трудно сдѣлать.

Люди мои догнали меня очень поздно и объявили, что не могутъ идти дальше въ тотъ-же день. И такъ, надо было покориться необходимости, и остаться ночевать въ Бетмунгалумѣ. *Котвалъ*, или полицейскій надзиратель этого селенія, сказалъ мнѣ, что окрестности наполнены ворами, и убѣдилъ меня воспользоваться, во время ночи, карауломъ двухъ *чокидаровъ* или *беркандазовъ*. Эти чудаки не давали мнѣ спать всю ночь своими криками и ружейными выстрѣлами, ежеминутно повторяемыми для удаленія воровъ, какъ они говорили; не смотря на то, у одного изъ моихъ людей украли чалму, а у другаго поясъ, да и охотничье ружье мое пропало въ то-же время. Однако-же на дѣлѣ оказалось, что мы впустили волковъ въ овчарню: воры, которыми насъ пугали, были сами чокидары, раздѣляющіе добычу съ котваломъ.

Марта 22-го, въ *Коларѣ* (семь льё).—Вся

эта часть майсорской равнины, открытая всѣмъ вѣтрамъ, печальна какъ пустыня. Подъ убійственными лучами палящаго солнца по васъ безпрестанно пробѣгаетъ ледяная дрожь—это лихорадка, наносимая холоднымъ и рѣзкимъ вѣтромъ. Напрасно путешественникъ ищетъ минутнаго убѣжища въ этихъ неизмѣримыхъ пространствахъ, гдѣ нѣтъ никакой зелени—среди колючаго кустарника, гдѣ единственнымъ развлеченіемъ служитъ ему стадо антилопъ, убѣгающихъ при его приближеніи. Наконецъ, на половинѣ разстоянія, представляется дерево, и въ тѣни его останавливаюсь я дожидаться моихъ людей, которыхъ медленность выводитъ меня изъ терпѣнія. Видъ его необыкновенный: это *ситтихъ* или дерево-зонтикъ; такое названіе дано ему по формѣ, всего чаще принимаемой имъ во время произрастанія и представляющей собою совершенный зонтикъ, утвержденный наверху прямаго и почти голаго ствола. «Иногда форма эта

до такой степени соразмѣрна во всѣхъ частяхъ своихъ, что природа, по-видимому, начертала для растительности этого дерева самый правильный рисунокъ. Верхушка состоитъ изъ вѣтвей, усѣянныхъ колючками, столь частыми, что онѣ образуютъ покрышку, непроницаемую для солнечныхъ лучей. Все пространство, покрываемое ею, всегда бываетъ усыпано множествомъ колючекъ, такъ, что сперва надо вымести то мѣсто, на которое хочешь сѣсть; но, при малѣйшемъ движеніи вѣтвей, васъ обсыпаетъ колючками.* »

На большихъ разстояніяхъ среди этой пустыни встрѣчаются прекрасные пруды; земля вокругъ нихъ воздѣлана и населена. Здѣшніе города, совершенно особеннаго вида, окруженные земляными укрѣпленіями, обнаруживающими безпокойный духъ прошедшихъ поколѣній, построены по берегамъ этихъ резервуаровъ, замѣняющихъ здѣсь рѣки. Таковъ *Коларъ*, большой го-

* *Oriental Annual.*

родъ, весьма населенный и служащій складочнымъ мѣстомъ обширной торговли. Онъ также имѣетъ свою земляную крѣпость, довольно хорошо сохранившуюся, въ которой можетъ помѣститься гарнизонъ отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ. За городомъ посѣтилъ я гробницы семейства Гайдеръ-Али. Довольно маленькая мечеть, весьма простая, окруженная цвѣтами и кустовыми деревьями, отличаетъ это царское кладбище. Здѣсь пятнадцать надгробныхъ камней, безъ надписей и украшеній; они незамѣчательны; подъ ними похоронены малолѣтныя дѣти, неизвѣстные родственники и жены Гайдеръ-Али. Самъ онъ, перенесенный изъ Лальпета, погребенъ былъ въ Коларѣ, но потомъ его снова перенесли въ Серингапатамъ, въ великолѣпный мавзолей, сооруженный сыномъ его, гдѣ оба они покоятся теперь одинъ возлѣ другаго.

Близъ Колара нашелъ я 3-й полкъ регулярной мадрасской кавалеріи, расположен-

ный лагеремъ, на пути въ Бангалоръ, для составленія резервнаго отряда дѣйствующей арміи. Имѣя рекомендательное письмо къ поручику того полка, Керъ Макъ-Дональду, я принятъ былъ самымъ пріятнымъ образомъ; провелъ ночь въ его палаткѣ, и мы согласились съ нимъ поспѣшно ѣхать на другой день въ Бангалоръ. Намъ надо было проѣхать шестнадцать льё; но товарищъ мой надѣялся найдти на половинѣ пути подставную лошадь; а я твердо полагался на своего арабскаго коня. Дѣйствительно, 23-го марта мы были уже въ дорогѣ за два часа до восхожденія солнца. На шестомъ льё мы проѣхали мѣстечкомъ *Ускоттахъ*, гдѣ Компанія содержитъ большой конный заводъ для ремонта своей кавалеріи. Тамъ припускаютъ арабскихъ жеребцовъ къ англійскимъ и капскимъ кобыламъ. Остановившись отдохнуть на половинѣ пути, мы пріѣхали въ Бангалоръ въ семь часовъ вечера.

Изъ всѣхъ центральныхъ пунктовъ Индіи,

этотъ городъ служитъ самою важною, постоянною квартирою англійскихъ войскъ. Вотъ весьма точный планъ тамошнихъ военныхъ квартиръ, описанный г. Монтолюнъ де-Семонвиль въ статьѣ, напечатанной въ *Revue des Deux Mondes:* «Великолѣпныя казармы расположены на одной линіи передъ превосходною площадью для ученья войскъ; другая сторона площади, противъ казармъ, занята англиканскимъ храмомъ, прекрасными домами, назначенными для главныхъ чиновниковъ и для европейскихъ офицеровъ, и концертною залою, гдѣ играетъ музыка въ часы прогулки. На одномъ концѣ этого Марсова поля, имѣющаго одно льё длины, устроено, какъ и во всѣхъ англійскихъ поселеніяхъ, прекрасное мѣсто для скачекъ, которыя бываютъ довольно часто. Другой конецъ ведетъ въ черный, т. е. совершенно индійскій городъ (Петтахъ, на туземномъ языкѣ). Его многочисленное народонаселеніе и его базары составляютъ особый міръ,

неимѣющій ничего общаго съ европейскою колоніею. Англичане постоянно слѣдуютъ своему обыкновенію разселяться въ полѣ и придавать окрестностямъ индійскаго города видъ обширнаго военнаго стана. По ту сторону Петтаха, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ военныхъ квартиръ, построена крѣпость, которой каменныя стѣны представляютъ неслишкомъ благонадежную защиту. Напротивъ, вмѣсто укрѣпленій, легко было бы воспользоваться широкими рвами, окружающими черный городъ, чрезъ которые проложено нѣсколько узкихъ шоссе, необходимыхъ для того, чтобъ проходить извилинами къ разнымъ воротамъ. Бамбуки, кактусы и множество непроходимаго терновника наполняютъ эти рвы и простираются до такой высоты, что замаскировываютъ Петтахъ. Никакое артиллерійское орудіе не пробьетъ этой чащи, и едвали самый огонь можетъ взять кустарникъ столь живучаго свойства.»

Въ числѣ другихъ прекрасныхъ зданій,

въ Бангалоръ есть дворецъ, построенный Типпу. Тамъ есть также сады, расположенные по рисунку, имъ самимъ начертанному. Они обширны, раздѣлены на квадраты, отдѣленные аллеями и украшенные дивными кипарисами. Бангалорскій климатъ благопріятствуетъ садоводству, которымъ здѣсь многіе занимаются: каждый годъ бываетъ выставка, и на нее присылаютъ весьма замѣчательные плоды. Виноградъ, яблоки, персики и кофей разводятся съ успѣхомъ. Особливо послѣдній приноситъ превосходные урожаи, и здѣшній сортъ кофею не уступаетъ своимъ качествомъ мокскому. Народонаселеніе въ 1834 году состояло изъ 44,000 душъ.

Бангалоръ служитъ главною военною квартирою майсорской дивизіи, состоящей изъ слѣдующихъ частей.

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ.	ВОЙСКО ВЪ БАНГАЛОРѢ.	Число воин.
1 Начальникъ главнаго штаба.	1 рота конной европейской артиллеріи.	150
1 Старшій адъютантъ	1 драгунскій полкъ королевы (европейск.)	750
1 Квартирмейстеръ.	1 полкъ европейской артиллеріи * . .	1000
1 Адъютантъ.	1 полкъ конной туземной артиллеріи .	150
1 Штабъ-лекарь.	1 полкъ мадрасской кавалеріи. . . .	750
1 Духовникъ.	1 рота артиллеріи изъ Голандазовъ . .	1 50
	4 батальона туземной инфантеріи . .	4400
	Итого. . .	7350
У Французскихъ Скалъ близъ Серингапатама.	1 полкъ туземной инфантеріи . . .	1100
	1 отрядъ пѣхотной артиллеріи . . .	50
	Всего. . .	8500
	* Всѣхъ Европейцевъ 1900.	

Я выставляю число нынѣшняго войска, а не того, которое было въ 1834 году.

Къ той же дивизіи причисляется еще Малабарская и Канарская бригада, состоящая, независимо отъ первой, подъ начальствомъ генерала, при которомъ находятся: одинъ штабъ-офицеръ, называемый бригаднымъ маіоромъ, и штабъ-лекарь. Бригада эта составлена слѣдующимъ образомъ:

Войско въ Кананорѣ (главной квартирѣ).	Число воиновъ.
$\frac{2}{3}$ роты туземной артиллеріи	100
1 полкъ европейской инфантеріи	1000
1 полкъ туземной инфантеріи	2200
Въ Мангалорѣ.	
$\frac{1}{4}$ роты туземной артиллеріи	50
2 батальона туземной инфантеріи	2200
Всего . . .	5550

По смерти Типпу, въ 1799 году, Майсорскому мусульманскому государству не исполнилось еще пятидесяти лѣтъ существованія, и въ продолженіе этого времени въ немъ было только два царствованія. Гайдеръ-Али, простой, выслужившійся офицеръ, внукъ одного странствующаго факира изъ Пенджаба, прославилъ Майсорскій престолъ, и создалъ себѣ — какъ выражается Г. де Монтолонъ—народъ, соотвѣтствующій его могучимъ силамъ. «Неизвѣстный «сосѣдственнымъ державамъ, управляемый

»слабыми индійскими раджами, стѣсненный игомъ древнихъ своихъ обычаевъ, »Майсоръ въ первый разъ ознаменовалъ »себя блестящимъ подвигомъ въ 1752-мъ г. »Въ извѣстіяхъ объ осадѣ Тричинополи, »во время кровавой борьбы за Карнатикъ, »въ первый разъ упоминается о вспомо»гательной майсорской арміи *.» Въ то самое время и Гайдеръ-Али, въ званіи простаго солдата, начинаетъ завоевывать себѣ чины. Власть его быстро возрастаетъ, и вмѣстѣ съ нимъ вдругъ является на политической сценѣ совершенно новое государство, которое, въ продолженіе полувѣка, играетъ важную роль въ числѣ сильнѣйшихъ индійскихъ державъ.

Чудесно расположенное на равнинѣ, возвышающейся надъ двумя морями — какъ огромная цитадель, защищаемая Гатскими горами, образующими немногія ущелья для всхода на нее съ береговъ Малабарскаго и Короманделькаго, Майсорское государство

* Монтолонъ де Семонвиль, въ Revue des Deux Mondes.

представляетъ собою дивную точку, могущую служить основаніемъ для системы завоеваній. Какъ лавина, образующаяся на высотѣ горъ, Гейдеръ-Али каждый годъ спускается съ этой равнины для того, чтобъ захватить всѣ отлогости и присоединить къ своимъ владѣніямъ всѣ сосѣдственныя равнины. Все Канарское государство и значительная часть Малабарскаго признаютъ его своимъ повелителемъ, и онъ увеличиваетъ свои области восмьюдесятью льё приморскихъ земель на берегу, чрезвычайно плодородномъ и орошаемомъ множествомъ прекрасныхъ рѣкъ.

Не буду распространяться объ извѣстной исторіи двухъ царствованій и о подвигахъ Гайдеръ-Али и Типпу, ни о катастрофѣ, прекратившей жизнь сего послѣдняго. Упомяну только, что въ 1799 году, когда союзники (т. е. низамъ Гайдерабадскій и Маратты) раздѣлили съ Компаніею, по предварительной сдѣлкѣ, всѣ майсорскія завоеванія, то забота о поддержаніи тишины въ по-

бѣжденномъ государствѣ, введенномъ въ первобытные свои предѣлы, пала на Англичанъ, и что они, рѣшившись навсегда удалить отъ престола поколѣніе похитителей его, оказавшихъ столько храбрости и ненависти противъ Компаніи, отыскали трехлѣтняго ребенка — отрасль древней индійской династіи, и вручили ему скипетръ его предковъ. Ребенокъ этотъ, раджа Кистна Раджи Вудіуръ, по мѣрѣ возраста своего, чувствовалъ, какъ попечительство Англичанъ обременяло и стѣсняло его, подобно желѣзнымъ оковамъ, съ тѣмъ чтобъ остановить его развитіе и удалить вліяніе его власти. У него похитили, мало по-малу, до послѣдней принадлежности царскаго достоинства. Теперь у него нѣтъ ни войска, ни министра; самъ онъ не имѣетъ никакихъ занятій въ государствѣ. Все управленіе перешло въ руки административнаго совѣта, составленнаго изъ англійскихъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ полковника и подъ названіемъ *комитета по дѣламъ май-*

сорскимъ, разрѣшающаго все безъ вѣдома государя, съ одобренія только генералъ-губернатора. Въ городѣ Майсорѣ есть еще другой полковникъ, имѣющій званіе политическаго резидента и обязанный безпрестанно наблюдать за особою раджи и за окружающими его, въ ежедневныхъ сношеніяхъ и даже въ домашней жизни ихъ, такъ что государь, находясь подъ этою двойною опекою, окруженъ какъ будто семейнымъ совѣтомъ, который завѣдываетъ всѣми его дѣлами, и государственными и частными. У него есть однако-же какое-то подобіе престола, покрытое позолоченною бумагою, во дворцѣ, который можно принять за декорацію въ оперѣ. Онъ содержитъ эскадронъ дурной кавалеріи и нѣсколько сотъ тѣлохранителей, вооруженныхъ пиками и винтовками; у него есть гаремъ, изъ котораго онъ очень рѣдко выходитъ и гдѣ жизнь его истощается въ развратѣ; наконецъ, онъ имѣетъ столицу въ сторонѣ отъ всякаго пути, рѣдко посѣщаемую путеше-

ственниками и почти забытую, гдѣ онъ живетъ, младенецъ пятидесяти лѣтъ, забавляясь еще побрякушками, которыми англійская политика поддерживаетъ его безсмысленность.

Люди мои, не прежде какъ 24-го марта, прибыли ко мнѣ въ Бангалоръ; но они до такой степени утомились и такъ исцарапали себѣ ноги отъ дороги, что мнѣ надо было распустить всю мою прислугу: а это большое неудобство при обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился; потому что здѣсь нѣтъ уже англійской земской полиціи, при помощи которой можно было бы отыскать благонадежныхъ носильщиковъ и провожатыхъ. Компанія вполнѣ овладѣла высшею администраціею, но не касалась еще второстепенныхъ пружинъ правленія, и употребляетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ были онѣ прежде. И такъ, послѣ множества затрудненій и кое-какихъ издержекъ насчетъ моего кошелька, удается мнѣ наконецъ собрать небольшое число людей, и от-

правиться съ ними въ Бангалоръ. Новыя препятствія являются послѣ всякой, сдѣланной мною уступки; между тѣмъ ничего больше не остается, какъ покориться всему этому безпорядку — даже всѣмъ обманамъ, и согласиться на все, что́ вамъ предложатъ. Я имѣлъ однако-же рѣдкое счастье найдти, въ такой крайности, главнаго слугу или ханзамана, по имени Абд-эль-Кадера, музульманина хорошей касты, честнаго и очень умнаго. Благодаря его дипломатіи и личному вліянію, отправляюсь въ путь 26-го марта по-утру, и въ тотъ же вечеръ пріѣзжаю въ небольшой городъ *Сулурпетъ*, около двѣнадцати льё.

Я думалъ, что кончились всѣ мои хлопоты, между тѣмъ онѣ опять начались: двое изъ моихъ ко́ури-кули (носильщиковъ корзинъ) пользуются слѣдующею ночью, и убѣгаютъ отъ меня съ полученнымъ задаткомъ. Надобно замѣнить ихъ, 27-го числа, двумя *бегари* (нищими, выгнанными бѣдностью изъ своей родины и терпимыми,

какъ сверхкомплектные, въ другой деревнѣ, съ условіемъ отправлять всякую работу при путешественникахъ) — несчастными, насильно взятыми съ площади котваломъ, который беретъ у меня деньги за ихъ службу. Пройдя три четверти льё, они вдругъ снимаютъ съ себя ношу и убѣгаютъ; за однимъ изъ нихъ пускаюсь я въ галопъ по полямъ, и не надѣясь поймать его, обнажаю саблю и угрожаю заколоть его. При этомъ движеніи онъ падаетъ на колѣна и проситъ пощады. Слугѣ моему удалось остановить другаго бѣглеца. Тогда только узналъ я, что бѣдняки эти ничего не получатъ за свой трудъ изъ денегъ, отданныхъ мною котвалу. Я обѣщалъ заплатить имъ въ другой разъ ту-же самую цѣну, и они весело подняли на себя ношу. Такая сдѣлка повторяется на всякой станціи, и я постоянно плачу вдвойнѣ: земскому начальнику и носильщикамъ. Этотъ случай имѣлъ для меня другія, болѣе непріятныя послѣдствія: спрыгнувъ въ ровъ для преслѣдованія бегари, лучшая

лошадь моя повредила себѣ ногу. По прибытіи въ *Коанголъ*—на вторую станцію, въ двадцати льё отъ Бангалора, надобно отправить больную лошадь въ этотъ городъ, и поручить ее попеченіямъ одного добраго моего пріятеля. Препятствія увеличиваются на каждомъ шагу, и путешествіе мое болѣе и болѣе замѣдляется.

Марта 28-го доѣзжаю я до *Баллура* (двѣнадцать льё), селенія, имѣющаго около двухъ сотъ хижинъ, окруженныхъ прекрасными деревьями. Здѣсь встрѣчаются уже прибрежныя кокосовыя и, отдѣльными группами, великолѣпныя бамбуковыя деревья западныхъ Гатскихъ горъ. Деревни въ этой части Майсора—настоящіе оазисы—очень многолюдны, но весьма отдалены одна отъ другой. Къ нимъ почти всегда подъѣзжаешь по извилистымъ дорогамъ, обсаженнымъ кактусами, которыхъ густая зелень возвышается отъ семи до восьми футовъ съ каждой стороны и составляетъ довольно благонадежную защиту. Жители, вообще

мусульмане, съ любовью вспоминаютъ о прежнихъ своихъ повелителяхъ, и ненавидятъ Англичанъ; и потому Европеецъ, не иначе какъ за деньги, можетъ получить здѣсь какую нибудь помощь, и то по личному вліянію своей прислуги, или по страху, внушаемому его вооруженными проводниками.

Замѣчаю, что каждое семейство разводитъ здѣсь небольшое количество табаку; тотъ, кто куритъ, мѣшаетъ табачныя листья съ конопляными, ростущими почти повсюду. Когда прибавляютъ немного опіума къ этой смѣси, тогда называютъ ее *бангъ*, и это самый отвратительный составъ для куренья, производящій, у того, кто куритъ, сильное опьяненіе, болѣе вредное, нежели самый опіумъ. Одного *шиллума* (набивки), такъ приготовленнаго, достаточно для нѣсколькихъ человѣкъ, которые по-очереди передаютъ *гукàхъ* другъ другу. Они представляютъ довольно смѣшное зрѣлище, сидя за

этимъ куреньемъ. Каждый вбираетъ въ себя множество дыма, самаго крѣпкаго, самаго густаго, какой только быть можетъ, дѣлаетъ ужасную гримасу, кашляетъ, чихаетъ, плюетъ, почти задыхается, и снова дожидается своей очереди.

Марта 29-го, въ *Чинройпаталтъ* (девять льё), нѣкогда важномъ городѣ, гдѣ теперь не больше пяти сотъ домовъ и гдѣ разводятъ множество шелковичныхъ червей двухъ породъ: итальянской и другой, которой бабочка огромной величины и темно-желтаго цвѣта. Шелкъ этой послѣдней породы крѣпче, но и толще; онъ раскупается, по большой части, въ той-же сторонѣ; изъ него ткутъ бенгальскіе платки, особливо занавѣсы, и дѣлаютъ всякаго рода плетенья.

Марта 30-го, вечеромъ, въ *Гассанъ* (десять льё). — Чинройпатамскій котвалъ не далъ мнѣ носильщиковъ для моихъ вещей, и мнѣ надо продолжать путь съ тѣми бегари, которыхъ взялъ я въ Бангуръ. Бѣдные

люди эти почти вышли изъ силъ, и просили отпустить ихъ. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца они безпрестанно замѣняютъ вьючныхъ животныхъ, по случаю прохода разныхъ отрядовъ войска, отправляющихся въ армію. Ноги ихъ покрыты ужасными язвами, и каждый шагъ долженъ былъ бы сопровождаться стономъ; однако они рѣдко ропщутъ: еще разъ удалось мнѣ вызвать у нихъ улыбку обѣщаніемъ дать *букра*, т. е. барана на ужинъ, по прибытіи на мѣсто. Когда я останавливаюсь днемъ, то они ложатся возлѣ своей ноши, и тотчасъ засыпаютъ. Сервантесъ заставляетъ говорить добряка Санхо: «Да будетъ благословенъ тотъ, кто выдумалъ сонъ!» Благое Провидѣніе одарило Индійца способностью предаваться этому наслажденію во всякое время и почти настолько, насколько онъ хочетъ. Мнѣ кажется, онъ могъ-бы спать восмнадцать часовъ въ сутки. Если жизнь есть не иное что, какъ рядъ ощущеній, то она очень безчувственна у этихъ бѣдныхъ людей, и я

не удивляюсь, что они умираютъ лучше нашего—мирно и безъ болзни. Не нахожу большаго перехода отъ ничтожной и однообразной жизни бѣднаго Индійца ко сну мертвеца въ могилѣ: разница въ томъ еще, что Индіецъ работаетъ. Всѣ наслажденія его матеріальны, и бѣдность такъ ограничиваетъ ихъ, что самозабвеніе и успокоеніе для него высшія блага. Онъ надѣется найдти и то и другое въ ничтожествѣ смерти. Тоже самое можно сказать и о богатѣйшихъ Индійцахъ: наслажденія всегда одинаковы; но при избыткѣ состоянія, употребленіе во зло ограничиваетъ ихъ, и нерѣдко уничтожаетъ самый ихъ источникъ. По достиженіи до этой точки, чего еще остается имъ желать? Сна и самозабвенія.

Послѣдняя лошадь моя дошла до Гассана до такой степени утомленная и больная, что я долженъ оставить ее здѣсь съ моими людьми и вещами. Мнѣ остается еще восемь льё до корпуса арміи, куда я долженъ явиться, а военныя дѣйствія откры-

ваются послѣ завтра, 1-го апрѣля; между тѣмъ у меня нѣтъ ни лошади, ни лошака, ни даже индійскаго *татту*, и негдѣ купить, или нанять ихъ; войска все захватили на пути. Не находя никакихъ обыкновенныхъ средствъ отправиться въ дорогу, я придумалъ наконецъ сдѣлать себѣ носилки изъ бамбука. Деревенскій кузнецъ работаетъ уже всю ночь; руководимый моими наставленіями, онъ устроиваетъ родъ курятника, и я нанимаю человѣкъ двадцать крестьянъ донести меня въ немъ до главной военной квартиры. И вотъ, 31-го марта, въ два часа по-полудни, пускаюсь въ путь въ этомъ безпокойномъ экипажѣ, гдѣ долженъ сидѣть, сложивъ ноги, какъ портной, взявъ съ собою только свои оружія, свой плащъ и то платье, которое было на мнѣ. Прощаюсь съ моими людьми, бросаю послѣдній взглядъ на мою бѣдную лошадь, посылаю послѣдній вздохъ моимъ корзинамъ, заключающимъ въ себѣ все мое небольшое имѣніе, и сохраняю весьма слабую надежду

снова увидѣть и то и другое, потому что едва имѣлъ я время узнать имена моихъ людей, а еще меньше изучить ихъ характеръ и увѣриться въ ихъ честности. Весь этотъ вечеръ и всю ночь несли меня по ужаснымъ дорогамъ; нѣсколько разъ сбивались мы съ пути. Меня такъ трясло и бросало изъ стороны въ сторону въ моей клѣткѣ, что я начиналъ терять терпѣніе, какъ вдругъ передъ нами засвѣтился рядъ огней на высотѣ, у подошвы которой текутъ священныя воды Кавери. Носильщики мои въ одинъ голосъ закричали: *лашкеръ! лашкеръ!* (армія! армія!). Это дѣйствительно была цѣль столькихъ моихъ усилій: еще нѣсколько минутъ, и меня несли уже мимо множества палатокъ; на высотѣ главнаго проѣзда, передъ палаткою полковника, узналъ я, по европейскимъ солдатамъ, стоявшимъ тутъ на часахъ, 55-й полкъ королевской арміи. Я искалъ поперечной линіи, гдѣ были палатки поручиковъ, и дружескіе голоса отвѣчали на мой привѣтъ: Бейли,

Гавилландъ, Робертсонъ—а за ними и цѣлая толпа радостныхъ товарищей, полураздѣтыхъ, бросилась, съ походныхъ постелей своихъ, встрѣчать меня. Это былъ настоящій семейный праздникъ; всѣ поздравляли меня съ прибытіемъ во̀-время; потому что было уже два часа утра; черезъ часъ слѣдовало бить зорю, а въ четыре часа нашъ корпусъ долженъ былъ переправляться чрезъ Кавери для занятія непріятельской земли, и прекратить всякое сообщеніе съ тою линіей, по которой слѣдовали мы до сихъ поръ. «Чрезъ три часа,« говорили мнѣ товарищи, «мы стали бы сражаться безъ тебя, и ты лишился бы случая быть на войнѣ!» Я не могъ нарадоваться своему счастью.

XXIII.

ВОЙНА СЪ КУРГОМЪ. — ОПИСАНІЕ ГАТСКИХЪ ГОРЪ. — ПЕРВЫЯ БИТВЫ. — УДОБСТВА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ВЪ ИНДІИ. — ПОХОДНАЯ МАССА.

Прежде, нежели войдемъ въ подробности этой кратковременной войны, которой послѣдствія были весьма выгодны для Компаніи и въ которой, вопреки всѣмъ возможнымъ ошибкамъ со стороны Англичанъ, необыкновенное счастіе сопутствовало ихъ оружію — бросимъ внимательный взглядъ на положеніе дѣлъ въ Мадрасскомъ президентствѣ, на видимыя причины войны и на силы, приведенныя въ движеніе для обезпеченія ея успѣха.

Мы уже замѣтили, что сильный зародышъ броженія умовъ и ненависти противъ чужеземныхъ властителей и, въ то-же время, патріотическая любовь къ уничиженной туземной династіи никогда не переставали существовать въ Майсорѣ и въ зависѣвшихъ отъ него земляхъ. Чувства эти особенно преобладали въ той части государства, которая простирается вдоль западныхъ Гатскихъ горъ. Мы видѣли, что непріязненное расположеніе, обнаружившееся въ Коддапахъ умерщвленіемъ коллектора, успѣло — въ 1833 году, за годъ только до теперешней войны съ Кургомъ — привлечь на свою сторону часть туземныхъ войскъ, составлявшую гарнизонъ въ Бангалорѣ; обширный заговоръ возникъ, созрѣлъ и вспыхнулъ; но онъ былъ открытъ и остановленъ въ самую минуту вспышки; начальниковъ этого движенія, находившихся въ рядахъ войска и неимѣвшихъ другаго убѣжища, легко было захватить и предать строгому наказанію; но большое число от-

дѣльно живущихъ заговорщиковъ, дѣйствующихъ въ тишинѣ подъ разными предлогами, имѣющихъ свои притоны въ той странѣ и очень хорошо знающихъ свои мѣстности, всегда находили — въ случаѣ сильнаго преслѣдованія ихъ послѣ неудачной попытки — вѣрное убѣжище въ непроходимыхъ ущельяхъ и обширныхъ, дѣвственныхъ лѣсахъ той длинной цѣпи горъ, которая простирается вдоль Малабарскаго берега, отъ Коморинскаго мыса до Нербудды. Правда, нѣкоторыя части этой цѣпи горъ принадлежали Компаніи, по крайней мѣрѣ, по имени; но полицейскій надзоръ въ тѣхъ мѣстахъ, всегда затруднительный по причинѣ тамошней дикой природы и по предразсудкамъ жителей, былъ безполезенъ и невозможенъ, если даже одно звѣно ускользало отъ него. Слѣдовательно, для спокойствія правительства, необходимо надлежало подчинить всю эту цѣпь его непосредственной власти, такъ чтобы никакое препятствіе не ограничивало и не останавливало его бдительности.

Но Компанія, при этомъ, весьма желательномъ распространеніи своихъ владѣній, находила преграду въ существованіи одного небольшаго, независимаго государства, съ которымъ состояла она въ союзѣ по воспоминанію прежнихъ заслугъ его, и которое, находясь между долготами, параллельными Мангалору и Кананору, занимало самые высокіе хребты упомянутой цѣпи горъ. Это небольшое государство — Кургъ *, игравшее весьма важную роль въ окончательной катастрофѣ Майсора. Кургскій раджа, данникъ Типпу, измѣнилъ своему повелителю во время самыхъ затруднительныхъ для него обстоятельствъ, и передался на сторону Англичанъ, надѣясь утвердить свою независимость на погибели султана; онъ открылъ свои ущелья Бомбейской арміи, бывшей подъ предводительствомъ генерала Стоарта, который занялъ ихъ съ намѣреніемъ пресѣчь Типпу всякое

* Оно простирается на шестьдесятъ миль въ длину и на столько-же въ ширину, и содержитъ двѣ тысячи сто шестьдесятъ пять квадратныхъ миль.

Пр. Соч.

сообщеніе съ его приморскими областями. Измѣна эта была гибельна для несчастнаго государя; отторгнутый съ этой стороны и вытѣсненный на открытую майсорскую равнину, онъ увидѣлъ, что ему оставалось только одно средство — пасть подъ стѣнами Серингапатама.

Раджа, согласно съ его ожиданіями, награжденъ былъ тѣмъ, что область его признана независимымъ государствомъ; но наказаніе, по обычному ходу дѣлъ, должно было совершиться надъ его родомъ. Умирая, онъ оставилъ сына и дочь: сынъ, по естественному порядку и по обычаямъ земли, безпрепятственно вступилъ на престолъ; но дочь, вышедшая замужъ за какого-то знатнаго человѣка той страны, вскорѣ потомъ удалилась въ компанейскія владѣнія, и начала строить противъ брата рядъ интригъ при Мадрасскомъ правительствѣ для пріобрѣтенія права на Кургскій престолъ. Между прочими обвиненіями, она утверждала, что братъ преслѣдуетъ ее не-

законною любовью. Нравственость Компаніи возмутилась при такомъ извѣстіи; раджа, на предложенные ему объ этомъ вопросы, отвѣчалъ съ презрѣніемъ. Тогда, въ самомъ дѣлѣ, начали помышлять о выгодахъ воспользоваться его владѣніями и особливо его казною, которую считали весьма богатою. Не доставало только предлога, который однако-же скоро и нашелся. Дѣйствительно, въ то время произошелъ споръ между министромъ раджи и англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Майсорскомъ дворѣ, по поводу нѣкоторыхъ политическихъ бѣглецовъ, между прочими и знаменитаго Кунголъ-Нèга, Террикеррійскаго полигара, нашедшаго убѣжище въ Кургскихъ владѣніяхъ. Резидентъ требовалъ выдачи виновныхъ англійскому правительству; но законы чести въ этомъ отношеніи чрезвычайно строги у Индійцевъ: всякій государь, нарушающій права гостепріимства, дѣлается недостойнымъ своей касты въ глазахъ своихъ подданныхъ. Рад-

жа и министръ его, разумѣется, не изъявили на то согласія. Отказъ этотъ приняли за возстаніе противъ покровительства Англіи, и война немедленно была объявлена.

Между тѣмъ время года не благопріятствовало войнѣ: былъ уже конецъ февраля, и мусонъ (т. е. дождливое время года) наводнилъ бы весь Малабарскій берегъ во вторую половину мая. При первой грозѣ, означающей наступленіе мусона, всякое движеніе войскъ дѣлается невозможнымъ. Не думайте, чтобъ это былъ одинъ изъ тѣхъ благодатныхъ дождей, которые проясняютъ наше сѣрое небо, и съ легкимъ шумомъ спускаются на землю; нѣтъ, это ужасный ливень, сопровождаемый оглушающими раскатами грома, отвѣсно падающій съ непреодолимою силою въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и даже цѣлыхъ дней. Овраги—единственныя дороги, проложенныя переворотами природы, или прорытыя стремленіемъ воды въ густотѣ первобытныхъ

лѣсовъ — дѣлаются свирѣпыми потоками, увлекающими все, встрѣчаемое на пути. Сила, отважность и искусство человѣка становятся здѣсь посмѣшищемъ стихій: онъ является въ эту пору не болѣе, какъ насѣкомымъ; противится нѣсколько минутъ безъ успѣха, безъ надежды; волна увлекаетъ и бросаетъ его возлѣ древеснаго листа. Даже въ лучшее время года не безъ опасности можно переправляться чрезъ эту суровую цѣпь горъ, возвышающуюся отъ двухъ до семи тысячь футовъ надъ равниною, служащею ей основаніемъ, при ширинѣ отъ пятнадцати до двадцати льё и при длинѣ до двухъ сотъ пятидесяти льё. Только по руслу потоковъ можно находить путь въ этихъ мрачныхъ и закрытыхъ мѣстахъ, въ которыхъ солнце, заслоненное густою зеленью деревъ, изрѣдка является вамъ на однѣхъ весьма немногихъ и небольшихъ долинахъ. Вѣтеръ не можетъ достигать до этихъ узкихъ тропинокъ, по которымъ должно идти по одиначкѣ, другъ за дру-

гомъ, въ удушливомъ воздухѣ, который никогда не возобновляется. Изобильная растительность глохнетъ въ непроходимыхъ ущельяхъ, и стоячія воды, наполненныя опавшими сучьями и листьями, которые ежегодно наносятся сильными бурями, повсюду испаряютъ запахъ гнилью, и вы дышите мефитическими міазмами. Здѣсь таится зародышь всѣхъ лихорадокъ, господствующихъ въ народѣ. Между тѣмъ, для занятія этой ужасной страны войскомъ, для завоеванія ея и для похода въ обратный путь, оставалось два мѣсяца времени; я говорю: для похода въ обратный путь; потому что еслибъ рѣшились остаться долѣе, то одинъ уже дождь, безъ всякаго движенія со стороны непріятеля, истребилъ бы армію.

Надобно было бы ждать еще шесть мѣсяцевъ, пока пройдетъ мусонъ; но такая отсрочка, какъ полагали, значительно увеличила бы число нашихъ непріятелей, и потому лордъ Вилліамъ Бентинкъ далъ

приказъ немедленно отправиться въ походъ: дѣйствительно, при первомъ слухѣ о разрывѣ, всѣ недовольные, на сто льё кругомъ, пришли въ движеніе, и готовы были соединиться съ раджею. Но если принять въ соображеніе, что непріятельская земля, которой готовилось нападеніе, простиралась не больше, какъ на двадцать пять льё въ длину и на шестнадцать въ ширину, и содержала въ себѣ запасовъ только для продовольствія весьма просторнаго туземнаго народонаселенія, то очевидно, что вѣроятное число непріятелей немного бы увеличило трудности завоеванія, заключавшіяся собственно въ неприступномъ положеніи страны. Напротивъ, побѣда была бы несомнѣнна, еслибъ мы дождались хорошей погоды; но ускоряя непріятельскія дѣйствія и ограничивая ихъ двумя мѣсяцами времени, мы рисковали подвергнуть совершенному истребленію многіе армейскіе корпуса, и неблагопріятныя послѣдствія такого бѣдствія были бы тогда неисчислимы. Какъ бы

то ни было — счастіе оправдало распоряженія правительства, которое, надобно признаться, обнаружило удивительную дѣятельность. Четыре корпуса вдругъ двинулись для внезапнаго нападенія на эту гористую страну. Они имѣли приказъ проникнуть въ непріятельскую землю съ четырехъ пунктовъ, соотвѣтствующихъ четыремъ странамъ свѣта; дѣйствовать независимо одинъ отъ другаго и имѣть общею цѣлью и точкою соединенія городъ *Меркара* или *Мадикара*, столицу государства.

Главная колонна, называемая восточною, должна была выступить изъ Бангалора. Ею начальствовалъ Полковникъ Линдсей, командовавшій 39-мъ полкомъ королевской арміи и исправлявшій должность бригадира или генералъ-майора. Колонна эта состояла изъ его полка—39-го европейскаго, двухъ туземныхъ пѣхотныхъ батальоновъ, двухъ карабинерныхъ ротъ, сильнаго отряда артиллеріи и инженерной команды.

Вторая колонна, называемая сѣверною,

должна была отправиться изъ Беллери. Ею начальствовалъ полковникъ Уау, компанейской службы, безъ всякой военной опытности, который провелъ всю жизнь въ занятіяхъ по административной части. Колонна эта состояла изъ половины батальона (трехъ сотъ пятидесяти человѣкъ) 55-го полка королевской арміи, двухъ туземныхъ пѣхотныхъ батальоновъ (9-го и 31-го), одной карабинерной роты, небольшаго отряда артиллеріи съ двумя шестифунтовыми пушками и горною гаубицею, и весьма слабаго отряда піонеровъ. Каждымъ изъ двухъ послѣднихъ отрядовъ командовалъ одинъ офицеръ.

Третья колонна, называемая южною, состояла изъ половины батальона 48-го полка королевской арміи, двухъ туземныхъ пѣхотныхъ батальоновъ, одной карабинерной роты, артиллерійскаго и піонернаго отрядовъ; ей слѣдовало выступить изъ Кананора подъ начальствомъ полковника Стѣуэрта Макензи.

Четвертая колонна, называемая западною, долженствовавшая выступить изъ Мангалора подъ начальствомъ полковника Джорджа Джаксона, была составлена точно такъ-же, какъ и третья.

Отнюдь не имѣю я намѣренія писать, въ этой книгѣ, исторію войны, самой по себѣ довольно незначительной; но, говоря объ ней, я стараюсь только слѣдовать принятому въ моихъ запискахъ плану—описывать туземные нравы и обычаи, объяснять и подтверждать событіями, которыхъ я былъ очевидцемъ, высказанныя уже мною наблюденія, и при томъ выставить, въ настоящемъ видѣ, военныя качества Европейцевъ и туземцевъ; при этомъ случаѣ я надѣюсь представить довольно удовлетворительное рѣшеніе вопроса, давно уже составляющаго предметъ многихъ преній, о достоинствѣ и степени усовершенствованія сипаевъ, и вызываюсь подтвердить мнѣніе свое обозрѣніемъ впослѣдствіи всѣхъ походовъ въ Индіи съ 1834 года до настоящаго времени.

И такъ я ограничусь описаніемъ, въ этой небольшой войнѣ, движеній сѣверной колонны подъ начальствомъ бригадира Уау, въ составъ которой входилъ полкъ нашъ и въ которую вступилъ я за два часа до открытія сю военныхъ дѣйствій. Впрочемъ, ей предстояла блистательная и трудная роль, потому что ей слѣдовало проходить самыми опасными ущельями и занять самыя неприступныя оборонительныя линіи той страны.

Въ четыре часа утра, 1-го апрѣля 1834 г., три легкіе удара въ барабанъ раздались въ главной квартирѣ и постепенно повторились по всему лагерю. Я уже былъ совсѣмъ одѣтъ, и застегивая ремень, на которомъ надѣта была моя сабля, вышелъ изъ палатки искать своей роты. Свѣтать еще не начинало; парами, подымавшимися съ горъ, застилались звѣзды, и была совершенная темнота; воздухъ былъ рѣзко-холодный и влажный. Безъ дальныхъ разсужденій направился я къ огню, пылавшему въ нѣко-

торомъ отъ меня разстояніи; вдругъ столкнулся съ кѣмъ-то въ темнотѣ, и по голосу узналъ своего полковника Карла Милля. Я объявилъ ему о времени моего прибытія, и никогда не забуду, съ какимъ дружествомъ повстрѣтилъ онъ меня. Видно было, что поспѣшность, съ какою ѣхалъ я по его вызыву, и усилія, употребленныя мною для своевременнаго прибытія въ полкъ, растрогали стараго воина. «My dear boy! (любезное дитя мое!)» сказалъ онъ, пожимая мнѣ обѣ руки; «я думалъ что вы не успѣете пріѣхать къ намъ; а мы имѣли большую нужду въ переводчикѣ при этихъ черноножихъ (говоря о туземномъ войскѣ, составлявшемъ часть нашей колонны). Хорошо! очень хорошо! мы дадимъ вамъ случай отличиться, и я отвѣчаю за васъ.» Потомъ онъ повелъ меня на плацъ-парадъ, назначенный наканунѣ, гдѣ полкъ начиналъ уже собираться. Было еще темно, когда приблизился я къ своей ротѣ, и меня не узнали. Унтеръ-офицеры осматривали ружья и раздавали пат-

роны. По окончаніи этихъ приготовленій, я вдругъ скомандовалъ строиться въ ряды. Самый лестный для меня говоръ былъ выраженіемъ удивленія солдатъ, и тутъ въ первый разъ имѣлъ я случай отдать полную справедливость привязанности англійскаго солдата къ своимъ начальникамъ. Я всегда старался быть столько-же строгимъ, сколько и справедливымъ, но никогда не наказывалъ въ минуту гнѣва; у меня также было принято за правило забывать наказанную вину. Можетъ быть, любовь солдатъ удаляла отъ меня и всякую гордость противъ нихъ; однако-же я не позволялъ имъ никакой вольности въ сношеніяхъ со мною. Какъ бы то ни было, привязанность британскаго солдата, негодяя въ основаніи, грубаго и дерзкаго въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ товарищами, но преданнаго своему офицеру, который вообще оказываетъ ему очень мало вниманія, есть что-то необъяснимое: это привязанность собаки къ своему хозяину, который еще иногда и

бьетъ ее. Чувство это тѣмъ достойнѣе уваженія, что не имѣетъ никакой надежды на взаимность. Солдатъ смотритъ на офицера, какъ на джентльмена—какъ на существо различной отъ него природы, болѣе благородной, болѣе утонченной, нежели его природа — существо, которому должно повиноваться, которое должно любить и защищать. Въ продолженіе всей кампаніи, вниманіе солдатъ ко мнѣ уподоблялось вниманію гигантовъ, которымъ бы поручили слабое и нѣжное созданіе, драгоцѣнный залогъ, достойный всѣхъ возможныхъ попеченій. Это было уваженіе, смѣшанное съ покровительствомъ. Англійскіе солдаты—подчиненные столь строгой дисциплинѣ, что ихъ иногда и сѣкутъ, какъ дѣтей, или невольниковъ—самые храбрые, а въ отношеніи къ офицерамъ — самые тихіе и послушные въ свѣтѣ. Характеръ, мною описанный, въ особенности отличаетъ ирландскихъ солдатъ, составляющихъ половинное число королевскихъ войскъ въ Индіи. Ирландскій

солдатъ въ полку—то-же, что главный баранъ въ стадѣ; онъ передастъ свой отпечатокъ массамъ, сообщаетъ имъ свой образъ чувствованій, болѣе опредѣленный, съ бóльшею живостью выраженный — свой духъ подчиненности, свое беззаботливое простодушіе. Ему легко вызвать отголосокъ у честнаго Шотландца, проникнутаго духомъ своихъ клановъ. Болѣе эгоисты, менѣе привѣтливы, менѣе одушевлены духомъ рыцарства — собственно Англичане, къ счастію, составляющіе самую мѐньшую часть войскъ въ Индіи. Напротивъ, въ Англіи и въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ служба не такъ обременительна и не такъ гибельна для здоровья, какъ въ Индіи, англійскій элементъ преобладаетъ. Во всей англійской арміи число солдатъ содержится къ тремъ королевствамъ въ слѣдующей пропорціи: Англичанъ 45,000; Ирландцевъ 40,000; Шотландцевъ 15,000—всего 100,000 человѣкъ.

Начинало свѣтать, когда бригада наша строилась въ колонну и готовилась къ по-

ходу. Она должна была тронуться съ мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ инженеровъ, шестьдесятъ человѣкъ съ каждаго пѣхотнаго батальона и шестифунтовая пушка — всего двѣсти двадцать воиновъ, въ томъ числѣ восемьдесятъ Европейцевъ. Потомъ, въ трехъ стахъ шагахъ, за ними слѣдовалъ корпусъ изъ двухъ тысячь человѣкъ, для прикрытія военныхъ припасовъ, походнаго госпиталя и базара. Наконецъ, въ трехъ стахъ шагахъ далѣе, арьергардъ изъ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, въ составъ котораго входили отряды всѣхъ корпусовъ. И такъ вся колонна состояла изъ двухъ тысячь четырехъ сотъ семидесяти воиновъ.

Для уменьшенія числа служителей въ лагерѣ, генералъ приказалъ оставить двѣ трети обоза въ Кенсума-Ускоттахъ; офицеры должны были помѣщаться по три человѣка въ одной подпоручичьей палаткѣ, а каждая рота солдатъ въ четырехъ палаткахъ. Не смотря на эту предосторожность, число пе-

сражающихся все еще простиралось до двухъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ, а число обозныхъ животныхъ — до тысячи ста тридцати восьми головъ *, не считая стада для продовольствія войска. Въ первомъ изъ этихъ двухъ числъ я полагаю и сорокъ *дулій*, т. е. паланкиновъ для походнаго госпиталя и при нихъ двѣсти сорокъ носильщиковъ. Едва-ли когда нибудь армейскій корпусъ въ Индіи отправлялся въ походъ такъ роскошно всѣмъ снабженный, какъ въ это время. По этому можно уже судить объ удобствахъ существованія англійской арміи и о заботливости насчетъ солдатъ.

Армія въ Индіи пользуется такимъ благосостояніемъ не по одному филантропическому чувству, но и по строгому экономическому разсчету. Всего дороже обходится

* Слоновъ	8
Верблюдовъ	200
Офицерскихъ лошадей	230
Воловъ, ословъ и лошаковъ	700
Итого	1138

европейскій солдатъ. На принятіе его въ полкъ, всегда на правахъ вольно-опредѣляющагося, на обученіе его, требующее, по крайней мѣрѣ, года, и на путешествіе его изъ Европы въ Азію полагаютъ издержекъ до ста фунтовъ стерлинговъ (2500 франковъ). Всякій разъ, когда солдатъ умираетъ отъ болѣзни — въ слѣдствіе того, что онъ слишкомъ много подвергался неблагопріятностямъ воздуха, или по недостатку попеченій объ немъ — правительство считаетъ 2500 франковъ потери для бюджета Индіи. Вотъ причина всѣхъ удобствъ, всѣхъ ксерксовскихъ обозовъ для арміи въ Англійской Индіи.

На разсвѣтѣ мы прибыли къ Кавери, чрезъ которую должны были переправляться пять разъ на пространствѣ трехъ льё. Вытекая изъ горъ, рѣка эта чрезвычайно извилиста въ началѣ своего теченія; потомъ она протекаетъ Майсоръ, Куамбетуръ, Карнатикъ, и многими устьями впадаетъ въ Бенгальское море. Она самая священная

изъ всѣхъ рѣкъ въ Деканѣ; поклонники Вишну чтятъ ее наровнѣ съ Гангомъ, и ежегодно празднуютъ бракосочетаніе одного изъ своихъ боговъ съ богинею, живущею въ водахъ ея. Наши туземныя войска привѣтствовали ее громкими восклицаніями. Переправившись чрезъ эту рѣку, вы видите природу болѣе величественную—страну болѣе живописную, нежели однообразная равнина, отъ которой вы только-что удалились. Вся растительность отличается чрезвычайною силою. Это дѣвственная земля, еще сохранившая блестящую одежду, въ которую Творецъ облекъ ее. На крутизнѣ и на гребнѣ горъ вѣчная зелень; высокіе стволы, обширная сѣнь и величавый видъ отличаютъ огромныя деревья здѣшняго климата, предъ которыми цари нашихъ лѣсовъ кажутся покорными вассалами. Тековое дерево, превосходящее дубъ своею прочностью и красотою и замѣняющее его нынѣ въ кораблестроеніи, наполняетъ собою обширные, первобытные лѣса здѣшней

страны. Возлѣ него гордо возвышаются деревья: орлиное *(arbre à bois d'aigle)*, бѣлое сандальное, наполняющее благоуханіемъ всѣ дворцы Востока, сикоморъ, баніановое и желѣзное. Бамбуки, растущіе колоссальными снопами, простираются до высоты неизмѣримой. У подошвы этихъ гигантовъ растительнаго царства кустовыя деревца и травы украшены цвѣтками и плодами самаго разнообразнаго и страннаго вида, цвѣтовъ самыхъ яркихъ, вкуса и запаха усладительнаго. Инбирь, кардамонъ, длинный перецъ, бетель взбираются и вьются вдоль молодыхъ растеній, или распускаются въ тѣни вѣковыхъ вѣтвей. Здѣсь-то, во всей славѣ своей, торжествуютъ ліаны: нигдѣ не являются онѣ столь причудливыми въ своихъ формахъ, столь смѣлыми, столь исполинскими, какъ здѣсь. Въ лѣсахъ Малабарскаго берега, въ чрезвычайномъ изобиліи, находится вѣтвистое деревцо, описанное Жакмономъ, которое называетъ онъ Bauhinia racemosa: «Стволы его, подобно гибкимъ кана-

тамъ, устремляются на деревья, перебрасываются съ одного на другое, обвиваются вокругъ ихъ сучьевъ, и нерѣдко придаютъ гнилому иной видъ жизни и свѣжести. По опушкѣ лѣса оно повсюду виситъ дивными фестонами.» На всякомъ шагу удивляешься величію природы, и восклицаешь вмѣстѣ съ мусульманиномъ: *Аллахъ акбаръ! Аллахъ акбаръ!* Великъ Богъ! Великъ Богъ!

Рѣка, въ это время года, была неглубока; солдаты нѣсколько разъ должны были разуваться и переходить ее вбродъ. Такой переходъ дѣлался въ надлежащемъ порядкѣ и безъ противодѣйствія со стороны непріятеля. Переправившись на другой берегъ, мы вдругъ очутились подъ сводами вѣчнаго лѣса. Никогда не забуду я своихъ ощущеній въ эту минуту, когда передо мною открылось наконецъ такъ пламенно желаемое поприще военныхъ приключеній, представляя взорамъ моимъ, въ быстрой картинѣ, славу, счастіе и награду. Я чувствовалъ столь упоительную, столь безумную

радость, что надобно было употребить всѣ усилія разсудка для удержанія порывовъ ея въ должныхъ границахъ; помню, какъ усердно умолялъ я небо, чтобъ непріятель не избѣгалъ битвы и направилъ на насъ главныя свои силы. Мною овладѣлъ столь ребяческій энтузіазмъ, что я, можно сказать, не ходилъ, но скользилъ по землѣ, едва касаясь ея, и готовъ былъ бы воскликнуть отъ счастія, еслибъ не боялся сдѣлаться предметомъ смѣха. Всякій старый воинъ, можетъ быть, улыбнется при такомъ восторгѣ молодаго человѣка, но онъ пойметъ его. Правда, самое положеніе мое при корпусѣ позволяло мнѣ вполнѣ наслаждаться дикими красотами, меня окружавшими: я не былъ въ авангардѣ; но какъ въ него отряжены были наши стрѣлки, то 7-я рота 55-го полка, которою я командовалъ, составляла передовую роту походной колонны. По узкой тропинкѣ мы должны были, почти постоянно, идти по-одиначкѣ другъ за другомъ: выходило, что я

былъ передовой воинъ въ корпусѣ, прислушивавшійся къ малѣйшему шороху, всматривавшійся въ малѣйшій предметъ—и полный нетерпѣливаго любопытства. Кромѣ хитростей со стороны людей, мы должны были еще бояться и ужасныхъ обитателей лѣса, особливо тигра и слона, оспоривающихъ здѣсь владычество другъ у друга. На каждомъ шагу, при шумѣ нашего приближенія, передъ нами бѣжали дикія козы, подымались павлины и тетерева; огромный кабанъ перебѣгалъ тропинку, и съ трескомъ скрывался въ хворостникѣ. Многочисленныя толпы обезьянъ сопутствовали намъ и опережали насъ, перепрыгивая съ сучка на сучокъ съ быстротою птицъ; дразнили насъ и безпрестанно болтали. Ружья солдатъ нашихъ, удерживаемыя дисциплиною, невольно наклонялись для отмщенія имъ за эту дерзость; нѣсколько разъ число ихъ, шумъ и безпокойныя движенія заставляли насъ подозрѣвать близость непріятеля. Міръ животныхъ фантастически увеличивался во-

кругъ насъ, такъ что, безъ особеннаго усилія воображенія, можно было бы подумать, что находишься въ земномъ раю, или при выходѣ изъ ковчега. Вся эта природа, величественная и дѣвственная, насъ окружавшая, благопріятствовала такому обману. Мѣстами старые теки, побѣлѣвшіе отъ лѣтъ, вытѣсненные съ корнями изъ земли и удержанные на половинѣ паденія своего другими деревьями, свидѣтельствовали, что топоръ никогда еще не проникалъ въ эти дикія мѣста. Иногда едва могли мы проходить между частыми, гигантскими снопами бамбука и кустарникомъ, который зацѣплялъ и рвалъ наши мундиры.

Когда, на большихъ разстояніяхъ, открывалась лощина, или представлялся разчищенный родникъ, то мы обыкновенно проходили тутъ бѣдною деревнею, обнесенною изгородой, или, еще чаще, встрѣчали нѣсколько хижинъ, устроенныхъ на самыхъ деревьяхъ, въ густотѣ вѣтвей, откуда жители наблюдали за своими полями, и удобнѣе

могли защищать ихъ отъ опустошенія дикими звѣрями. Но въ это время всѣ жилища были пусты, и мы начинали уже сомнѣваться, есть ли жители въ этой странѣ, какъ вдругъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ въ авангардѣ, а за ними тотчасъ послѣдовалъ и громъ пушки. Въ ту-же минуту вышли мы на лощину, въ концѣ которой находилась деревня. Дежурный адъютантъ Гёріотъ, поручикъ 55-го полка, тотчасъ прискакалъ и передалъ мнѣ приказъ генерала пуститься впередъ бѣгомъ съ моею ротою и обогнуть деревню влѣво. Мы бросились опрометью, и явились на назначенное мѣсто для того только, чтобъ нѣсколько разъ, безъ всякаго успѣха, выстрѣлить по удаляющемуся непріятелю.

Въ тотъ-же день утромъ присоединилась къ намъ вспомогательная кавалерія раджи Майсорскаго, которая должна была совершить эту кампанію вмѣстѣ съ нами она составляла единственную конницу въ нашей колоннѣ. Этимъ всадникамъ велѣно

было награнуть на непріятеля въ самую благопріятную минуту; капитанъ военнаго интендантства, Гарди, принялъ надъ ними начальство, и скомандовалъ въ атаку. Они послѣдовали за нимъ, но скоро и отстали, такъ что онъ одинъ очутился посреди непріятеля; потомъ, воротившись къ этимъ храбрымъ туземцамъ, осыпалъ ихъ ругательствами. Подъ однимъ изъ нихъ сильно была ранена лошадь: но онъ же самъ, въ испугѣ, и прокололъ копьемъ голову бѣдному животному. Разсерженный бригадный генералъ отправилъ этихъ негодяевъ въ Кенсума-Ускоттахъ караулить обозъ—мѣра, которой дѣйствительность была весьма сомнительна со стороны ихъ честности. Въ этой сшибкѣ убитъ одинъ солдатъ 55-го полка, при томъ легко ранено нѣсколько солдатъ и лошадей. Непріятель не появлялся болѣе въ тотъ день, и мы, пройдя около четырехъ льё, остановились на ночь на открытомъ мѣстѣ близъ деревни Эллужгодъ.

Апрѣля 2-го. На другой день я назначенъ былъ въ авангардъ, съ пріятелемъ моимъ Гавиллангомъ и 2-ю ротою 55-го полка. Для избѣжанія неожиданныхъ нападеній, оба фланга прикрыты были отборною карабинерною ротою 24-го туземнаго полка. Солдаты, составлявшіе эту роту, отличались опытностью и отважностью. Привычные къ войнѣ въ горахъ, они превосходно знали свое дѣло, пробирались какъ змѣи, нерѣдко на колѣнахъ, или на брюхѣ, проползая между деревьями. Хотя и неспособные, какъ вообще Индійцы, къ рукопашному бою, они были однако-же хладнокровны, и очень хорошо выдерживали огонь; чудесно дѣйствовали въ этотъ день и во всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ. Не могу сказать этого объ остальной части нашего небольшаго войска. Около 7-ми часовъ утра, первый ружейный выстрѣлъ по переднимъ рядамъ колонны произвелъ такое смятеніе въ туземныхъ солдатахъ авангарда, что они, безъ всякой

команды, подняли безпрестанную пальбу вправо и влѣво по нашимъ же застрѣльщикамъ. Съ большимъ трудомъ остановили мы эту тревогу, что̀ очень оскорбило нашихъ сипаевъ, которые, ничего не видя отъ страха, стрѣляли въ чащу лѣса, бывшую передъ ними.

Этотъ неважный случай и увѣренность встрѣтиться съ непріятелемъ заставили перемѣнить всѣ наши распоряженія. Карабинерная рота, сохранившая, при этой тревогѣ, присутствіе духа, послана была для прикрытія обоза, который начиналъ подвергаться сильнымъ нападеніямъ. Меня отрядили на лѣвый флангъ съ пятнадцатью унтеръ-офицерами и солдатами 55-го полка, и присоединили ко мнѣ капитана Лонгуорта съ половиною роты 9-го туземнаго полка. Такой же точно отрядъ расположили на другомъ флангѣ, и усилили авангардъ одною ротою 55-го полка, отдѣленною отъ колонны. При этомъ должно замѣтить, что какъ скоро готовятся къ битвѣ, то всегда убавляютъ число ту-

земцевъ и увеличиваютъ число Европейцевъ, даже и тогда, когда послѣдніе составляютъ самую мéньшую часть войска, какъ, на примѣръ, и въ описываемомъ мною походѣ, въ которомъ ихъ было только триста восемьдесятъ человѣкъ. Замѣчательно также, что нѣкоторое число Европейцевъ необходимо въ переднихъ рядахъ всякой колонны для увлеченія туземцевъ въ битву.

Когда собрался весь корпусъ и установился порядокъ, мы отправились въ походъ къ югу, при такомъ же расположеніи войскъ, какъ и по-утру. Къ генералу явился лазутчикъ съ извѣстіемъ, что мы находились въ небольшомъ разстояніи отъ засѣки, устроенной непріятелемъ для пресѣченія намъ прохода въ ущелье Кассанъ-Али. Въ слѣдствіе этого извѣстія, адъютантъ Дервиль передалъ мнѣ приказъ отъ генерала направиться діагонально влѣво, овладѣть высотами и подойдти къ ущелью позади редута. Правый отрядъ долженъ былъ сдѣлать такое же точно движеніе съ

своей стороны; между тѣмъ остальной части авангарда и всему нашему корпусу велѣно было ударить на непріятеля съ фронта по прямой дорогѣ. Надобно замѣтить, что въ штабѣ не было довольно подробной карты Курга; что въ цѣломъ корпусѣ никто не зналъ направленія дороги, и что генералъ не счелъ за нужное узнать мѣстность прежде сообщенія намъ плана дѣйствій. Онъ гдѣ-то читалъ, что на войнѣ должно предусматривать препятствія и отвращать ихъ; но полагалъ, что успѣетъ еще сдѣлать это въ минуту наступленія трудности, по какому-то счастливому вдохновенію, безъ всякихъ предварительныхъ свѣденій. Всѣ потери, понесенныя нами въ тотъ день и въ слѣдующій, были слѣдствіемъ этой гордой самонадѣянности.

Въ сопровожденіи небольшихъ отрядовъ нашихъ, которые, оба вмѣстѣ, состояли человѣкъ изъ шестидесяти, пустились мы, понѣся голову—капитанъ Лонгуортъ и я — во всѣ трудности перехода, строго испол-

няя данный намъ приказъ. Началась продолжительная борьба съ природою: въ теченіе двухъ часовъ съ трудомъ подвигались мы впередъ по-одиначкѣ, расчищая себѣ дорогу саблею и топоромъ, ежеминутно подвергаясь ружейнымъ выстрѣламъ изъ хижинъ, устроенныхъ между деревьями, на высотѣ футовъ сорока отъ земли, не имѣя времени отстрѣливаться и находясь въ такой опасности, что довольно ловкіе стрѣлки могли бы истребить насъ всѣхъ до одного. Къ счастію, мы имѣли дѣло съ весьма неискусными непріятелемъ. Утомившись и задыхаясь, мы начинали терять бодрость въ этомъ лабиринтѣ тековъ и бамбуковъ, и непремѣнно бы погибли, еслибъ громъ пушки и сильная пальба изъ ружей не показали намъ пути. Одушевленные этимъ электрическимъ звукомъ, мы направились къ сражающимся, удерживаясь, какъ намъ казалось, на лѣвой сторонѣ нашей походной линіи. Но вдругъ, вышедши изъ густоты лѣса, мы очутились на той самой до-

рогѣ, которую полагали въ правой сторонѣ отъ насъ, и находились позади авангарда, у подошвы ущелья, лицомъ къ самому редуту. Отрядъ на другомъ флангѣ также не имѣлъ успѣха и еще не появлялся. И такъ оставалось рѣшиться на одну изъ двухъ мѣръ: немедленно отступить для избѣжанія трудности, или отважно преодолѣть ее.

Непріятель оградилъ себя довольно простымъ окопомъ, состоявшимъ изъ гласиса съ парапетомъ и покрытаго пути, проведенныхъ отъ одного гребня горъ до другаго перпендикулярно къ ущелью. Парапетъ — весьма высокой съ той стороны, которая доступна по дорогѣ — защищенъ былъ двумя пушками; но крутизна его становилась отложе по мѣрѣ того, какъ поднимался онъ на обѣ боковыя стороны горъ. Подъ гласисъ, почти во всю ширину его, подведены подкопы; передъ нимъ мѣстами выкопаны глубокіе рвы, прикрытые хворостомъ и дерномъ, такъ что ихъ не льзя было и замѣтить.

Постараюсь разсказать коротко и просто, какъ было дѣло въ минуту моего прибытія. Нашъ бригадный командиръ, полковникъ Уау, вполнѣ полагаясь на ученые маневры, которые предписалъ намъ, былъ вдалекѣ отъ непріятельской позиціи съ своимъ конвоемъ, и ни о чемъ не заботился. Штабъ-офицеръ, командовавшій авангардомъ, достигнувъ до этого чина по одному только старшинству службы безъ всякихъ заслугъ, и совершенно неспособный къ военному дѣлу, держалъ нашихъ солдатъ подъ огнемъ, и самъ подвергался опасности, не дѣлая никакого распоряженія и ни на что не рѣшаясь. Бросивъ взоръ вокругъ себя, я увидѣлъ капитана 55-го полка (нынѣ подполковника) Уаррена съ 5-ю ротою того-же полка, которой солдаты разсыпались застрѣльщиками по валежнику, на-право отъ дороги. Наши гренадеры, на колѣнахъ, лицомъ къ редуту, открыли пальбу, совершенно безполезную, и теряли много людей; наконецъ, въ кустарникѣ, на-лѣво, капитанъ

Макъ-Линъ 55-го полка, съ Европейцами, человѣкъ до тридцати, составлялъ продолженіе боеваго строя. Я искалъ глазами сипаевъ, и нигдѣ не видалъ ихъ, тогда какъ горсть нашихъ Европейцевъ находилась повсюду. Гдѣ-же были они? Конечно, не очень далеко, потому что явятся по окончаніи дѣла. Правда, двое изъ нихъ стояли позади насъ, и не отставали съ самаго утра; какъ двѣ вѣрныя собаки, они слѣдили своего храбраго офицера, капитана Лонгуорта; однако-же не изъ храбрости, что̀ легко было замѣтить, а изъ личной приверженности—и больше ничего.

Въ это время капитанъ Уа̀ренъ, увѣренный въ совершенной неспособности штабъ-офицера, принялъ на себя начальство. Видя слабость лѣваго отряда, онъ велѣлъ мнѣ подкрѣпить его, а самъ пошелъ осмотрѣть солдатъ. Опередивъ отрядъ свой, я ступилъ на настланный дернъ, прикрывавшій одинъ изъ рвовъ гласиса, и спустился въ него. Дно уставлено было желѣзными

копьями и рогатками, гдѣ могли завязнуть мои ноги, или, по крайней мѣрѣ, я могъ быть сильно раненъ. Къ счастію, капитанъ Уа̀рренъ удержалъ меня, схвативъ за руку, и, при помощи двухъ сипаевъ, вытащилъ изъ рва. Въ ту-же минуту одного изъ нихъ смертельно ранило джинджаломъ (трех-фунтовымъ ядромъ), которымъ разорвало ему брюхо. Смерть эта была предметомъ длиннаго панегирика въ 9-мъ туземномъ полку, который, вѣроятно, не мало удивлялся, услышавъ на другой день о своихъ подвига̀хъ. Съ лощины на лѣвой сторонѣ превосходно обрисовывалась непріятельская позиція, и здѣсь тотчасъ можно было видѣть, съ чего слѣдовало начать приступъ для овладѣнія редутомъ. Дѣйствительно, капитанъ Уа̀рренъ далъ приказъ тотчасъ напасть на оба гребня горъ — тамъ, гдѣ парапетъ имѣлъ самую мѐньшую вышину и гдѣ не было гласиса. Мы приняли этотъ приказъ съ англійскимъ *ура!* и, пустившись бѣгомъ, бросились на парапетъ съ саблями

въ рукахъ и съ штыками на ружьяхъ. Англійскіе гренадеры не хотѣли отставать; устремились къ амбразурамъ и пробрались въ нихъ, проползая у самаго жерла пушки. При этомъ рѣшительномъ движеніи, кончившемъ дѣло, мы не потеряли въ отрядѣ ни одного человѣка. Непріятель, очень хорошо выдерживавшій огонь нашихъ пушекъ, исчезъ при нашемъ нападеніи. Непостижимо, какое магическое дѣйствіе производитъ на Азіятцевъ строй Европейцевъ, приближающихся съ огненнымъ взоромъ и мѣрными шагами, раздающимися по землѣ. Самые храбрые Азіятцы никогда не могли—со временъ Александра по сію пору—и никогда не будутъ въ состояніи выносить такого нападенія. Это очарованіе, производимое взоромъ змѣи на птицу. Сердца ихъ леденѣютъ, ноги подгибаются; они готовы бѣжать въ объятія самой смерти. Одинъ только канонеръ допустилъ убить себя возлѣ своей пушки. При атакѣ редута 55-й полкъ потерялъ одного лейтенанта и 18 человѣкъ солдатъ,

почти всѣхъ тяжело раненныхъ; единственною утратою между туземцами былъ сипай, о которомъ мы уже говорили.

Уничтоживъ два артиллерійскія орудія у непріятеля и разрушивъ его засѣку, мы прошли еще одно льё, и расположились лагеремъ въ рисовомъ полѣ, въ окрестностяхъ деревеньки Кассанъ-Али.

Къ вечеру отрядъ нашихъ застрѣльщиковъ привелъ двухъ плѣнныхъ, пойманныхъ въ кустарникѣ. Они были въ характеристическомъ костюмѣ горныхъ жителей. Одежду эту составляетъ родъ шлафрока, едва прикрывающаго колѣна, съ длинными рукавами, стянутаго вокругъ поясницы, по большой части, бѣлымъ кисейнымъ кушакомъ. Такой шлафрокъ, или, лучше сказать, туника дѣлается изъ туземной ткани, обыкновенно синей, или темнаго цвѣта; она подбита другою тканью свѣтлаго цвѣта и толсто навачена. Горные жители носятъ также панталоны, широкіе вверху и узкіе внизу. Чалмы бываютъ всякаго цвѣта. Здѣшніе мужчины почти всѣ носятъ

на рукѣ, на самомъ тѣлѣ, ладонку: это лоскутъ бумаги, или листъ вѣерообразной пальмы, на которомъ брамины пишутъ нѣсколько словъ по-санскритски и который тщательно уложенъ въ маленькой деревянной, или роговой коробочкѣ. Такой же обычай господствуетъ и у жителей равнинъ, гдѣ брамины, по обыкновенію, владѣютъ монополіею этихъ талисмановъ. Что касается до оружія, то у одного изъ плѣнныхъ была винтовка футовъ шести длиною; стволъ этого ружья довольно малъ, но чрезвычайно тяжелъ; онъ прикрѣпленъ къ ложу толстыми кольцами изъ тростника. Такое ружье неудобно носить; но оно бьетъ очень вѣрно. Вмѣсто нашего замка съ куркомъ и кремнемъ, у него сдѣлана простая полка для насыпки пороха въ ту самую минуту, когда надо стрѣлять, и къ этой полкѣ приставляется зажженный конецъ фитиля, составленнаго изъ разныхъ горючихъ веществъ, который горитъ медленно и долго. Фитиль этотъ, какъ веревку, стрѣлокъ обвиваетъ вокругъ поясницы.

Если его ранятъ, и онъ не въ состояніи будетъ снять съ себя фитиля, то непремѣнно долженъ сгорѣть живой, что́ и случилось въ этой войнѣ со многими изъ нашихъ непріятелей. На другомъ плѣнникѣ былъ лукъ и калчанъ съ стрѣлами. Оба они, вмѣсто сабли, имѣли при себѣ огромный ножъ, называемый *кукри*, съ деревянною, очень короткою рукоятью и съ толстымъ лезвеемъ, дюймовъ четырехъ шириною посрединѣ. Я не знаю оружія страшнѣе этого: ударъ имъ почти неотвратимъ, и этого удара достаточно для отсѣченія головы. На узкихъ тропинкахъ лѣса, гдѣ надо бороться съ сильною растительностью, безпрестанно возобновляющеюся, это самое удобное оружіе, служащее для всякаго употребленія — и въ домашнихъ потребностяхъ, и для нападенія, и для защиты себя.

Мнѣ поручено было представить этихъ плѣнниковъ генералу, и я былъ свидѣтелемъ сцены, приносящей мало чести европейской цивилизаціи: имъ предложили быть путе-

водителями армiи; а какъ они должны были знать засѣки и редуты, устроенные по нашей дорогѣ, то и помогать намъ обходить ихъ и нападать на нихъ сзади. За эту измѣну имъ обѣщали значительную сумму денегъ. Они отвергли это предложенiе съ видомъ довольно благороднаго негодованiя, увѣряя, что скорѣе согласятся умереть, нежели измѣнить своему долгу. Тогда генералъ далъ имъ на выборъ: или исполнить его требованiе, или идти на висѣлицу: дѣйствительно, въ нѣкоторомъ разстоянiи выбрали дерево; на самый крѣпкiй сукъ накинули веревку съ петлею на концѣ, и надѣли ее на шею умнѣйшему изъ этихъ несчастныхъ. Когда петля начала затягиваться, то Кургахъ перемѣнилъ намѣренiе; подалъ знакъ, что соглашается на первое предложенiе, и сказалъ нѣсколько словъ, на непонятномъ для насъ нарѣчiи, своему товарищу, который, по-видимому, былъ одного съ нимъ мнѣнiя. Тогда узнали мы, что находимся въ двухъ льё отъ знаменитой

Бакхской позиціи, гдѣ цѣлая дивизія арміи Типпу была истреблена, при усиліи своемъ проникнуть во внутренность той страны; что нѣсколько крѣпкихъ засѣкъ пересѣкали ущелье, котораго естественныя трудности и безъ того почти непреодолимы, и что, наконецъ, этотъ знаменитый редутъ защищенъ отрядомъ отборнаго войска подъ командою знаменитаго полигара Кунголь-Пёга, котораго отецъ и два брата погибли—одинъ на эшафотѣ, другіе на полѣ битвы противъ Англичанъ. Они присовокупили къ тому, что начальникъ этотъ поклялся не иначе пропустить насъ далѣе, какъ по его трупу, и что надѣялся отмстить на насъ всѣ оскорбленія, нанесенныя его семейству. Эти подробности, совершенно согласныя съ тѣмъ, что̀ генералъ узналъ чрезъ лазутчиковъ, убѣдили его въ справедливости и добросовѣстности плѣнниковъ, и онъ рѣшился, съ полною довѣренностью, употребить ихъ путеводителями арміи. Всматриваясь въ ихъ физіономію, мрачную, рѣши-

тельную и строгую до свирѣпости, я судилъ иначе. Чело ихъ было такъ возвышенно и открыто, взоры такъ быстры и проницательны, походка такъ благородна, что они не имѣли ничего общаго съ измѣнниками. Эти люди обѣщали провести насъ къ редуту, и я очень вѣрилъ, что дѣйствительно проведутъ насъ туда, но только на жертву—прямо въ западню. Нынѣ я убѣжденъ, что они нарочно дали поймать себя для достиженія этой цѣли.

Какъ бы то ни было, я передалъ моихъ плѣнниковъ подъ присмотръ главнаго караула, и возвратился къ линіямъ 55-го полка. Всѣ товарищи мои собрались уже въ прекрасной палаткѣ, служившей намъ гостиною и обѣденною залою. Судя по приготовленіямъ къ столу, не льзя было подумать, что мы были въ походѣ, внутри непріятельской земли, вечеромъ послѣ атаки и наканунѣ битвы. Человѣкъ шесть служителей разставляли—вокругъ столба, поддерживавшаго огромный шатеръ, раскинутый надъ

нами—столы краснаго дерева на четырнадцать приборовъ — число офицеровъ 55-го полка, находившихся при полубатальонѣ. Число это долженствовало быть вдвое больше, но не успѣли еще замѣстить вакансій, очищенныхъ холерою и другими несчастными случаями, посѣтившими нашъ полкъ. На этой прекрасной, блестящей мебели разостлали камчатную скатерть, уставили ее дивною серебряною посудою, приборами изъ Лондона, бирмингамскимъ фарфоромъ, драгоцѣннымъ хрусталемъ, всѣми европейскими винами и наконецъ массивными серебряными канделабрами для освѣщенія стола: можно было подумать, что готовится ужинъ для веселыхъ сибаритовъ—такъ все было изящно и прихотливо. На другомъ столѣ, въ той сторонѣ палатки, которая служила намъ залою, разложены были лондонскіе журналы и другія переодическія изданія, карта Индіи и карта Майсора: тутъ соединены были всѣ удобства для общества, или для кабинета чтенія.

Въ разстояніи, можетъ быть, слишкомъ близкомъ, по причинѣ доходившаго до насъ дыма, стояли двѣ палатки, черныя и освѣщенныя, какъ кузница Вулкана: онѣ заняты были метръ-д'отелемъ и поваромъ: мѣстахъ въ двѣнадцати разведенъ былъ огонь; помощники повара то смотрѣли за огнемъ, то стряпали, суетились и бѣгали, облитые пóтомъ отъ жара и движенія. Въ обозѣ находился слонъ единственно для перевоза общей палатки (the mess tent), четыре верблюда для кухни, мебели и винъ. Въ семь часовъ вечера палатку эту великолѣпно освѣтили, и мы сѣли за обѣдъ, состоявшій, правда, изъ трехъ блюдъ, но за то достойныхъ Лукулла.

Въ первый еще разъ разговоръ за общимъ столомъ былъ вялъ, или, лучше сказать, непродолжителенъ и отрывистъ. Послѣ горячаго (molligatowny), родъ бульона, приправленнаго такими же пряностями, какъ и *кари*, разсуждали объ извѣстіяхъ, сообщенныхъ плѣнниками, и о возможности

кровопролитнаго сраженія на слѣдующій день; обозрѣвали ошибки, бывшія уже въ настоящій день, говорили о нелѣпости всѣхъ распоряженій и о высокомѣрной бездарности генерала. Отъ этого предвѣщали мы несчастіе и на завтрашній день. Одинъ полковникъ, по скромности своей, не выражалъ никакого неудовольствія, и не разъ совѣтовалъ намъ молчать объ этомъ, внимательно вслушивался въ строгость нашей критики, хотя и былъ, по-видимому, одного съ нами мнѣнія. Невольно, однако-же, разговоръ заходилъ все о томъ-же предметѣ, и вызывалъ новые упреки, сопровождаемые всякій разъ молчаніемъ, выражавшимъ негодованіе, какъ вдругъ, къ концу обѣда, явился дежурный капралъ съ книгою приказовъ: въ ней изложены были подробности распоряженій на слѣдующій день и обязанности офицеровъ, назначенныхъ въ авангардъ. На первый разъ чтеніе это произвело въ насъ движеніе, несовсѣмъ радостное: всѣ мы, по обыкновенію, изъявляли

пламенное рвеніе, искреннее желаніе быть въ числѣ немногихъ избранныхъ для занятія почетныхъ постовъ; но это чувство скоро смѣнилось трогательною братскою любовью къ тѣмъ изъ насъ, которыхъ обязанности спеціально назначены были генераломъ. Дружески пожимали мы, черезъ столъ, другъ другу руки, взаимно желая счастія и повторяя выраженіе, столь полное смысла по-англійски и сдѣлавшееся, не знаю почему, пошлымъ и страннымъ по-французски: God bless you! «Да благословитъ васъ Богъ!» Потомъ каждый приблизился къ своему любимому товарищу, своему искреннему другу, и разговоръ сдѣлался частнымъ и въ полголоса. Говорили о завѣщаніяхъ, задолго до того приготовленныхъ, о прощаніи съ родительскимъ домомъ, съ далекою родиной—to the far distant home. Тихая, но энтузіастическая, глубокая и полная мечтаній меланхолія овладѣла всѣмъ обществомъ. Около девяти часовъ выпили послѣдній тостъ въ честь полка и за успѣхъ слѣ-

дующаго дня; потомъ, послѣ краткаго привѣтствія, сказаннаго намъ полковникомъ, поздравлявшимъ насъ съ наступающимъ случаемъ отличиться, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

XXIV.

ОСАДА КАКХА. — ДОСТОИНСТВА СИПАЕВЪ И ЕВРОПЕЙЦЕВЪ. — ВОСПОМИНАНІЕ О ВОЗМУЩЕНІИ КОМПАНЕЙСКОЙ АРМІИ ВЪ 1809 ГОДУ. — РАЗМЫШЛЕНІЯ.

Апрѣля 3-го, въ пять часовъ утра, бригада двинулась съ мѣста по дорогѣ, по-видимому, хорошо проложенной; однако, пройдя пол-льё, мы вдругъ очутились на стѣсненномъ высотами руслѣ потока, высохшаго на ту пору, но который, во время дождей, долженъ стремиться съ необыкновенною силою и образовать много водопадовъ. Не было ни тропинки, ни выхода, кромѣ дна этой рытвины, и по ней надлежало намъ идти впередъ и подниматься въ гору. Не смотря на трудную работу

піонеровъ цѣлые два часа и на чрезвычайныя усилія всего авангарда, мы весьма мало подвинулись впередъ; потому что надо было сдѣлать этотъ путь удобнымъ и для упряжныхъ животныхъ.

При этомъ случаѣ мы имѣли возможность оцѣнить всю смѣтливость слоновъ и пользу отъ нихъ на войнѣ въ горахъ. Достигнувъ до того мѣста, гдѣ русло потока шло уступами, надлежало поднять пушки почти на отвѣсную крутизну гранитной скалы, которой поверхность была размыта и сглажена водою. Волы, на которыхъ везли пушки, послѣ одного или двухъ усилій, отказались отъ этого предпріятія и легли, какъ обыкновенно дѣлаютъ они въ случаѣ совершенной невозможности поднять тяжесть. Тогда рѣшились послать въ обозъ за слонами. Двое изъ нихъ, самые послушные, освобождены были отъ вьюковъ и подведены корнаками къ пушкамъ. Голосомъ, примѣромъ и движеніемъ имъ дали знать, чего ожидаютъ отъ ихъ отважно-

сти, и они оправдали эту довѣренность. Дѣйствительно, одинъ изъ этихъ колоссовъ, ставъ позади шести-фунтовой пушки, приложилъ къ ней конецъ своего хобота, и подвигая ее впередъ, тогда какъ канониры только направляли ее, поднялъ орудіе по всей крутизнѣ скалы. Нѣсколько далѣе, пушка упала въ рытвину и опрокинулась: оба слона, подхвативъ ее своими хоботами, каждый съ своей стороны, вытащили ее и положили на лафетъ.

Къ девяти часамъ, оставивъ русло потока, мы вышли на новую тропинку, по которой, пройдя первый гребень горъ, спустились въ глубокую долину, гдѣ многочисленныя рисовыя поля показывали близость населенія. По словамъ путеводителей, подтвержденнымъ и лазутчиками, редутъ долженъ былъ скрываться гдѣ нибудь въ густотѣ лѣса на противоположномъ гребнѣ горъ, отдѣленномъ отъ насъ крутыми скатами съ той и другой стороны. Представившаяся намъ крутизна горъ, покры-

тая исполинскимъ, дѣвственнымъ лѣсомъ была, по-видимому, мрачнѣе и неприступнѣе всѣхъ мѣстъ, по которымъ мы проходили до сихъ поръ. Природа, въ этой странѣ, является въ колоссальныхъ размѣрахъ; изумительный ростъ деревъ и величіе ихъ вида выходятъ изъ предѣловъ воображенія. Назовемъ одну только породу тековъ, которые, не превышая однако-же своихъ соперниковъ, простираются отъ ста пятидесяти до двухъ сотъ футовъ вышины, слѣдовательно втрое выше нашего дуба. Скоро увидѣли мы, что только пилою и топоромъ можемъ проложить дорогу къ непріятелю; узкая тропинка повсюду была завалена огромными деревьями, срубленными и переброшенными чрезъ нее для замедленія нашего похода и прегражденія намъ всякаго отступленія. Слѣдовательно и здѣсь, при остановкѣ войска, продолжавшейся, по крайней мѣрѣ, два часа, генералъ имѣлъ прекрасный случай осмотрѣть сильную позицію непріятеля на пол-лье̂ отъ насъ. Но, вопре-

ки самому жаркому спору и самымъ колкимъ насмѣшкамъ полковника Милля, который вызывался отправиться впередъ для обозрѣнія мѣстности — онъ твердо стоялъ въ своей гибельной системѣ подвигаться впередъ наудачу. Нашъ старый командиръ, выведенный изъ терпѣнія, бросился на траву и заснулъ глубокимъ сномъ; между тѣмъ офицеры, пользуясь этою остановкою, расположились завтракать. Печальныя мысли, овладѣвшія нами наканунѣ, совершенно исчезли; никогда еще веселость наша не была такъ свободна, такъ шумлива, какъ во время этого небольшаго завтрака, похожаго на пированье охотниковъ подъ тѣнью дерева. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ думать о смерти, когда солнце такъ прекрасно, тѣнь такъ усладительна и кровь такъ быстро течетъ въ жилахъ?

Въ половинѣ двѣнадцатаго авангардъ отправился въ путь. Штабъ-офицеръ, командовавшій имъ, имѣлъ приказъ—лишь только будетъ въ довольно близкомъ разстоя-

ніи отъ редута—раздѣлить свое войско на два отряда, которые пойдутъ вправо и влѣво, къ флангамъ или къ заднимъ сторонамъ окопа. Въ то-же время онъ долженъ дать знать о томъ корпусу, который двинется съ артиллеріею для нападенія съ фронта. Что-жъ касается до рѣшительной минуты для подобнаго движенія, то онъ долженъ полагаться на своихъ проводниковъ, жизнію отвѣчающихъ за свою вѣрность. То, что̀ легко можно было предвидѣть, дѣйствительно случилось. На одну милю отъ засѣки (по словамъ плѣнниковъ), авангардъ раздѣлился на два равносильные отряда, которые послѣдовали за двумя проводниками въ лабиринтъ лѣса по противоположнымъ, по-видимому, направленіямъ, но — послѣ многихъ обходовъ — почти въ одно и то-же время пришли, къ открытой крутизнѣ, возвышавшейся предъ ними, которая загромождена была обломками скалъ и вела ко входу въ редутъ, наиболѣе укрѣпленному и защищенному окопами. Въ

ту минуту, какъ оба отряда сошлись другъ съ другомъ, проводники вдругъ бросились въ кустарникъ и исчезли; между тѣмъ страшный залпъ изъ ружей и выстрѣлъ картечью произвели смятенiе въ нашихъ рядахъ. Этотъ первый уронъ былъ для насъ вдвойнѣ пагубенъ; потому что, не считая нѣкоторыхъ храбрыхъ солдатъ, мы потеряли европейскаго офицера, начальствовавшаго надъ шестьюдесятью сипаями 9-го туземнаго полка; такимъ образомъ утратили мы помощь этой роты, которая, можетъ быть, стала бы хорошо драться подъ командою своего офицера, но которой, со времени его смерти, мы болѣе не видали.

Офицеры, командовавшiе двумя отрядами авангарда, поспѣшили увлечь своихъ солдатъ въ лѣсъ направо и налѣво, стараясь, нѣкоторымъ образомъ, ощупью добраться до удобнаго для нападенiя мѣста; но остановленные со всѣхъ сторонъ густотою лѣса, должны были скоро воротиться тѣмъ же путемъ и довольствоваться открытiемъ

стрѣлковаго огня по главному фасу редута, тогда какъ сами они находились съ фланга подъ огнемъ незамѣченнаго прежде бокового фаса. Видя, что предписанное движеніе было неисполнимо съ вершины горы, офицеръ, командовавшій авангардомъ, посылалъ къ генералу просить позволенія отступить и стараться обойдти гору у ея подошвы. Генералъ, по свойственной ему фанфаронадѣ, отвѣчалъ, что никакое движеніе не должно быть невозможнымъ, когда имѣешь честь командовать англійскими войсками, и прислалъ въ подкрѣпленіе роту стрѣлковъ 55-го полка и восемь сотъ человѣкъ 9-го туземнаго полка, остававшихся еще при колоннѣ. Объ артиллеріи нечего было и думать: она ни на шагъ не могла двинуться подъ непріятельскимъ огнемъ, при настоящемъ положеніи дороги, такъ что генералъ удержалъ ее при себѣ, и забавлялся, употребляя ее на стрѣльбу картечью по разсѣяннымъ непріятелямъ, скрывавшимся между деревьями.

Чтобъ дать понятіе о трудностяхъ приступа, скажу нѣсколько словъ о редутѣ. Онъ состоялъ изъ цѣпи укрѣпленій, устроенныхъ въ самой непроницаемой густотѣ лѣса, замаскированныхъ на всемъ своемъ протяженіи, возвышавшихся отъ основанія до гребня горы Бакха, параллельно къ дорогѣ, ведущей на вершину, и здѣсь пересѣкавшихъ эту дорогу подъ прямымъ угломъ, такъ что можно было защищать ее перекрестнымъ и продольнымъ огнемъ по всѣмъ ея направленіямъ. Съ намѣреніемъ вѣрнѣе завлечь насъ въ свои сѣти, непріятель удерживалъ на пистолетный выстрѣлъ огонь, который бы давно уже могъ быть открытъ имъ по флангу авангарда; но онъ выжидалъ, пока авангардъ достигнетъ до самой верхней засѣки. Она состояла изъ палисада, котораго всѣ колья глубоко пустили корни въ землю: то были лѣсныя деревья, очищенныя отъ верхнихъ вѣтвей и переплетенныя ліанами и гибкою корою, такъ что образовали рѣшетку, небоявшуюся даже

пушки. Рѣшетка эта была прозрачна для защищающихся, но совершенно темна для осаждающихъ; самая дорога, разчищенная изъ-подъ кустарника на ружейный выстрѣлъ отъ редута, поднимаясь до палисада, составляла естественный къ нему гласисъ, позади котораго находились: траншея, служившая покрытымъ путемъ, каменный эскарпъ и два дома съ зубчатыми стѣнами, возвышавшіеся надъ всѣмъ остальнымъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колонны, четыре европейскіе офицера 31-го туземнаго полка присоединились къ подкрѣпленію, присланному изъ 9-го туземнаго полка, и къ стрѣлкамъ 55-го; я передаю эту подробность, потому что она имѣетъ важныя послѣдствія. Гг. Бретъ, Брейгъ, Гордонъ и Мартинъ—движимые рыцарскою храбростью и пламенною любовью къ военному дѣлу, отдѣлились отъ корпуса безъ позволенія генерала, съ тѣмъ чтобъ присоединиться къ отряду шестидесяти сипаевъ изъ ихъ полка, составлявшихъ часть авангарда. Со-

вершенно знакомые съ характеромъ Индійцевъ, они знали, что не иначе можно было полагаться на ихъ храбрость, какъ подъ ближайшимъ присмотромъ офицера, знающаго ихъ лично. Рѣшившись поддержать честь своего знамени и всего корпуса, они надѣялись, своимъ присутствіемъ и примѣромъ, увлечь сипаевъ въ битву. Мы увидимъ далѣе, что они достигли этой цѣли; но сипаи 9-го полка поступили иначе. Самый старшій и самый храбрый офицеръ въ корпусѣ, капитанъ Лóнгуортъ, къ несчастью, находился на этотъ разъ въ арьергардѣ; другіе были или молодые прапорщики, недавно вышедшіе на берегъ въ Индіи и не знавшіе туземнаго языка, или офицеры, обыкновенно служившіе при штабахъ, на время только явившіеся въ полкъ и не знавшіе ни одного солдата по имени. Послѣдствія были очевидны — случилось то, чего непремѣнно надлежало ожидать. При первыхъ ружейныхъ выстрѣлахъ, встрѣтившихъ подкрѣпленіе у самой подошвы

горы, сипая начали падать десятками; всякая пуля, невинно свиставшая надъ ихъ головами, заставляла цѣлые ряды бросаться на землю. Напрасно офицеры выходили изъ себя отъ отчаянія, напрасно храбрые лейтенанты 31-го полка уговаривали ихъ со всею, свойственною имъ энергіею—все было безполезно: надобно было оставить ихъ на мѣстѣ. Европейскіе стрѣлки, проходя чрезъ нихъ съ презрительнымъ ура! иногда привѣтствовали ихъ толчками, и, съ ружьями въ рукахъ, продолжали взбираться на гору. Въ ту самую минуту, какъ присоединялись они къ авангарду, трубачи генерала, на разстояніи пол-льё, протрубили приказъ прекратить огонь и броситься въ атаку. Такой приказъ не могъ не возбудить въ насъ сильнаго негодованія, когда мы отдѣлены были отъ непріятеля непреодолимою преградою.

Однако-же, чтобъ повиноваться, сколько было возможно, съ тою слѣпою дисциплиною, которая составляетъ торжество ан-

глійской арміи и ставитъ ее, можетъ быть, выше всѣхъ другихъ армій въ свѣтѣ—обѣ роты 55-го полка, предшествуемыя піонерами и подкрываемыя шестьюдесятью сипаями 31-го полка, устремляются къ палисаду, въ слабой надеждѣ сдѣлать проломъ. Нѣсколько кольевъ вырубаютъ топоромъ: рѣшетка начинаетъ подаваться; неустрашимый Геріотъ, 55-го полка, храбрый Бретъ и нѣкоторые другіе, схватываютъ своими руками стволы, перерубленные уже снизу, и съ чрезвычайными усиліями стараются вырвать эту роковую преграду; но, въ туже минуту, непріятель удвоиваетъ огонь: восемь или десять піонеровъ и человѣкъ тридцать солдатъ и сипаевъ убиты въ нѣсколько секундъ; Геріотъ падаетъ раненный двумя пулями въ колѣно; убитъ одинъ лейтенантъ 31-го полка, и самые храбрые воины отступаютъ подъ этимъ градомъ пуль. Стараются только спасти раненыхъ но это дѣйствіе увеличиваетъ число потерь. Офицеры и солдаты, всѣ наперерывъ, хо-

тать превзойдти другъ друга въ этомъ дѣлѣ самоотверженія.

Отрядъ 31-го полка, храбро предводительствуемый, отважно исполнилъ свою обязанность. Изъ шестидесяти сипаевъ десятеро нашли смерть на полѣ чести, и человѣкъ тридцать было раненыхъ; но при нихъ находились шесть офицеровъ необыкновеннаго достоинства, изъ которыхъ одинъ убитъ и двое тяжело ранены. Теперь понятно, при какихъ условіяхъ можно только увлечь сипаевъ въ битву.

Другой отрядъ туземцевъ, состоявшій изъ піонеровъ, потерялъ шесть человѣкъ изъ двадцати сражавшихся; но это особенное войско и порода людей, рѣзко различающаяся отъ смѣси, составляющей армію: выбранные изъ касты парій и вообще изъ прислуги при европейскихъ солдатахъ, а еще болѣе изъ дѣтей, рожденныхъ отъ тѣхъ же самыхъ солдатъ и туземныхъ женщинъ: воспитанные въ казармахъ, на такой же пищѣ, какая дается нашимъ солдатамъ; прі-

ученные къ тѣмъ же гимнастическимъ упражненіямъ; напитанные тѣми-же идеями военной чести и владѣя почти такими-же физическими силами, они занимаютъ въ походѣ первое мѣсто послѣ Европейцевъ, и едва-ли уступаютъ имъ въ храбрости. Но такой выборъ чрезвычайно ограниченъ и едва достаточенъ для укомплектованія корпуса военныхъ инженеровъ.

Послѣ этого неудачнаго перваго приступа, по причинѣ неразрушимой преграды, майоръ Бирдъ, командовавшій авангардомъ, снова послалъ къ генералу нѣсколько человѣкъ раненыхъ офицеровъ съ порученіемъ донести ему о понесенномъ уронѣ и возобновить просьбу объ отступленіи. Въ случаѣ-же неодобренія этой мѣры — умолялъ прислать ему, по крайней мѣрѣ, лѣстницы, піонеровъ и подкрѣпленіе для начатія штурма. Посланные, при возвращеніи къ колоннѣ, должны были, на протяженіи всего спуска съ горы, проходить перекрестнымъ огнемъ, который распространялся по всей дорогѣ и

осыпа̀лъ ее картечью, но и открывалъ, въ то-же время, всю позицію непріятеля. По-этому генералъ не могъ отозваться незнаніемъ мѣстности, хотя и не имѣлъ любопытства осмотрѣть ее; но, по тщеславію мелочнаго ума, настаивалъ на-своемъ: никого не слушалъ, и остался непоколебимъ въ первомъ своемъ планѣ. Узнавъ въ то-же время отъ полковника 8-го туземнаго полка, Перри, что невозможно было заставить этотъ полкъ двинуться впередъ; что солдаты его, какъ упряжныя животныя, полегли у входа въ дефиле, такъ что самъ командиръ открыто называлъ ихъ отъявленными трусами и негодями—онъ рѣшился на этотъ разъ употребить въ дѣло однихъ Европейцевъ, и назначилъ новый отрядъ изъ ста человѣкъ 55-го полка, подъ начальствомъ капитана Уа̀ррена, для сопровожденія лѣстницъ и для подкрѣпленія авангарда. Эти сто человѣкъ составляли весь остатокъ отъ баталіона, исключая больныхъ и раненыхъ.

наканунѣ *. Это значило рисковать всѣмъ за одинъ разъ. Хотя генералъ и не далъ прямаго приказа полковнику Миллю быть лично при штурмѣ; но, по совѣсти, не могъ предполагать, чтобъ ветеранъ нашъ остался въ главной квартирѣ съ инвалидами, когда всѣ солдаты его были подъ огнемъ. Впослѣдствіи генералъ недобросовѣстно воспользовался этимъ случаемъ для омраченія славы храбраго полковника, и, не краснѣя, утверждалъ, что послѣдній нарушилъ весь успѣхъ экспедиціи, увлекши въ битву всѣхъ Европейцевъ безъ его позволенія. Вотъ какъ это было: полковникъ Милль, видя, что послѣднія двѣ роты его направляются къ горѣ, пошелъ вслѣдъ за ними медленно, машинально, сложивъ руки назадъ, въ виду генерала и всей арміи: при первыхъ ружейныхъ выстрѣлахъ онъ удвоилъ шаги и скоро опередилъ своихъ солдатъ.

Въ эту минуту возвращался я, съ гор-

* При колоннѣ было только полбатальона 55-го полка, триста пятьдесятъ человѣкъ. *Пр. Соч.*

стью сипаевъ 31-го полка, изъ кустарника, откуда прогналъ нѣсколько непріятельскихъ стрѣлковъ, тревожившихъ колонну. Видя, что всѣ остальные солдаты 55-го полка взбираются уже на гору, я бросился на лошадь и догналъ ихъ въ галопъ; потомъ, сойдя съ лошади, отправился вмѣстѣ съ ними. Съ этой минуты мы начали терять людей; непріятель былъ невидимъ, однако-же огонь становился ежеминутно сильнѣе; безпрестанно надлежало сдвигаться, шагая чрезъ товарищей.

Достигнувъ наконецъ до подошвы гласиса, противъ главнаго редута, я увидѣлъ, съ лѣвой стороны, пространство, съ котораго срублены были деревья и которое вело, по скользкой и покрытой большими камнями крутизнѣ, къ палисадамъ, защищавшимъ входъ въ редутъ. Это было то самое мѣсто, гдѣ открылся первый приступъ. Видя, что полковникъ Миллъ, въ сопровожденіи одного вѣстоваго, съ трудомъ взбирался со скалы на скалу и подвигался впередъ съ

видимымъ недоумѣніемъ, я хотѣлъ пуститься по крутизнѣ и присоединиться къ нему съ своимъ отрядомъ; но онъ издали далъ мнѣ приказъ укрыть солдатъ, пока будетъ осматривать позицію. Исполняя волю его относительно солдатъ, самъ я не полагалъ себя въ обязанности повиноваться, и слѣдуя тому-же направленію и тѣмъ-же предосторожностямъ, которыя принималъ онъ, скоро находился я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вылаза, возлѣ полковника, позади гранита, укрывавшаго насъ отъ огня съ засѣки, и у подошвы огромнаго дерева, предохранявшаго насъ отъ огня съ боковаго фаса. Вправо отъ насъ, капитаны 55-го полка располагали солдатъ своихъ въ кустарникѣ, такъ чтобъ, сколько можно ближе, подойдти къ палисадамъ, неслишкомъ подвергаясь огню, и открыли перестрѣлку съ непріятелемъ. Влѣво отъ насъ, въ десяти шагахъ отъ засѣки, стоялъ, всею колоссальною фигурою своею, прямо грудью къ непріятелю, маіоръ [illegible]-го полка,

Бирдъ, который, въ негодованіи на то, что всѣ совѣты его презрѣны были надменною бездарностью, начальствовавшею надъ нами, испускалъ крики бѣшенства и искалъ смерти. Цѣлый часъ стоялъ онъ тутъ, осыпаемый картечью, но смерть не принимала этой добровольной жертвы, и его еще не тронуло. Въ эту минуту піонеры явились у подошвы окопа: они несли одну лѣстницу (во всей колоннѣ было только двѣ, тяжелыя и дурно сдѣланныя наканунѣ изъ лѣснаго бамбука); другую надо было оставить на горѣ. При видѣ ихъ, майору блеснула надежда: онъ зоветъ піонеровъ, ободряетъ ихъ, машетъ саблей, и, удерживая свою опасную позицію, хочетъ, по-видимому, тѣмъ самымъ доказать имъ, что опасность миновалась. Молодой Бейли, 55-го полка, находившійся возлѣ майора, устремляется съ намѣреніемъ увлечь за собою піонеровъ: схватываетъ лѣстницу и хочетъ двинуться впередъ; но зрѣлище, открывшееся этимъ людямъ, уронило бы

духъ въ самомъ храбромъ изъ туземцевъ: всѣ піонеры, предшествовавшіе имъ—одни раненные, другіе убитые, ничего не могли сдѣлать; они колеблются, какъ будто парализированные—отступаютъ, еще минута, и Бейли остается одинъ.

При первомъ движеніи моего товарища, я всталъ, съ тѣмъ чтобъ послѣдовать за нимъ и помогать ему; но полковникъ остановилъ меня: «Безполезно, любезный другъ мой,» сказалъ онъ; «тутъ ничего не сдѣлаешь; вы оба погибнете безъ всякаго успѣха; еслибъ даже и донесли эту лѣстницу до палисада, то ея было бы недостаточно, да и при маломъ числѣ людей, мы не могли бы воспользоваться ею.» Я показалъ ему въ кустахъ нѣсколько человѣкъ моей роты, на отважность которыхъ рѣшительно полагался, нисколько не сомнѣваясь въ привер-женности ихъ ко мнѣ, и еще разъ умолялъ его позволить мнѣ сдѣлать послѣднее усиліе и собрать ихъ вокругъ себя; при чемъ повторилъ ему мое убѣжденіе, что если одно-

му изъ Европейцевъ удастся преодолѣть препятствіе, то прекратится всякое сопротивленіе, и мы возмемъ редутъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія и сильной борьбы съ самимъ собою, полковникъ взялъ у меня изъ рукъ пистолетъ, который могъ бы стѣснять мои движенія, и сказалъ: »Такъ и быть—теперь это одно средство къ успѣху; надобно испытать его: въ добрый часъ, любезный другъ! да благословитъ васъ Богъ!« Въ три прыжка я былъ у подошвы гласиса, и поднимая лѣстницу, всѣми оставленную, вскричалъ громкимъ голосомъ: »Впередъ, № 7-й! впередъ, ребята—живѣй за вашимъ офицеромъ!« Сержанты: Варни и Крауфортъ, и человѣкъ пятнадцать солдатъ, быстро встали съ мѣста, какъ будто выскочили изъ земли; въ мигъ окружили меня, каждый ухватился за ступеньку лѣстницы, и съ британскимъ *ура!* бросились мы бѣгомъ; но скатъ очень крутъ; огромные камни попадаются намъ подъ ноги и замедляютъ ходъ; огонь непріятельскій усили-

вается, и каждый разъ похищаетъ у насъ воина; лѣстница на минуту задерживается— надо немного отдохнуть: майоръ Бирдъ схватываетъ ее, и тутъ же падаетъ, пораженный пулею въ лобъ. Мы кричимъ *ура!* ослабѣвшимъ уже голосомъ, и подвигаемся впередъ. Добравшись до вершины гласиса, я оборачиваюсь поставить лѣстницу; но у меня подъ командой одинъ только человѣкъ—сержантъ Кра̀уфортъ: всѣ другіе убиты; мы поднимаемъ ее и хотимъ приставить къ палисаду: всѣ взоры обращены на насъ, полные надежды и участія. Въ эту минуту выстрѣлъ изъ пушки летитъ съ боковаго фаса: я уже не слыхалъ его; не знаю, что́ случилось; но я лежалъ у подошвы засѣки; мнѣ жгло плечо; лѣстницею давило колѣно, и обезображенный трупъ лежалъ на мнѣ; несчастнаго Кра̀уфорта разорвало на-двое, разбило лѣстницу, и пушечнымъ пыжомъ зажгло на мнѣ мундиръ.

Съ большимъ трудомъ высвободился я изъ подъ тяжести, и сидѣлъ еще, когда услы-

шалъ позади себя дружескіе голоса: «Прилягъ, прилягъ! не поднимай головы—иначе, тебя убьютъ. Приближься къ намъ ползкомъ, и ты будешь укрытъ.» То были: молодой Дóбени, 55-го полка, и храбрѣйшій изъ храбрыхъ, поручикъ 31-го туземнаго полка, Бретъ, которые, другою дорогою, прежде меня достигли до засѣки, надѣясь воспользоваться лѣстницею и перебраться чрезъ палисадъ. Свидѣтели несчастія, похитившаго у насъ это пособіе, они прилегли на вершинѣ гласиса, спиною къ палисаду, и укрылись между мертвыми и умирающими, защищаемые также стрѣльбою, продолжаемою войскомъ нашимъ изъ-за кустовъ, и на эту минуту находились внѣ опасности. Буквально слѣдуя совѣту ихъ, я приблизился къ нимъ ползкомъ. Собравшись съ мыслями, увидѣлъ я, что насъ было пятеро (трое офицеровъ и двое солдатъ) въ этомъ странномъ убѣжищѣ, у самыхъ ногъ непріятеля: мы были отдѣлены отъ него одною только чащею палисада, и явственно слышали го-

лоса его. Въ такомъ положеніи ожидали мы рѣшенія нашей участи съ тою томительною тоскою, которую легко себѣ представить.

Между тѣмъ, несчастный приступъ, на который я отважился, почти удвоилъ число потерь нашихъ. Смерть столькихъ храбрыхъ воиновъ и особливо Крауфорта, убитаго предъ лицемъ всего войска, произвела общій упадокъ духа, какъ вдругъ послѣднее несчастіе довершило его. Полковникъ. съ самымъ нѣжнымъ участіемъ слѣдившій всѣ мои движенія и готовившійся — въ ту минуту, какъ, по-видимому, установилась лѣстница—увлечь за мною всѣхъ солдатъ своихъ, видя, что съ этой стороны нѣтъ болѣе надежды, велѣлъ отступать, когда пуля, пущенная невидимымъ непріятелемъ, прострѣлила ему грудь. Непріятель этотъ былъ горный житель, скрывавшійся, съ самаго начала приступа, между вѣтвями того самаго дерева, подъ которымъ мы такъ долго сидѣли. До сихъ поръ онъ оставался

неподвижнымъ зрителемъ битвы, не смѣя воспользоваться своимъ положеніемъ; но выждавъ благопріятную, по его мнѣнію, минуту, когда сильная пальба могла заглушить выстрѣлъ изъ его винтовки, онъ прицѣлился наконецъ въ несчастнаго полковника, который упалъ навзничь, смертельно раненный, и умеръ чрезъ нѣсколько минутъ. За смертью жертвы тотчасъ послѣдовала смерть убійцы, и началось отступленіе. Старались унести съ собою тѣло полковника; но лишь только собиралось нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, они дѣлались цѣлью перекрестнаго непріятельскаго огня, и когда двое солдатъ были смертельно ранены въ то время, какъ несли тѣло въ нѣкоторомъ уже разстояніи отъ редута, то и рѣшились оставить его, предпочитая, по справедливости, сосредоточить всѣ усилія и всѣ попеченія надъ живыми, то есть надъ ранеными. Но и этотъ трудъ остался напраснымъ, и человѣкъ двѣнадцать изъ числа послѣднихъ, какъ Европейцевъ, такъ и ту-

земцевъ, по необходимости, были оставлены въ добычу непріятелю.

Между тѣмъ пять человѣкъ, укрывавшіеся у засѣки, ничего не знали объ этомъ движеніи. По временамъ, въ продолженіе двухъ мучительныхъ часовъ нашей пытки, который нибудь изъ насъ возвышалъ голосъ и спрашивалъ у друзей, находившихся у подошвы гласиса, чтó должны были мы дѣлать: не готовится ли новый приступъ? дожидаться ли намъ другой лѣстницы, или, отваживившись на смерть, пытаться уйдти?... Голоса наши, безъ сомнѣнія, терялись въ раскатахъ ружейной пальбы; но мы надѣялись, по крайней мѣрѣ, что звуки трубы, или барабана раздадутся передъ отступленіемъ, и что мы, такимъ образомъ, будемъ увѣдомлены о томъ вó-время. По несчастью, единственный музыкантъ и единственный барабанщикъ, отряженные въ авангардъ, оба были убиты, слѣдоватально отступленіе дѣлалось безъ всякаго предувѣдомленія. По прошествіи, можетъ быть, получаса съ

тѣхъ поръ, какъ мы оставались на горѣ, намъ послышались ружейные выстрѣлы, направлявшіеся на насъ. Меня почти оглушило и задѣло за ухо пулею; дѣйствительно, тотчасъ послѣ того, отъ нѣсколькихъ ударовъ топоромъ и кукри, зашаталась перегородка позади насъ. Въ то-же время одинъ Кургахъ перелѣзъ черезъ нее; другіе готовились слѣдовать за нимъ— не льзя было терять ни минуты. Мы встали всѣ вмѣстѣ и спустились съ гласиса; потомъ, достигнувъ до кустовъ, бросили другъ другу прощальный взглядъ, и исчезли порознь, пускаясь на удачу по разнымъ направленіямъ, для того чтобъ развлечь вниманіе непріятеля.

Изъ опасенія заблудиться, я рѣшился слѣдовать тому направленію, по которому мы пришли. Первый предметъ, остановившій на себѣ мои взоры, было тѣло полковника, лежавшее на спинѣ поперегъ дороги. На немъ не было мундира; возлѣ него стоялъ ящикъ съ хирургическими инструментами,

забытый, вѣроятно, полковымъ лекаремъ. Лице, вмѣсто того, чтобъ быть искаженнымъ, какъ обыкновенно случается съ убитыми изъ огнестрѣльнаго оружія, было совершенно спокойно; брови слегка наморщены, какъ будто во снѣ, подъ вліяніемъ сновидѣнія; онъ умеръ, по-видимому, тихо и безъ страданій. Я забылъ опасность своего положенія, и, съ слезами на глазахъ, смотрѣлъ еще на того, чьи послѣднія слова ко мнѣ дышали нѣжною любовью, какъ вдругъ три ружейные выстрѣла, весьма въ близкомъ разстояніи, вывели меня изъ задумчивости. Съ саблею въ рукахъ проложилъ я себѣ путь сквозь первую толпу непріятелей, потомъ сошелъ съ горы, спотыкаясь и падая на каждомъ шагу. Почти у самаго входа въ ущелье увидѣлъ я многочисленную толпу, преграждавшую мнѣ путь. Хотѣть пробиться сквозь нее въ другой разъ, одному противъ двадцати, было бы величайшимъ неблагоразуміемъ; отдаться въ плѣнъ, значило подвергнуться пыткѣ

и подставить свою голову подъ кукри — ужасный кривой ножъ у Кургаховъ. По счастью, я находился почти внизу ската, у оврага, футовъ пятнадцати шириною, и рѣшился перепрыгнуть чрезъ него. Земля была рыхла; я упалъ на той сторонѣ руками и головою, и очутился въ рисовомъ полѣ. Отступленіе свое началъ я подъ градомъ пуль, и скоро достигъ до Сомварпета — селенія, гдѣ не было ни души. Проходя мимо послѣднихъ хижинъ, увидѣлъ я съ возвышенія нашъ арьергардъ на четверть льё отъ меня. Чрезъ полчаса потомъ я уже присоединился къ нему.

Это были остатки отъ авангарда, выступившаго въ битву по-утру, т. е. человѣкъ двадцать Европейцевъ въ здоровомъ состояніи, такое же число раненныхъ, которые не могли идти иначе, какъ опираясь на своихъ товарищей, и человѣкъ двадцать сипаевъ различныхъ полковъ. При нихъ находились: генералъ, показавшій мужество свое при отступленіи, и два подпоручика

16*

9-го полка. Увидѣвъ меня, генералъ тотчасъ передалъ мнѣ начальство надъ арьергардомъ, и пустился въ галопъ къ корпусу, съ тѣмъ чтобъ прислать мнѣ подкрѣпленіе. Четверть часа прошло въ отраженіи непріятельскихъ нападеній, усиливавшихся по мѣрѣ удаленія нашего съ поля битвы. Вдругъ начали они утихать, и, съ правой стороны отъ насъ, появилось регулярное войско: то былъ отрядъ 31-го туземнаго полка подъ начальствомъ поручика Брейга. Офицеръ этотъ умѣлъ заставить своихъ сипаевъ чудесно драться. Подъ его защитою мнѣ оставалось только заниматься своими ранеными. Нѣсколько далѣе мы были подкрѣплены ротою 55-го полка, дожидавшеюся насъ на пригоркѣ. По выходѣ изъ ущелья, отступленіе пошло чудесно; мы не потеряли ни одной пушки, ни одного упряжнаго животнаго.

Сраженіе продолжалось четыре съ половиною часа, и мы понесли значительныя потери. Изъ полубатальона 55-го полка по-

ступило въ дѣло только двѣсти шестьдесятъ сражавшихся. Изъ этого числа одинъ офицеръ и тридцать человѣкъ нижнихъ чиновъ умерли, или умерщвлены послѣ отступленія; раненныхъ было четыре офицера и сто пятьдесятъ человѣкъ нижнихъ чиновъ. Всего— сто сорокъ убитыхъ и раненныхъ изъ числа двухъ сотъ шестидесяти.

Піонеры потеряли убитыми восемь, а раненными пять человѣкъ изъ тридцати сражавшихся; но потеря эта понесена при первомъ приступѣ.

Изъ 31-го туземнаго полка поступило въ дѣло триста человѣкъ; убито тринадцать, въ томъ числѣ европейскій офицеръ; ранены два офицера и тридцать семь сипаевъ. Этотъ отрядъ не только не являлся на вторую осаду, но и сами офицеры его, не надѣясь, чтобъ сипаи могли выдержать столь сильную борьбу, оставили ихъ въ кустарникѣ, и присоединились, въ качествѣ волонтеровъ, къ солдатамъ 55-го полка. Такъ, на примѣръ, мы уже видѣли, какъ

отважный Бретъ, не имѣя при себѣ ни одного сипая, дожидался лѣстницы у палисада, съ тѣмъ чтобъ лѣзть на него вмѣстѣ съ Европейцами. Но всего любопытнѣе потеря знаменитаго 9-го туземнаго полка: сражавшихся восемь сотъ; убитыхъ—*одинъ офицеръ* и *ни одного сипая;* раненыхъ — *никого!*

Въ 9 часовъ вечера прибыли мы въ лагерь, для котораго генералъ выбралъ мѣсто близь родника, на лощинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. Тутъ было уже не до роскоши, съ какою ужинали мы наканунѣ; двѣ или три палатки для штаба, нѣсколько палатокъ для офицеровъ и палатки для походнаго госпиталя при каждомъ полку—вотъ все лагерное помѣщеніе; прочіе должны были спать на землѣ возлѣ вьючныхъ животныхъ, которыхъ почти и не развьючивали. Все было такъ перемѣшано, что для избѣжанія затрудненій при выборѣ новыхъ часовыхъ, явившимся послѣ всѣхъ тотчасъ велѣно было расположиться

на бивакахъ по внѣшней линіи караула, для прикрытія карè лагеря. Между тѣмъ приведенный нами отрядъ, составляя часть авангарда, или арьергарда съ пяти часовъ утра, сражался цѣлый день и былъ чрезвычайно утомленъ. Этихъ-то людей, то есть горсть Европейцевъ, заставляли еще заботиться о безопасности туземцевъ въ продолженіе ужасной для насъ ночи. Но такое распоряженіе было благоразумно, потому что паническій страхъ овладѣлъ сипаями всѣхъ полковъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ необходимо было употребить для дополненія карè, находились въ столь нервическомъ состояніи, что, ежеминутно принимая шумъ листьевъ за приближеніе непріятеля, стрѣляли изъ ружей на воздухъ, и безпрестанно производили тревогу. Патрульнымъ опасно было даже приближаться къ нимъ, потому что пули вылетали прежде, нежели часовые успѣвали окликивать. Еслибъ мы имѣли дѣло съ отважнымъ непріятелемъ, то, при довольно смѣломъ на-

паденіи въ темнотѣ на караульныхъ сипаевъ, легко было бы разбить нашъ небольшой корпусъ. Страхъ овладѣлъ и самыми лучшими полками, которые бы разбѣжались, побросавъ свое оружіе. Тогда осталось бы только двѣсти Европейцевъ, бывшихъ еще въ состояніи сражаться; но они, не зная дороги въ этой странѣ, и стѣсненные ранеными товарищами, не могли бы устоять противъ непріятеля; вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не остался бы живъ, такъ что некому было бы передать въ армію и самаго извѣстія о разбитіи.

Мнѣ остается теперь упомянуть объ одной чертѣ, характеризующей ирландскаго солдата, и это тѣмъ для меня пріятнѣе, что она относится лично ко мнѣ. Капитанъ Гарди, исправлявшій должность адъютанта, передалъ мнѣ приказъ выбрать двадцать пять человѣкъ Европейцевъ изъ приведеннаго нами отряда, и расположиться бивакомъ на небольшомъ холмѣ между лагеремъ и сосѣдственнымъ лѣсомъ. Когда

мы находились уже на своихъ мѣстахъ, то онъ роздалъ намъ сухарей и по порціи водки на человѣка, чѣмъ и должны мы были довольствоваться до слѣдующаго дня. Оставленные такимъ образомъ безъ пріюта на краю лагеря, который слѣдовало намъ защищать, мы не могли развести огня, потому что онъ открылъ бы непріятелю нашу позицію; между тѣмъ холодъ былъ чрезвычайный; члены наши коченѣли отъ росы, падающей каждую ночь въ этихъ высокихъ мѣстахъ; ее, безъ сомнѣнія, должно приписать притяженію, производимому въ атмосферѣ колоссальною растительностью: эта густая роса, бѣлая какъ иней, но болѣе плотная, болѣе влажная, насыщающая всѣ предметы въ нѣсколько минутъ и проницающая васъ до костей, производитъ самыя мучительныя болѣзни. Находясь подъ открытымъ небомъ и обязанный ежеминутно быть въ готовности бороться съ непріятелемъ, я распорядился такъ: разставивъ часовыхъ въ должномъ порядкѣ для от-

раженія всякаго нападенія врасплохъ, я сѣлъ на траву и велѣлъ всѣмъ солдатамъ лечь вокругъ меня, каждому на свое ружье, плотно прижаться другъ къ другу и покрыться шинелями такъ, чтобъ выходило два покрывала для каждаго человѣка. Приказъ этотъ отчасти былъ исполненъ; но я замѣтилъ, что многіе солдаты сняли съ себя шинели, не смотря на мое запрещеніе. Между тѣмъ какъ я настаивалъ на своемъ и сердился за неповиновеніе, меня покрыли шинелями, и всякое сопротивленіе съ моей стороны ни къ чему не служило; напрасно выходилъ я изъ себя, грозилъ наказаніемъ — наконецъ надо было покориться самоотверженію солдатъ; я почти задыхался подъ покрывалами: одинъ прекрасный собою Ирландецъ легъ поперегъ, для того чтобъ грудь его служила мнѣ подушкою; всѣ другіе плотно улеглись вокругъ меня и у моихъ ногъ. Глубоко тронутый такою приверженностью, я провелъ продолжительные часы этой ночи, столь богатой

воспоминаніями, въ размышленіи о событіяхъ, случившихся въ минувшій день, похожій на нѣкоторыя страницы того романа, о которомъ я мечталъ, но печальный какъ дѣйствительная жизнь. Я вслушивался также въ оклики часовыхъ, раздававшіеся чрезъ каждую четверть часа, и въ спокойные и звучные отвѣты на нихъ: all's well (все благополучно). Разъ или два приближеніе мародёра, или патрули заставило насъ всѣхъ за одинъ разъ быстро вскочить на ноги. Сабля привязана была у меня къ рукѣ, и каждый, по какому-то невольному движенію, схватывалъ свое ружье; наконецъ къ утру усталость взяла надо мною верхъ, и я заснулъ. Солнце давно уже взошло и начинало сильно грѣть насъ, когда я разбуженъ былъ прибытіемъ новаго караула, явившагося къ намъ на смѣну. Всѣ солдаты мои давно были на ногахъ, но не шумѣли, какъ обыкновенно бываетъ на караулахъ, и добрый Ирландецъ, замѣнявшій мнѣ подушку, не смѣлъ пошевелиться, боясь пре-

рвать мой сонъ. Бѣдные люди! сколько добродушія, терпѣнія и привязанности въ этихъ невѣжественныхъ и полудикихъ существахъ.

Говоря о самомъ себѣ больше, нежели сколько бы желалъ при разсказѣ обо всѣхъ этихъ случаяхъ, я имѣю въ виду, съ одной стороны, доказать совершенное свое безпристрастіе, отдать должную справедливость великимъ достоинствамъ—неустрашимости, покорности и непоколебимой твердости національныхъ великобританскихъ войскъ, и, съ другой стороны, вывести изъ того очевидное заключеніе — несомнѣнное рѣшеніе важнаго вопроса: «Въ чемъ состоитъ дѣйствительное достоинство туземныхъ войскъ въ англо-индійской арміи?» Вотъ это рѣшеніе: Въ настоящихъ обстоятельствахъ, войска̀ эти совершенно достигаютъ своей цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы, числомъ своимъ и готовностью выступить въ походъ, держать въ страхѣ индійскіе народы — изъ которыхъ тѣ войска

набраны—народы боязливые, невѣжественные, худо вооруженные и, при всемъ томъ, лишенные и выгодъ дисциплины и искусныхъ военачальниковъ.—Въ небольшихъ войнахъ, или, лучше сказать, стрѣлковыхъ сшибкахъ, всего чаще случающихся, противъ бѣглыхъ горныхъ герильясовъ, шаекъ тҍговъ и Пиндари, которыя опустошаютъ равнины, или противъ ничтожныхъ возмущеній въ Индостанѣ, войска̀ эти достаточны, и, въ этомъ отношеніи, всегда съ успѣхомъ будутъ дѣйствовать къ выгодамъ Компаніи. Они приносятъ и ту пользу, что избавляютъ европейское войско отъ всѣхъ ежедневныхъ трудовъ и тягостей службы; это работники, рабы, вьючныя животныя дѣйствительной арміи. Они даютъ возможность беречь, на случай войны, европейскихъ солдатъ, единственныхъ, на которыхъ можно полагаться; они отправляютъ всѣ работы и содержатъ гарнизоны въ мѣстахъ, вредныхъ для здоровья; отряжаются къ обозамъ съ военными припасами и

казною и къ походнымъ госпиталямъ: это ноги арміи, тогда какъ Европейцы—ея руки, голова и сердце. Такой результатъ довольно уже важенъ. Между тѣмъ Англичане приписываютъ гораздо болѣе важности туземному войску; но это обманъ (не говорю ослѣпленіе), извиняемый однимъ только патріотизмомъ. Когда они осмѣливаются сравнивать сипаевъ съ европейскими (только не британскими) войсками, то сами краснѣютъ въ глубинѣ сердца предъ нарушеніемъ истины, столь очевиднымъ и столь преднамѣреннымъ; однимъ словомъ: сипаи презираемы своими собственными офицерами. Правда, вы находите въ нихъ иногда черты храбрости, которыя встрѣчаются повсюду, даже у женщинъ; но Индіецъ храбръ на одинъ только день, на одну только минуту. Подъ присмотромъ офицера, который знаетъ его лично, нѐкъ будетъ драться, чтобъ сдѣлаться джеммадаромъ; джеммадаръ, чтобъ сдѣлаться субадаромъ; сипай, чтобъ быть нѐкомъ; но если офицера

убьютъ, то разсчетливая отважность эта тотчасъ-же прекращается. Рѣшительно могу сказать, что противъ самыхъ дурныхъ войскъ Сѣвера сипаи не устоятъ ни минуты; они выдержатъ ружейную пальбу, осаду, бомбардированье, но штыковъ—никогда. Если потребуютъ доказательствъ, то я не буду затрудняться, и вотъ самое замѣчательное изъ нихъ.

Во время администраціи сэръ Джорджа Бáрлоу, въ августѣ 1809 года вся мадрасская армія получила отъ своихъ офицеровъ приказъ къ возмущенію, съ намѣреніемъ воспротивиться притѣсненіямъ, на которыя господа эти полагали себя въ правѣ жаловаться. Сипаи этого президентства, въ числѣ 45,000 человѣкъ, составлявшіе армейскій корпусъ въ Гайдерабадѣ, Серингапатамѣ и Читтельдругѣ, находились подъ командою отличнѣйшихъ своихъ начальниковъ, каковы: генералъ Дóветонъ, артиллерійскій полковникъ Белъ, инженеръ-майоръ Гавилландъ, и многіе другіе. При этомъ

самомъ возмущеніи, они подчинялись строжайшей дисциплинѣ, и оказывали удивительную покорность своимъ офицерамъ, слѣпо повинуясь имъ и не понимая причины, приводившей въ смятеніе провинцію; артиллерія, какъ европейская, такъ и туземная, почти вся присоединилась къ мятежникамъ. Какіе же были результаты столь грознаго и единодушнаго движенія? Губернаторъ, цѣнившій сипаевъ по дѣйствительному ихъ достоинству, воспользовался семью батальонами и тремя эскадронами королевской арміи, которыми могъ располагать, и послалъ ихъ противъ мятежниковъ. Эти батальоны хотя и были разрознены и разсѣяны по всему Декану; однако распоряженіе губернатора увѣнчано было успѣхомъ. Сорокъ пять тысячь сипаевъ, соединенныхъ массами, не устояли противъ пяти тысячь разсѣяннныхъ по разнымъ мѣстамъ Европейцевъ. Послѣ нѣсколькихъ битвъ, стоившихъ жизни большому числу туземцевъ и нѣкоторымъ англійскимъ

офицерамъ—когда батальонъ сипаевъ, построившійся въ каре, изрубленъ былъ драгунами, а два или три другіе истреблены королевскими отрядами — все пришло въ обычный порядокъ; не прошло и мѣсяца, какъ мятежники безусловно покорились, и правительство было такъ сильно, что не сочло даже нужнымъ наказывать виновныхъ, и объявило всеобщее прощеніе начальникамъ возмущенія, которые и теперь еще продолжаютъ службу въ той-же арміи. Такія событія служатъ неопровержимыми, лучшими доказательствами, противъ которыхъ нечего сказать. И такъ—прочь всѣ эти Крокмитеновскія сказки, эти дерзкія выходки, въ которыхъ Англія желала бы увѣрить всѣхъ на свѣтѣ, для внушенія страха, то есть для удаленія новыхъ соперниковъ отъ береговъ Инда! Пусть сипаи займутъ отнынѣ, въ ряду всеміриыхъ войскъ, свое мѣсто, указанное имъ азіятскою ихъ организаціею. Подкрѣпляемые европейскимъ войскомъ, эти легіоны, безъ

сомнѣнія, могутъ поддерживать владычество иноземца въ ихъ отечествѣ; но предоставленные самимъ себѣ, они не въ силахъ возвратить ему свободы, и на такой подвигъ рѣшительно не достанетъ ихъ. Это оружіе объ одномъ лезвеѣ, достаточное для обуздыванія изнѣженной Азіи; но оно тотчасъ разобьется въ дребезги объ энергію жителей Сѣвера.

XXV.

КОНЕЦЪ ВОЙНЫ СЪ КУРГОМЪ. — РАДЖА ПОРУЧАЕТЪ СЕБЯ ВЕЛИКОДУШІЮ КОМПАНІИ И СДАЕТСЯ ДОБРОВОЛЬНО. — ПРИБЫТІЕ ВЪ МАРКАРУ. — ОПИСАНІЕ ЭТОГО ГОРОДА. — ПОРТРЕТЪ РАДЖИ.

Въ тотъ самый день, какъ мы такъ жестоко были разбиты при Бакхскомъ ущельѣ, западная колонна, подъ начальствомъ полковника Джаксона, потерпѣла такое-же пораженіе, но тѣмъ еще болѣе несчастное, что весь обозъ, больные и раненые достались непріятелю. Полубатальонъ 48-го полка королевской арміи подвергся всей силѣ непріятельскаго огня, и понесъ такую-же потерю, какъ и нашъ отрядъ. Сипаи показали себя равно слабыми при атакѣ, ровно малодушными и ничтожными послѣ разби-

тія. И такъ все предвѣщало самый гибельный результатъ компанейскому оружію; два корпуса, сѣверный и западный, рѣшительно не въ состояніи были драться; горцамъ, разбившимъ эти двѣ колонны, оставалось направиться къ операціоннымъ линіямъ двухъ другихъ колоннъ; раджѣ стóило только идти впереди ихъ по одному изъ тѣхъ направленій, которыя были ему открыты, и продолжать непріятельскія дѣйствія, постоянно отступая не больше трехъ недѣль; тогда погибла бы вся наша дѣйствующая армія: одинъ муссонъ истребилъ бы насъ, и кости наши бѣлѣлись бы теперь въ оврагахъ и долинахъ Курга. По счастіе, всегда управлявшее судьбами англійскаго правительства, не оставило его и въ эту затруднительную минуту. Извѣстіе о двухъ побѣдахъ, вмѣсто того, чтобъ усилить самонадѣянность и мужество раджи—чего слѣдовало ожидать — поразило его ужасомъ. Паническій страхъ и какое-то необъяснимое уныніе овладѣли имъ. Въ то-же время

узналъ онъ, что одинъ изъ его полководцевъ, подкупленный компанейскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, открылъ входъ въ одно довольно важное ущелье колоннѣ генерала Линдсея. Такому несчастью легко было помочь, потому что побѣды, одержанныя раджею на двухъ пунктахъ, представляли ему возможность располагать новыми войсками. Но, уступая своему недоброму расположенію духа и слабодушію, онъ поспѣшно отправилъ пословъ въ главную квартиру, съ изъявленіемъ желанія принять условія, какія угодно будетъ предложить ему, только бы не лишали его жизни и короны.

Въ ожиданіи отвѣта и въ намѣреніи укротить гнѣвъ Англичанъ, онъ приказалъ своимъ подданнымъ прекратить всякое сопротивленіе и открыть намъ всѣ пути; само собою разумѣется, что этимъ воспользовались, ничего не обѣщая. И такъ, чрезъ четыре дня послѣ нашего несчастія, мы занимали уже, не давши ни одного ружейнаго выстрѣла, ту самую Бакхскую позицію, съ

которой непріятель разбилъ насъ и откуда Кунголъ-Пегъ, выходя изъ себя отъ бѣшенства, принужденъ былъ удалиться по повелѣнію своего покровителя, которому служилъ съ отличнымъ искусствомъ и мужествомъ.

Проходя въ другой разъ этимъ ужаснымъ ущельемъ, мы находились подъ вліяніемъ самыхъ горестныхъ ощущеній, напоминавшихъ намъ Кавдинскіе проходы. Нетревожимые болѣе огнемъ непріятельскимъ, мы свободно обозрѣвали всю эту позицію, и теперь только увидѣли у подошвы горы тропинку, обгибавшую всѣ редуты, посредствомъ которой мы могли бы овладѣть ими безъ всякой битвы. Такое открытіе увеличивало нашу печаль и наше негодованіе противъ полководца, такъ дурно управлявшаго нашими благородными усиліями. Воздухъ наполненъ былъ заразительными міазмами, испарявшимися отъ труповъ, лежавшихъ еще на землѣ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они упали. Но мы не

могли уже распознать несчастныхъ жертвъ: рука жестокаго и фанатическаго непрiятеля оставила слѣды свои на этихъ развалинахъ; всѣ головы были отрублены, и обнаженныя тѣла, сдѣлавшись игрушкою неистовой забавы непрiятеля, подверглись обрѣзанiю. На каждомъ шагу мы разгоняли стаи коршуновъ — ужасныхъ малабарскихъ коршуновъ, съ ихъ шеями, покрытыми коростою, и съ отвратительною физiономiею, у которыхъ отнимали мы остатки ихъ пиршества. Почти на вершинѣ горы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тропинки, подъ балдахиномъ бамбуковъ, распознали мы одну атлетическую форму: нельзя было не узнать широкихъ плечь, груди, покрытой шрамами, и роковой раны нашего храбраго полковника. Но куда дѣвались его черты, которыя мы такъ любили, его благородное чело, эта улыбка, столь остроумная, которая, подобно лучу свѣта, озаряла иногда его спокойную и задумчивую физiономiю? Почтенная голова его, безъ сомнѣнiя, послана была въ

столицу Кунголъ-Нéгомъ, какъ трофей побѣды. Мы выкопали, у подошвы вѣковаго тека, могилу, и положили въ нее стараго воина, надѣвъ на него солдатскую шинель. Нѣтъ даже камня для означенія этого мѣста; но онъ нашелъ себѣ гробницу въ сердцѣ каждаго изъ насъ — гробницу, которая, и по прошествіи многихъ лѣтъ, не разрушается. Солдаты называли его отцомъ своимъ, и слезы полились по загрубѣлымъ лицамъ ихъ, когда пробили въ барабанъ къ походу.

Преграда, которой не могли мы преодолѣть, была устроена такъ искусно, что и теперь еще, когда она опустѣла, авангардъ усердно работалъ нѣсколько часовъ надъ открытіемъ входа, удобнаго для артиллеріи и обоза. Во время этой работы чрезвычайно драматическій эпизодъ дополнилъ душевныя волненія наши въ тотъ день. Два крестьянина явились впереди колонны съ мѣшкомъ, повѣшеннымъ на палку, которую несли они на плечахъ. Въ этомъ мѣш-

къ находился раненый ирландскій солдатъ, по необходимости оставленный нами на мѣстѣ битвы. Въ началѣ сраженія ему разбило бедро, и, послѣ нашего отбытія, онъ остался въ кустарникѣ. Лежа на землѣ, онъ увидѣлъ непріятелей, бродившихъ вокругъ него и отрубавшихъ головы мертвымъ и раненымъ; но, удерживая свои стоны, укрывался отъ ихъ поисковъ до восьми часовъ вечера. Въ это время, когда темнота распространилась съ обыкновенною въ тѣхъ климатахъ быстротою, случай привелъ одного бродягу къ тому самому мѣсту, гдѣ лежалъ Ирландецъ. Съ дивнымъ присутствіемъ духа послѣдній притворяется мертвымъ; Кургахъ останавливается съ восклицаніемъ удивленія, и готовится отрубить ему голову; съ этою цѣлью становится онъ на колѣна возлѣ раненнаго, наклоняется и поднимаетъ свой кукри. Нашъ воинъ выжидалъ этой минуты и скрывалъ свой штыкъ возлѣ себя; жертвуя одною рукою для принятія угрожавшаго удара, онъ, въ

то-же время, вонзаетъ другою рукою штыкъ въ сердце Индійца. Кургахъ падаетъ на своего непріятеля и умираетъ, не испустивъ ни одного крика. Уцѣлѣвшею рукою Европеецъ отталкиваетъ трупъ, который шакалы съѣдаютъ тутъ же возлѣ него. Въ продолженіе двухъ сутокъ некому перевязать его раны; нѣтъ ни куска хлѣба для удовлетворенія его голода, ни капли воды для утоленія его жажды. Жизнь становится для него несносною; онъ испускаетъ вопли и призываетъ непріятеля и смерть. Два крестьянина проходятъ мимо его: это богомольцы, идущіе въ какой-то храмъ, или отправляющіеся купаться въ священныхъ водахъ Кавери. Они приближаются, уносятъ его въ сосѣдственную деревеньку, гдѣ и кормятъ его до времени нашего прибытія. На четвертый день тѣ-же богомольцы приносятъ его къ намъ, еще живаго, но черви разъѣдаютъ уже у него раны. Человѣкъ этотъ пережилъ всѣ свои страданія, и живъ по сію пору. Надо было отнять у

него ногу, но руку вылечили. Имя ему Ирвинъ; онъ живетъ близъ Пондишери, въ Кодделоръ, гдѣ есть заведеніе для инвалидовъ, и въ 1837 году издалъ довольно любопытную брошюру о своихъ приключеніяхъ.

Пользуясь бездѣйствіемъ непріятеля и проходя форсированнымъ маршемъ преграды, почти непреодолимыя, нагроможденныя по нашей дорогѣ искусствомъ и природою, но никѣмъ уже незащищаемыя, мы достигли, 10го апрѣля, до столицы этого небольшаго государства, Меркары, гдѣ и соединились съ двумя другими корпусами арміи, южнымъ и восточнымъ. Одна только западная колонна не явилась на мѣсто, назначенное къ сбору войска; но она была такъ разбита, что, по необходимости, направилась къ своимъ квартирамъ. Въ столицѣ надѣялись мы встрѣтить одно лицо, котораго однакоже тамъ не было, и его отсутствіе приводило насъ въ нѣкоторое безпокойство; это самъ раджа. Онъ еще разъ перемѣнилъ свое намѣреніе, и бѣжалъ при нашемъ приближе-

нія. Положеніе наше, въ это время, могло сдѣлаться еще болѣе затруднительнымъ; потому что чѣмъ дальше заходили мы въ эту страну, тѣмъ болѣе невозможнымъ становилось наше отступленіе при свирѣпости мусона и предъ непріятелемъ, даже самымъ нерѣшительнымъ. Къ счастію для насъ, раджа, послѣ новыхъ недоумѣній, принялъ прежнюю свою мысль—поручить себя англійскому великодушію; явился, въ тотъже вечеръ, въ полночь, къ передовымъ постамъ лагеря, и добровольно сдался плѣнникомъ.

На другой день, 11-го апрѣля, поспѣшили перевести его изъ палатки англійскаго уполномоченнаго, полковника Фрасера, гдѣ онъ былъ принятъ, въ его собственный дворецъ. Тамъ присмотръ за нимъ, который полагали необходимымъ, былъ удобнѣе, и его не выпускали изъ виду до тѣхъ поръ, пока генералъ - губернаторъ не произнесъ ему приговора. Въ намѣреніи имѣть этотъ присмотръ самымъ деликатнымъ образомъ,

можетъ быть, также и для того, чтобъ наблюдать за его богатствомъ, которое полагали скрытымъ во дворцѣ, дивизіонный штабъ помѣстился вмѣстѣ съ государемъ, пользуясь, по видимому, его гостепріимствомъ. Этому обстоятельству обязанъ я былъ самымъ счастливымъ случаемъ посѣтить внутренность дворца на другой день нашего прибытія, тогда какъ онъ служилъ еще жилищемъ раджи. Мнѣ поручено было доставить депешу о дѣйствіяхъ 55-го полка, со времени выступленія его въ походъ до соединенія съ арміею въ главной квартирѣ, отъ майора Уаррена, принявшаго команду надъ полкомъ, къ бригадному командиру Линдсею. И такъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ британское знамя развѣвалось на стѣнахъ замка, я ѣхалъ уже верхомъ по меркарскимъ улицамъ, держа въ рукѣ талисманъ, долженствовавшій отворить мнѣ двери во дворецъ, котораго блескъ, увеличенный молвою, давно занималъ наше воображеніе, и воз-

буждалъ въ насъ живѣйшее любопытство.

Меркара неукрѣпленный городъ, имѣющій около 10,000 жителей и расположенный амфитеатромъ на отлогости горы, покрытой прекраснымъ лѣсомъ. Онъ замѣчателенъ по своему мѣстоположенію, чрезвычайно живописному. Во время завоеванія, городъ состоялъ изъ петтаха или собранія маленькихъ индійскихъ жилищъ, построеннаго довольно правильно полукругомъ, надъ которымъ возвышался и, нѣкоторымъ образомъ, прикрывалъ его за̀мокъ среднихъ вѣковъ о четырехъ прямоугольныхъ фасахъ, съ рвами и амбразурами, но безъ гласисовъ; слѣдовательно представлялъ собою простую, открытую каменную стѣну, которая могла устоять противъ холоднаго оружія и противиться напору народнаго возмущенія, но которая и четверти часа не выдержала бы нашихъ пушекъ. Позади за̀мка, ярко выказывая бѣлизну стѣнъ его, мрачный и густой лѣсъ вѣнчалъ всю вер-

шину горы, и описывалъ второй полукругъ, параллельный городу. Послѣдній похожъ былъ больше на базаръ, или на обширный каравансарай, нежели на столицу. Нѣтъ ни одного барскаго дома, ни одного жилища, которое показывало бы роскошь, или даже удобство жизни. Здѣсь, по-видимому, всегда жили только повелитель и рабы, и не было средняго класса. Вы видите однѣ хижины, почти повсюду лавки самой бѣдной наружности, глиняныя или землебитныя, однообразно построенныя по прямой линіи; передъ ними веранги или крытыя галлереи на деревянныхъ столбахъ, иногда вовсе необтесанныхъ; наконецъ — мечеть, весьма простую, и два пагода, довольно богато украшенные изваяніями, но уединенные и отдаленные отъ жилищъ: вотъ весь городъ. Что̀ касается до за̀мка, то онъ состоялъ изъ ограды, обведенной валомъ и описывавшей прямоугольное пространство, гдѣ возвышался дворецъ, съ его принадле-

жностями и нѣсколькими красивыми казармами новѣйшей постройки.

Въ опушкѣ лѣса, у одного изъ концовъ образуемаго имъ полукруга, на разстояніи полульё отъ города, находилось большое зданіе европейской постройки — старинный лѣтній дворецъ отца нынѣшняго раджи, превращенный преемникомъ его въ помѣщеніе для выставки трофеевъ охоты. Огромная зала уставлена была одпѣми слоновыми головами, и раджа увѣрялъ, что онъ самъ убилъ всѣхъ этихъ животныхъ. Чудовищные черепа эти, очень хорошо очищенные и бѣлые, расположены были въ нѣсколько рядовъ, клыками другъ противъ друга: каждый прострѣленъ былъ пулею почти въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, посреди лба; изысканность такой симметріи, явно выражая хвастовство хозяина, возбуждала улыбку. По этому надлежало заключить, что раджа всегда выходилъ на слоновъ спереди, и никогда не давалъ промаху, постоянно направляя удары въ ту

часть головы, гдѣ они могли быть смертельными. Другое зданіе, еще неконченное, находилось ближе къ городу: это новый дворецъ, строившійся европейскимъ архитекторомъ. Вокругъ него былъ уже расположенъ довольно красивый садъ съ водометами и кипарисами. Послѣ того, на возвышеніи, противоположномъ старому дворцу, увидѣли мы круглую площадь, вырытую въ горѣ для драки животныхъ и довольно живо напоминавшую римскія устройства этого рода, какъ напримѣръ въ Трирѣ.

Проѣзжая въ первый разъ по городу, я никого почти не встрѣчалъ на улицахъ; три четвертыхъ народонаселенія разбѣжались предъ вступленіемъ нашихъ войскъ, оставивъ большую часть своего имущества— одни изъ приверженности къ государю, но другіе, число которыхъ было несравненно больше, изъ боязни неистовства со стороны солдатъ. Почти у каждаго дома дверь заперта была замкомъ, или—что̀ показывало бѣдность и вмѣстѣ простодушіе жи-

телей — запечатана глиной, такъ что печать не успѣла еще и высохнуть. Эта увѣренность въ честности народа оправдывается на самомъ дѣлѣ: ни одна изъ печатей не сорвана, хотя я и видѣлъ бѣдняковъ, бродившихъ украдкою по переулкамъ, или присѣвшихъ на корточки подъ опустѣлыми верангами и очевидно дошедшихъ до послѣдней степени нищеты и страданій. Римская туника или рубашка съ короткими рукавами изъ толстой шерстяной ткани бѣлаго, или темнаго цвѣта, составляющая народную одежду, до того на нихъ изношена, что невозможно узнать первобытнаго ея вида: это рубище, изорванное на спинѣ и привязанное снуркомъ къ лохмотьямъ, висящимъ на груди, или на брюхѣ. Холстинное лангути есть единственная, неизорванная часть ихъ одежды; но и оно далеко еще не удовлетворяетъ требованіямъ стыдливости. Наблюдая эту картину, я спрашивалъ самого себя: между нашими народами, болѣе просвѣщенными и болѣе счастливыми,

въ опустѣломъ городѣ, при отсутствіи всѣхъ властей—болѣе ли уважается собственность, чѣмъ между индійскими народами? Едва-ли сравненіе это, въ нравственномъ отношеніи, не будетъ въ пользу бѣднаго Индійца. Но и не съ одной только стороны уваженія къ чужой собственности должны мы признать въ немъ высшую добродѣтель. Посмотрите на этихъ двухъ, или трехъ женщинъ, которыя рѣшились остаться дома для того, чтобъ ухаживать за своими престарѣлыми родителями, или за маленькими дѣтьми. Имъ слишкомъ по сороку лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ онѣ бываютъ уже прабабками въ тѣхъ странахъ, и надѣются, что старость предохранитъ ихъ отъ преслѣдованія мужчинъ; но и самая дряхлость не удалитъ отъ нихъ вѣжливостей британскаго солдата, такъ что, въ продолженіе восьми дней, въ нашемъ войскѣ, вѣроятно, произведено будетъ такое-же число судебныхъ слѣдствій по поводу насилій надъ этими несчастными. Должно-ли,

послѣ такихъ случаевъ, удивляться, что англійское Христіанство въ Индіи мало пріобрѣтаетъ обращенныхъ между язычниками?

Но и языческій деспотизмъ также имѣетъ свою дурную сторону; на примѣръ: въ числѣ весьма немногихъ людей, встрѣчавшихся мнѣ на улицахъ, къ удивленію моему, безпрестанно замѣчалъ я такихъ, у которыхъ не было то носа, то уха, или того и другаго, то обоихъ ушей. Потомъ узналъ я, что это происходило отъ наказанія, употребляемаго раджею, и онъ опредѣлялъ его, по своей волѣ, за самыя ничтожныя преступленія. То-же самое замѣчалъ я, хотя и рѣже, во владѣніяхъ низама; но я не ожидалъ, чтобъ царёкъ Кургаховъ могъ объявлять такія-же требованія на жестокость, какъ и другъ нашъ, Деканскій субадаръ, или его министръ. Эти небольшіе властелины, оставляемые въ независимости изъ уваженія къ трактатамъ, вообще употребляютъ во зло свою власть.

Нерѣдко случается, что бѣдные люди, терзаемые по повелѣнію туземнаго правительства, являются къ резиденту съ жалобами на своихъ министровъ; но резидентъ можетъ только изъявить свое негодованіе, и не имѣетъ никакого средства прекратить зло на будущее время; его заступленіе нерѣдко даже вредитъ тому, кто жалуется. Иногда, для того чтобъ не допустить возобновленія жалобы, употребляютъ наказанія, еще болѣе жестокія; напримѣръ, заключеніе въ *тайную:* несчастнаго сажаютъ въ узкую тюрьму, закладываютъ наглухо камнями, и онъ умираетъ съ голоду. Такой способъ наказанія весьма употребителенъ въ Гайдерабадѣ.

Малочисленность жителей, на эту пору, замѣнялась, по крайней мѣрѣ, легіонами обезьянъ, сидѣвшихъ на всякой кровлѣ, на всѣхъ высотахъ; онѣ или спокойно смотрѣли, какъ я проѣзжалъ, или прыгали со стѣны на стѣну съ удивительною быстротою. Въ обыкновенное время, для одинокаго

путешественника, было бы чрезвычайно опасно убить обезьяну—несравненно опаснѣе, нежели убить человѣка. Животное это почитается священнымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, оно есть одно изъ воплощеній Вишну; во-вторыхъ, въ войнѣ Цейлана съ Индіею обезьяны приняли сторону Индійцевъ.

По прибытіи моемъ въ замокъ, я нашелъ 39-й полкъ королевско-англійской арміи расположившимся въ казармѣ, назначенной для тѣлохранителей государя; а генерала Линдсея, командующаго дѣйствующею арміею и помѣстившагося въ главной залѣ дворца, засталъ я за завтракомъ съ раджею и съ полномочнымъ министромъ. Комната, большая четыреугольная зала, была меблирована по-европейски, диванами и креслами съ позолотою; стекла во всѣхъ рамахъ и французскіе часы у всѣхъ простѣнковъ между италіянскими окнами; двѣ картины: одна — большой, писанный масляными красками портретъ маркиза Уэллеслея; другая—грави-

рованный и раскрашенный, весьма дурной портретъ Наполеона, были до половины прикрыты драпировками. Нѣсколько паръ англійскихъ собакъ, въ родъ испанскихъ, называемыхъ King Charles' breed, свободно ходили по комнатѣ и, по-видимому, были въ большой милости у государя. Что̀ касается до него самого, то Мага Раджа Вира-Джундра-Вудіоръ, котораго подданные называли не иначе, какъ Мага Сами (великій богъ, представитель божества), былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати восьми, небольшаго роста, плотнаго тѣлосложенія и весьма дурной наружности; жидовское лице его и такая же борода, носъ выгнутый, какъ у попугая, глаза какъ у хищной птицы, что-то свирѣпое и неблагородное — съ перваго взгляда, производили самое непріятное впечатлѣніе. Онъ не испыталъ еще, во всю жизнь, никакого ограниченія, и никогда не имѣлъ нужды притворяться, и потому всѣ его порывы, всѣ его мысли рисовались въ его подвижной физіо-

номіи; они обличали злодѣя, который не имѣетъ духу разить своего противника, и выражали борьбу ненависти съ боязнію. Онъ сидѣлъ, сложивъ крестомъ ноги, какъ портной, на крѐслахъ, въ которыхъ, казалось, ему было очень неловко, и безпокойнымъ, вопрошающимъ взоромъ смотрѣлъ на всякое новое лицо, являвшееся въ комнатѣ. Я готовъ былъ съ сожалѣніемъ смотрѣть на его несчастіе; но удалился отъ него съ отвращеніемъ.

Въ генералѣ Линдсеѣ нашелъ я весельчака, который любитъ угощать своимъ бордосскимъ виномъ, и самъ пьетъ его какъ знатокъ. Напыщенный всею своею важностью, онъ говоритъ медленно и при каждомъ выраженіи громко восклицаетъ: а! а! что́ и заставило солдатъ нашихъ дать ему прозваніе: генералъ А! А! Уполномоченный отъ Компаніи, полковникъ Фрасеръ (нынѣ генералъ майоръ и политическій резидентъ при дворѣ Гайдерабадскаго низама), былъ лѣтъ двадцать повѣреннымъ въ дѣ-

лахъ британскаго правительства при французскихъ колоніяхъ въ Индіи. Объ немъ съ уваженіемъ вспоминаютъ еще въ Пондишери, гдѣ онъ извѣстенъ одними только благодѣяніями: къ сожалѣнію, онъ имѣлъ слабость навсегда удалиться оттуда въ минуту своего негодованія, потому что нашелъ тамъ неблагодарныхъ — какъ будто неблагодарность не такое-же живучее растеніе между его соотечественниками, какъ и между Французами. Генералъ Фрасеръ принадлежитъ къ числу космополитовъ по своимъ обширнымъ познаніямъ, великодушію и возвышенному образу мыслей. Какъ отличный астрономъ, онъ былъ корреспондентомъ и другомъ Лежандра и Лапласа; какъ искусный дипломатъ, и при томъ благонамѣренный и благородномыслящій, онъ нѣсколько разъ противодѣйствовалъ видамъ своего правительства, желая удержать его отъ необузданнаго высокомѣрія; хотя и Англичанинъ, онъ однако-же снисходителенъ къ иностранцамъ; чуждъ предразсуд-

ковъ и гордости: это рѣдкое явленіе, которое встрѣчаешь съ особеннымъ удовольствіемъ.

Кургахи составляютъ подраздѣленіе многочисленнаго племени *Неровъ*, воинственной касты, происходящей отъ касты хатрій и занимающей весь Конканскій берегъ. Сошедши первоначально съ Гималайскихъ горъ, Неры распространились преимущественно вдоль Малабарскаго берега, въ Канарѣ, Вайнаадѣ и, по протяженію горъ, до Коморинскаго мыса. Мы имѣли случай встрѣтить нѣсколько семействъ этой касты во время нашего пребыванія въ Меркарѣ. Ихъ обычаи отличаются отъ кургахскихъ тѣмъ только, что допускаютъ многомужство, распространеніе котораго, безъ сомнѣнія, преувеличиваютъ въ разсказахъ, между тѣмъ какъ оно совсѣмъ не такъ свойственно гражданскому обществу, какъ многоженство, и, по большой части, состоитъ въ союзѣ женщины съ нѣсколькими братьями. Въ этомъ видѣ и Жакмонъ находилъ

многомужство въ Биссагиръ, Канаверъ и другихъ гималайскихъ округахъ на Тибетской границѣ. У малабарскихъ Неровъ этотъ обычай есть неоспоримое право: женщина, выходя замужъ за одного брата, дѣлается законною женою всѣхъ другихъ братьевъ.

XXVI.

КУРГСКІЯ ВЛАДѢНІЯ ПРИСОЕДИНЯЮТСЯ КЪ КОМПАНЕЙСКИМЪ. — 55-Й ПОЛКЪ СОПРОВОЖДАЕТЪ РАДЖУ ПЛѢННИКОМЪ ВЪ БАНГАЛОРЪ. ОТБЫТІЕ ВЪ ЭТОТЪ ГОРОДЪ. — ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ. — СЕРИНГАПАТАМЪ; ПРОЛОМЪ; МЕЧЕТЬ; ПОТАЕННЫЙ ХОДЪ; ГРОБНИЦЫ И НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИКЪ ГАЙДЕРЪ-АЛИ И ТИППУ.

Генералъ-губернаторъ не замедлилъ отвѣтомъ относительно раджи. Ему оставляли жизнь и довольно значительное состояніе, около милліона франковъ доходу, съ условіемъ жить всегда въ Бенаресѣ, подъ присмотромъ чиновника отъ правительства, на котораго возлагалась отвѣтственность за его лице и управленіе его финансами. Правительство не принимало на себя никакой новой издержки по случаю этой пенсіи: она просто была доходомъ съ капитала, положеннаго самимъ раджею, задолго

до войны, въ компанейскую кассу; объ этой суммѣ были еще совѣщанія: конфисковать ли ее въ пользу правительства, или раздѣлить войску, какъ добычу. Однако боязнь поколебать довѣренность другихъ туземныхъ государей, также помѣстившихъ свои капиталы въ компанейскую кассу, заставила отказаться отъ этого недобросовѣстнаго намѣренія. И такъ, захвативъ только, въ пользу арміи, все богатство, найденное во дворцѣ и составлявшее довольно значительную сумму, потому что, чрезъ два года послѣ того, я получилъ на свою долю, соотвѣтственно моему чину, 6000 франковъ, капитанамъ досталось по 10,000, а генералу Линдсею 140,000. Въ этомъ дѣлежѣ доля простаго солдата принимается за единицу; капралъ получаетъ двѣ доли, сержантъ четыре, старшій сержантъ восемь, подпоручикъ шестнадцать, и такъ далѣе по старшинству чиновъ; но прогрессія эта для штабъ-офицеровъ и генераловъ не такъ уже правильна.

Что касается до владѣній раджи, то они просто присоединены были къ компанейскимъ; но какъ правительство имѣло случай узнать храбрость и умѣнье драться этихъ горцевъ въ войнѣ по способу герильясовъ, то политика требовала расположить ихъ въ пользу Компаніи. Цѣли этой достигли значительнымъ сбавленіемъ податей, назначивъ сборъ ихъ въ половину противъ того, что̀ подданные платили своему законному государю, или противъ того, что́ сосѣди ихъ платили Компаніи. Такимъ образомъ этотъ немногочисленный народъ, состоящій изъ лѣсниковъ и охотниковъ, съ суровыми обычаями и неутомимый, котораго отважность могла сдѣлаться опасною, нашелъ вещественную выгоду перейдти подъ владычество Англичанъ; при такой мѣрѣ, всегда благонадежной противъ корыстолюбивыхъ индійскихъ народовъ, не только не слѣдовало опасаться какого нибудь возмущенія въ пользу прежняго порядка дѣлъ, но можно было рѣшительно полагать,

что еслибъ государь снова появился въ земле своей, то его же собственные подданные вооружились бы противъ него. Посредствомъ такого расположенія умовъ пріобрѣталась также точка опоры и основаніе для военныхъ дѣйствій въ центрѣ горной страны, всегда непрочно подчиненной Англичанамъ и непользующейся преимуществами, какія дарованы Кургахамъ. Это система Макіавеля: *divide et impera* *(раздѣляй и повелѣвай)*.

Результаты этой искусной политики, честь которой вполнѣ принадлежитъ полковнику Фрасеру, превзошли всякое ожиданіе; тогда-же можно было, безъ опасенія, вывести изъ Кургской области всѣ туземныя войска, исключая половину артиллерійской роты и пѣхотный батальонъ, но и тѣ скорѣе могли служить только отрядомъ жандармовъ, нежели гарнизономъ.

По окончаніи этихъ распоряженій, во-первыхъ, надлежало, какъ можно скорѣе, удалить владѣльца той страны въ благо-

надежное мѣсто прежде, нежели успѣютъ отправить его въ Бенаресъ; во-вторыхъ, вывести дѣйствующую армію прежде наступленія мусона, который обнаруживался уже частыми бурями. И потому сперва занялись составленіемъ конвоя, и положено было двинуть армію въ походъ къ ея квартирамъ въ то время, когда раджа будетъ за границею Кургскихъ владѣній.

Вообще признано было, что 55-й полкъ королевской арміи пострадалъ больше другихъ и игралъ самую блистательную роль въ кратковременной войнѣ, нами описанной. По этому соображенію, онъ назначенъ былъ, предпочтительно предъ другими, для сопровожденія раджи, какъ государственнаго плѣнника, отъ Меркары до Бангалора, откуда слѣдовало отправить его въ Мадрасъ и наконецъ уже въ Бенгалію. Сверхъ 55-го полка, которому исключительно поручалась личная безопасность государя, конвойная дивизія состояла изъ двухъ туземныхъ пѣхотныхъ полковъ, и должна была

находиться подъ начальствомъ бригадира Стѐуэрта, командовавшаго южною колонною во время войны. Днемъ отбытія назначили 24-е апрѣля. Намъ слѣдовало принять особу раджи въ часъ по-полудни и тотчасъ отправиться въ путь. По излишне-строгому соблюденію дисциплины, обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ, за три четверти часа до назначеннаго времени мы уже стояли передъ воротами за̀мка и были готовы къ походу; но прошелъ часъ, два, три—мы все стояли подъ убійственнымъ солнцемъ, и ни малѣйшее движеніе на дворѣ не обнаруживало появленія плѣнника. Солдаты начали негодовать; офицеры также едва удерживали свое нетерпѣніе: мы не знали, чему приписать такое замедленіе, которое могло быть пагубнымъ для конвоя, потому что солдаты — то одинъ, то другой—ежеминутно падали въ рядахъ, пораженные или апоплексіею, или ударомъ солнечныхъ лучей. Наконецъ узнали мы, что во внутренности дворца происходила одна

изъ сценъ, разрывающихъ сердце: несчастный государь отдался въ плѣнъ и приказалъ побѣдоносным войскамъ своимъ очистить намъ пути, ведущіе къ столицѣ, не иначе, какъ въ надеждѣ, и даже—какъ говорили—при формальномъ обѣщаніи со стороны Англичанъ, что ему простятъ его заблужденіе и не возмутъ всѣхъ его владѣній. Онъ и ожидалъ, что ему оставятъ только призракъ царской власти, какъ поступлено было со многими другими; но что, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ дышать воздухомъ родной земли, въ кругу своего гарема, и умретъ тамъ, гдѣ жили его предки: безъ этого условія онъ не согласился бы ни на какую уступку, и тогда погибель наша была бы неизбѣжна. Все равно — на чемъ бы ни основывалъ онъ своей надежды, но она обманула его: генералъ-губернаторъ, лордъ Вилліамъ Бентинкъ, произнесъ отрѣшеніе его отъ престола. Это извѣстіе сообщили ему въ тотъ самый день, когда онъ долженъ былъ разстаться съ своею

родиной; его печаль, бѣшенство и сожалѣніе о томъ, что повѣрилъ великодушію Англичанъ, не имѣли предѣловъ; онъ терзался въ ужасномъ кривляньи, рвалъ на себѣ волосы, ломалъ руки и раздиралъ свое платье. Долго не могъ онъ рѣшиться сѣсть въ великолѣпный, вызолоченный паланкинъ, послѣдній призракъ его власти, долженствовавшій перенести его въ отдаленную тюрьму. Его жены, въ числѣ двадцати пяти, испускали ужасные вопли и довершали въ немъ душевное волненіе, цѣлуя ему колѣна, осыпая его ласками и клянясь раздѣлить съ нимъ его заточеніе.

Между тѣмъ войско и уполномоченные отъ Компаніи выходили изъ терпѣнія, и грозили употребить силу. Несчастный раджа, въ послѣднюю минуту, ободрилъ себя чувствомъ своего достоинства: онъ не хотѣлъ подвергаться грубому прикосновенію солдатъ, и твердо рѣшившись наконецъ предаться судьбѣ своей, бросился въ паланкинъ, гдѣ затворился на нѣкоторое время,

пока приготовлялись въ дорогу его жены, которымъ позволили слѣдовать за нимъ. Носилки ихъ, числомъ двадцать пять, присоединены были къ походному госпиталю и составляли часть арьергарда, надъ которымъ начальство поручено было одному толстому офицеру, по имени Гай, назначенному для того самимъ раджею, принявшимъ его за евнуха по его толщинѣ.

По окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій, позолоченный царскій паланкинъ показался наконецъ на порогѣ дворца, потомъ посреди 55-го полка, который построился въ каре для принятія его, и конвой двинулся въ походъ. Въ эту минуту раджа отворилъ дверцу; маіоръ Уарренъ тотчасъ велѣлъ отдать ему честь; онъ отблагодарилъ за это; но лице его было облито слезами, и онъ съ горестью смотрѣлъ на свой дворецъ, на поля, на эти родимые лѣса, которыхъ никогда уже не увидитъ. Дорога сначала повела насъ мимо лѣтней резиденціи его отца; здѣсь находилось небольшое предмѣстье,

отдѣлявшееся отъ столицы. Всѣ жители стояли у дверей своихъ домовъ: при видѣ государя, они почтительно поклонились въ землю, вскричавъ: *Сами! Сами! (богъ! богъ!)* То было послѣднее поклоненіе его божеству, и бѣдный смертный, которому придавали это титло въ послѣдній разъ, рыдалъ какъ женщина, удаляясь отъ своего элизія.

Пройдя два льё густымъ лѣсомъ, по узкой тропинкѣ, гдѣ присмотръ за плѣнникомъ становился чрезвычайно затруднительнымъ, и гдѣ, при малѣйшей отважности, ему легко было бы уйдти отъ насъ—увидѣли мы нѣсколько палатокъ на лощинѣ между большими деревьями: то былъ нашъ лагерь, заранѣе расположенный. Довольно большое, огороженное пространство назначено было для раджи и его гарема; тамъ помѣстили паланкинъ и носилки съ нѣкоторымъ числомъ служителей; потомъ разставили вокругъ этого мѣста кордонъ часовыхъ, съ приказаніемъ никого не выпускать до раз-

свѣта. Въ девять часовъ вечера раджа сѣлъ, при свѣтѣ луны, у дверей своего павильона. Его посѣтили полковникъ Стеуэртъ и офицеры штаба. Во время бесѣды ихъ военная музыка разныхъ полковъ играла нѣсколько пьесъ и, по-видимому, доставляла ему удовольствіе. Около десяти часовъ вдругъ разнесся слухъ, что корпусъ Курґаховъ идетъ атаковать насъ для освобожденія своего государя. Раджа вошелъ въ огороженное мѣсто, и половина конвоя стала подъ ружье. Слышался довольно странный шумъ, какъ будто стрѣльба изъ ружей въ нѣкоторомъ разстояніи. Скоро узнали, что, по какому-то случаю, загорѣлась часть лѣса неподалеку отъ лагеря, что раздававшіеся залпы происходили отъ бамбуковъ, по мѣрѣ того какъ они загорались, и воздухъ, который содержали внутри себя, расширялся отъ жара. Для насъ, окруженныхъ лѣсомъ, непріятель этотъ могъ быть опаснѣе, нежели тотъ, котораго мы сначала ожидали; но безпо-

койство наше скоро миновалось: вѣтеръ подулъ отъ насъ въ ту сторону, гдѣ былъ пожаръ, и удалилъ его, а вмѣстѣ съ вѣтромъ пошелъ и сильный дождь, продолжавшійся до утра.

Апрѣля 25-го. Поутру вѣтеръ утихъ, но густой туманъ, который по временамъ падалъ мелкимъ дождемъ, придавалъ всему лагерю самую невеселую физіономію. Тронувшись съ мѣста въ восемь часовъ утра, мы едва могли идти. Вода, намочивъ наши палатки, удвоила тяжесть ихъ; земля размокла на полфута или на футъ глубиною; во многихъ мѣстахъ вода стояла фута на два, и животныя неохотно шли въ эти лужи. Волы, если только имѣешь терпѣніе дожидаться ихъ, чудесныя животныя; они все-таки, несмотря ни на что, идутъ своимъ медленнымъ шагомъ. Этого не льзя сказать о верблюдахъ: грязь губитъ ихъ; они безпрестанно поскользаются, вывихиваютъ себѣ ноги, падаютъ, и уже не встаютъ болѣе. По этимъ несчастнымъ случаямъ, ко-

торымъ невозможно помочь, мы должны были, на пространствѣ четырехъ льё, оставить на дорогѣ значительную часть нашихъ съѣстныхъ припасовъ и другой поклажи. Часа въ два по-полудни прибыли мы въ деревеньку Джумбуръ, все еще въ лѣсу. Павильонъ для раджи былъ здѣсь не такъ уже великолѣпенъ, какъ наканунѣ, и огороженное мѣсто вполовину меньше. Впрочемъ, число служителей и даже женъ его уменьшилось въ такой-же соразмѣрности; изъ двадцати пяти супругъ при немъ осталось только десять; другія направились къ селеніямъ и возвратились къ своимъ семействамъ. Такова, по большой части, бываетъ привязанность къ несчастнымъ!

Апрѣля 26-го. Новый дождь, а съ нимъ и новыя тревоги. Вода окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ; земля, по-видимому, выпускаетъ на насъ милліоны пресмыкающихся; скорпіоны и тысяченожки вползаютъ повсюду; зловонный запахъ, гады и безпрестанныя безпокойства преслѣдуютъ насъ

даже и въ палаткѣ. Пройдя четыре льё, мы останавливаемся въ Рамсами-Коновей, большомъ селеніи на берегу Кавери. На площади, противъ пагода, находится довольно примѣчательное изваяніе: быкъ обыкновенной величины, лежащій на гранитной платформѣ и защищенный отъ суровости воздуха башенкой на столбахъ. Шея животнаго обременена была гирляндами изъ цвѣтовъ, и народъ кланялся въ землю передъ платформой при звукѣ трубъ и барабановъ.

Апрѣля 27-го мы переправились чрезъ Кавери. Тутъ мы были въ Майсорскихъ владѣніяхъ; страна лѣсовъ и горъ осталась позади насъ. Четыре льё далѣе, близь селенія Балькнуръ, стояли лагеремъ: эскадронъ 8-го полка туземной кавалеріи и рота конной артиллеріи, посланные къ намъ на встрѣчу изъ Бангалора. Офицеры, бывшіе при этомъ отрядѣ, сказывали намъ, что слухъ о бѣдствіяхъ, понесенныхъ въ одно и то-же время обѣими колоннами, сѣверною и западною, произвелъ самое неблагопріятное для

насъ впечатлѣніе во всей странѣ, которою слѣдовало намъ проходить; что черныя знамена тотчасъ водружены были во многихъ деревняхъ въ окрестностяхъ Серингапатама, и что нѣкоторое время, въ самомъ дѣлѣ, опасались общаго возмущенія въ той странѣ, какъ вдругъ неожиданное извѣстіе о покорности раджи отняло духъ у зачинщиковъ. Все, разумѣется, пришло въ прежній порядокъ, но тѣмъ не меньше нашли благоразумнымъ усилить нашъ конвой. Впрочемъ, маршрутъ нашъ не перемѣнился, и не безъ основанія полагали, что появленіе царственнаго плѣнника, котораго торжественно понесутъ мимо того мѣста, гдѣ погибъ Типпу, будетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ остановить волненіе въ народѣ и успокоить умы.

На два дня, 28-е и 29-е апрѣля, остановили походъ для перемѣны порядка въ конвоѣ и успокоенія больныхъ. Кровавый поносъ свирѣпствовалъ въ лагерѣ; мы лишились почти всѣхъ нашихъ верблюдовъ; таковы

обыкновенно дѣйствія муссона. Утрата вьючныхъ животныхъ произвела бы совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, еслибъ счастливый случай на ту пору не свелъ насъ съ таборомъ *Бринджари*. Бринджари или Ламбади—индійскіе цыганы: это главный корень, отъ котораго происходятъ всѣ скитающіяся по Европѣ племена того-же имени. Мѣсто, откуда они первоначально вышли, неизвѣстно: довольно близкое сходство по наружности съ Мараттами намекаетъ на одинакое ихъ происхожденіе; но религіею, нравами, обычаями и языкомъ они различаются отъ всѣхъ кастъ этой конфедераціи. Бринджари очевидно составляютъ одно, или нѣсколько подраздѣленій касты парій, но отдѣльно отъ общества Индусовъ и независимо отъ религіи Брамы и отъ законовъ Мену. Г-нъ Ріенци относитъ происхожденіе ихъ ко времени вторженія въ Индію знаменитаго Тимура, называемаго у насъ Тамерланомъ, въ 1398 году. По его извѣстію, касту эту

образовали въ то время орды парій всѣхъ оттѣнковъ, сопутствовавшія монгольскимъ арміямъ въ качествѣ шпіоновъ и подрядчиковъ на съѣстные припасы, и, отъ долговременнаго сближенія другъ съ другомъ по ремеслу, составившія особый народъ. Нынѣ Бринджари встрѣчаются безчисленными таборами, кочуя въ разныхъ мѣстахъ по всему огромному пространству Индостанскаго полуострова, и торгуютъ преимущественно хлѣбными зернами. Во время войны они предаются грабежу, привозятъ провіантъ въ армію и наводняютъ ее шпіонами и танцовщицами. Въ мирное время ткутъ толстыя полотна и торгуютъ рисомъ, коровьимъ масломъ, солью, аракомъ и опіумомъ; впрочемъ, занимаются всѣми ремеслами, а жены ихъ гадаютъ. Послѣднія хороши собою и стройны, какъ и большая часть индійскихъ женщинъ, но чрезвычайно склонны къ самому отвратительному сладострастію, такъ что иногда онѣ готовы, подобно вакханкамъ миѳологическихъ временъ,

толпами идти на пріискъ себѣ любовниковъ, и растерзать въ клочки тѣхъ, которые отказались бы отъ удовлетворенія ихъ желаніямъ. Одежда ихъ испестрена разными цвѣтами, и очень красива, когда нова; но онѣ никогда не перемѣняютъ ее до тѣхъ поръ, пока износится въ лохмотья на ихъ тѣлѣ, и, по-видимому, съ удовольствіемъ держатъ себя въ нечистотѣ. При нашемъ затрудненіи, встрѣча съ этою ордою была намъ весьма полезна. Въ два дня Бринджари доставили полное количество провіанта въ нашъ коммиссаріатъ, замѣнили вьючныхъ животныхъ, нами утраченныхъ, и удовлетворили всѣмъ нашимъ потребностямъ. »Бринджари дружны между собою »и живутъ семействами; нерѣдко случает»ся, что отецъ съ дочерью, дядя съ пле»мянницей, братъ съ сестрою живутъ »вмѣстѣ и имѣютъ связь, подобно живот»нымъ. Они недовѣрчивы, лживы, игроки, »пьяницы и совершенно безграматны; у »нихъ нѣтъ никакой религіи и никакого,

»вѣрованія, кромѣ боязни злыхъ духовъ и »судьбы *.«

Почти всѣ горные Кургахи, сопровождавшіе раджу до сихъ поръ, оставили его здѣсь, на границѣ его владѣній. Изъ числа трехъ сотъ человѣкъ осталось только шестнадцать. Надобно было выбрать для него *баги* изъ солдатъ, для замѣны его носильщиковъ, которые также исчезли. Что касается до его женъ, то ихъ осталось только три; изъ нихъ одна старшая — его первая и послѣдняя любовь — та, которую онъ больше любитъ и которую оскорблялъ больше другихъ. Эти три жены останутся ему до конца вѣрными; будутъ сопутствовать ему въ Бенаресъ и раздѣлятъ съ нимъ плѣнъ его.

Начиная отъ Балькпура, царскій блескъ исчезаетъ; обширный павильонъ, съ его стѣнами, подбитыми матеріею алаго цвѣта, уничтоженъ. Для раджи назначена капитанская палатка, возлѣ которой ставится дру-

* Ріенци.

гая такой-же величины для трехъ женъ его, соединенная съ первою простымъ занавѣсомъ, для защиты ихъ отъ любопытства конвоя. Военная музыка перестаетъ играть для развлеченія скуки государя, и съ каждымъ днемъ увеличивается тяжесть его цѣпей: онъ не иное что, какъ военный плѣнникъ, хранимый тщательно и безъ церемоніи. Каждый день на караулъ къ нему является новая рота и новый офицеръ 55-го полка, и помѣщаются въ палаткѣ, примыкающей къ той, которую онъ занимаетъ. Офицеръ обязанъ, какъ днемъ, такъ и ночью, нѣсколько разъ посѣщать государя, для того чтобъ удостовѣриться въ его присутствіи, за которое отвѣчаетъ онъ лицомъ своимъ, не смотря на возраженія плѣнника, горько жалующагося на коротхость обращенія при такихъ посѣщеніяхъ. Характеръ англійскаго народа совершенно положительный; у него уваженіе къ людямъ всегда соразмѣряется съ ихъ властію и счастіемъ. Въ его обращеніи съ несчастнымъ всегда

господствуетъ короткость, которая иногда дѣлается такъ-же несносною, какъ и оскорбленіе.

Апрѣля 30-го прибыли мы въ Киттуръ (три съ половиною льё), небольшое мѣстечко, въ которомъ отъ пяти до шести сотъ домовъ. Если смотрѣть на него въ нѣкоторомъ отдаленіи, то оно имѣетъ довольно красивый видъ въ странѣ, поросшей прекраснымъ лѣсомъ и представляющей разнообразныя мѣстоположенія. Вблизи—все та-же бѣдность, та-же нечистота, тѣ-же гады. Площади заняты караванами бѣдныхъ путешественниковъ, купцовъ и богомольцевъ, которые оставляютъ послѣ себя неизбѣжные слѣды своего прохода. Соединяясь другъ съ другомъ, они стараются тѣмъ самымъ предохранить себя отъ ночныхъ воровъ. Видно, что прежнія, нынѣ оставленныя и разрушающіяся части этого мѣстечка, всѣ состояли изъ хорошихъ каменныхъ домовъ, какихъ теперь уже не строятъ. Новыя

постройки возлѣ нихъ, сдѣланныя изъ непрочныхъ матеріаловъ и обѣщающія простоять не больше трехъ лѣтъ, доказываютъ, до какой степени уменьшились удобства жизни въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Даже въ смутныя времена нападеній Пиндари и внутреннихъ войнъ, государство это, по-видимому, было не такъ бѣдно, какъ теперь. Можно подумать, что здѣсь существовалъ нѣкогда средній классъ, быстро и недавно исчезнувшій: но, въ такомъ случаѣ, что́ сдѣлалось съ нимъ и какимъ образомъ уничтожился онъ? Я начинаю, въ самомъ дѣлѣ, предлагать себѣ вопросъ: неужели Индія несчастнѣе подъ управленіемъ англійской цивилизаціи, нежели подъ властію мусульманскаго деспотизма, или среди судорожныхъ движеній анархіи? Иго иноплеменное не есть-ли настоящій политическій вампиръ?

Мая 1-го, въ Іертора (пять льё). Несчастный раджа, болѣе и болѣе тревожимый оскорбленіемъ его самолюбія, его достоин-

**

подвергавшагося взорамъ офицеровъ конвоя, и обманутый въ своей любви и надеждахъ, сдѣлался серьёзно боленъ. Надобно было дать ему нѣсколько дней успокоиться, и потому на-завтра назначили роздыхъ.

Въ этотъ самый день, 2-го мая, пришла моя очередь быть на караулѣ; съ сожалѣніемъ ждалъ я приближенія этого дня, потому что должность тюремщика внушала мнѣ глубокое отвращеніе; но невозможно было избѣгнуть ея—это была моя обязанность по службѣ. Принявъ раджу отъ моего предмѣстника, я отдалъ ему почтительный азіятскій саламъ, употребляя титло «Мага-раи» и «Гузретъ,» равносильное титлу «Ваше Величество» въ нашихъ земляхъ. Удивленный и тронутый вѣжливостью, отъ которой уже отвыкъ, онъ старался удержать меня при себѣ, и я, вопреки самому себѣ, съ невольною готовностью согласился исполнить его желаніе; потому что, какъ Французъ, я опасался съ неблаго-

пріятной стороны выказать себя предъ моими начальниками, принимая сердечныя излiянiя отъ плѣнника. Надо замѣтить, что въ 55-мъ полку я былъ единственный офицеръ, знавшій туземный языкъ: по-этому раджа, по прошествіи нѣсколькихъ дней, въ первый разъ встрѣтилъ человѣка, который могъ понимать его, слѣдовательно надѣялся развлечь себя въ разговорѣ. Онъ воспользовался этимъ случаемъ для облегченія своего сердца отъ тяготившаго его бремени, и всею душою предался удовольствію несчастныхъ—праву жаловаться. Нечувствительно увлекся я любопытствомъ при разговорѣ съ нимъ, и наконецъ спросилъ у него: почему былъ онъ такъ безразсуденъ, что сдался, когда уже одержалъ двѣ побѣды — когда, при помощи муссона, одно только сопротивленіе, которое легко бы могъ онъ продолжить двѣ или три недѣли, не давъ ни одного ружейнаго выстрѣла и скрываясь въ непроходимыхъ лѣсахъ своихъ, непремѣнно погубило бы насъ? Я

не могъ удержаться, и упрекнулъ его въ этомъ, подобно зрителю шахматной игры, упрекающему одного изъ игроковъ въ рѣшительномъ и неосмотрительномъ ходѣ, отъ котораго онъ проигралъ партію. Раджа простодушно отвѣчалъ мнѣ горькою жалобою на свою ошибку, и приписывалъ ее своей судьбѣ, своему недоброму генію. Ему извѣстно было—говорилъ онъ—что отъ него зависѣло истребить насъ до послѣдняго человѣка, и жалѣлъ, что не сдѣлалъ этого, потому что всегда успѣлъ бы заключить миръ на такихъ условіяхъ, какъ теперь. Но онъ полагалъ, что средства Компаніи неистощимы; что, въ болѣе благопріятное время, противъ него пошлютъ новыя войска, и что напослѣдокъ все-таки надо будетъ уступить. Съ другой стороны ему подали надежду, что непосредственною покорностью онъ, по крайней мѣрѣ, удержитъ за собою свои владѣнія подъ опекою Англичанъ. Раджа присовокупилъ, что еслибъ могъ предвидѣть вѣроломство, упо-

требленное противъ него, то сопротивлялся бы до самой смерти, предпочитая могилу въ своихъ горахъ плѣну, ожидающему его въ Бенаресѣ. Всякій разъ, какъ мысль эта представлялась уму его, онъ изъявлялъ самыя горькія сожалѣнія, произносилъ самыя ужасныя проклятія, и обливался слезами такъ, что больно было слышать его. Смѣна моего караула служила мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ.

Мая 4-го дошли мы до Полалли, деревеньки, лежащей на равнинѣ, въ полульё отъ Серингапатама.

Было десять часовъ утра; мы прошли шесть льё по дорогѣ, чрезвычайно утомительной, песчаной и усѣянной скалами. Но, за три четверти льё, на горизонтѣ равнины видны два прекрасные минарета, возвышающіеся, какъ надгробный памятникъ, надъ павшею столицею Майсора. Тутъ забыли мы всю усталость; каждый изъ насъ нетерпѣливо желалъ пробѣжать сцену одной изъ самыхъ лучшихъ драмъ Индійской исто-

ріи. По странной случайности, увеличивавшей живость нашихъ впечатлѣній, день этотъ былъ именно днемъ паденія Майсорскаго государства, столь блестящаго и столь кратковременнаго. Минуло ровно тридцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ пресѣклась династія, имѣвшая только два царствованія; но она слилась со всѣмъ существованіемъ, со всѣми воспоминаніями народа, обязаннаго ей своею славою и своимъ благосостояніемъ. Нѣсколько уже дней, въ селеніяхъ, которыми мы проходили, имена Гайдеръ-Али и Типпу слышались со всѣхъ сторонъ. Воображеніе наше увлекалось историческими воспоминаніями на каждомъ шагу, и мы, съ какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ и трепетомъ, готовились преклониться предъ гробницами этихъ сподвижниковъ азіятской независимости — жертвъ своего патріотизма. Но другая мысль, болѣе мнѣ близкая, болѣе печальная, стѣсняла мнѣ сердце; другой образъ являлся мнѣ на этомъ, еще незадѣланномъ проломѣ,

заставляя меня принимать въ немъ особенное участіе и возбуждая въ душѣ моей самыя трогательныя ощущенія. Въ тотъ-же день минуло тридцать пять лѣтъ, какъ отецъ мой, офицеръ, такъ-же случайно вступившій здѣсь въ службу, какъ и я, велъ англійское войско на осаду этихъ самыхъ укрѣпленій, былъ раненъ, и кровью своею заплатилъ за гостепріимство на чужбинѣ. И въ тотъ-же самый день, чрезъ тридцать пять лѣтъ, сынъ его приближался къ тѣмъ-же самымъ стѣнамъ, въ такомъ-же мундирѣ, сопровождая за конвоемъ царственнаго плѣнника: странныя прихоти судьбы!

Въ обществѣ двухъ любимыхъ товарищей моихъ, лейтенантовъ Бейли и Гавилланда, я отправился пѣшкомъ въ Серингапатамъ. Кавери, образующая излучистымъ теченіемъ своимъ множество каналовъ, попадалась на каждомъ шагу. «Извиваясь въ до-»линѣ по направленію съ сѣвера на югъ и »соединяя всѣ свои воды неподалеку отъ »города, рѣка эта устремляется прямо къ

»нему, и подъ самыми стѣнами его снова »раздѣляется на два протока, образующіе »длинный и узкій островъ. На каждомъ »концѣ его возвышается по одному холму: »первый занятъ городомъ Серингапатамомъ; »на три четверти льё далѣе, на южномъ »скатѣ другаго холма, менѣе возвышен»наго, виденъ открытый городъ, совер»шенно индійскій *: » послѣдній называется *Петтахомъ* или Ганджамскимъ предмѣстьемъ. Въ прежнія времена онъ служилъ сторожевымъ, торговымъ и промышленнымъ пунктомъ царственнаго и воинственнаго города. Въ немъ есть лавки, гдѣ вы найдете еще нѣкоторыя изъ тканей, составлявшихъ нѣкогда славу и богатство Индіи, но почти отвсюду вытесненныхъ соперничествомъ Англичанъ. Компанія учредила здѣсь главное помѣщеніе для туземныхъ инвалидовъ, и устроила обширные магазины.

Прежде нежели войдешь въ городъ, съ сѣверо-западной стороны, надо проходить

* Монтолонъ де Семонвилль, въ Revue des Deux Mondes.

другимъ предмѣстьемъ, почти опустѣвшимъ, и многими мостами, переброшенными чрезъ Кавери, между прочими, такъ называемымъ, мостовымъ каналомъ (pont-canal), служащимъ вмѣстѣ и шоссе и водопроводомъ. По всему видно, что онъ устроенъ Англичанами въ то время, когда Серингапатамъ служилъ главною дивизіонною квартирою. Слѣдуя направленію этого шоссе по великолѣпной аллеѣ изъ фиговыхъ деревъ, мангиферъ и мимозъ, расположенной вдоль канала и ведущей къ крѣпости, вы открываете самые живописные виды. Здѣсь представляются веранги домовъ, видимыя въ профиль и спускающіяся гранитными лѣстницами до самаго уровня рѣки, въ родѣ бенаресскихъ гатовъ; сцена одушевлена купальщиками, приходящими для совершенія своихъ омовеній въ этихъ священныхъ водахъ. Далѣе—масса неприступныхъ развалинъ, увѣнчанныхъ великолѣпною зеленью пипуэля; основаніе ихъ завалено обломками, посреди которыхъ является темная зелень

погребальнаго растенія milk bush, покрытая пылью и окруженная заразительными испареніями. Отъ лѣтнихъ дождей давно уже сгнила вся плотничная работа; кровли обрушились, стѣны распадаются; еще нѣсколько новыхъ дождей, и все остальное сравняется съ землею, и слѣды человѣческаго жилища навсегда исчезнутъ. Нѣсколько памятниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, не смотря на непрочность свою, одни, по-видимому, силятся устоять противъ времени, тогда какъ все вокругъ нихъ обрушивается, и хотятъ пережить общее разрушеніе: это монгольскія гробницы изящной и легкой формы, яркихъ цвѣтовъ, съ красивыми, но ломкими рѣшетками и съ вызолоченными куполами. Подойдя къ первому подъемному мосту, мы поворотили въ сторону, и пошли вдоль вала для обозрѣнія знаменитыхъ укрѣпленій, которыя не могли спасти этого воинственнаго города. И вотъ они—въ томъ самомъ видѣ, какъ остались послѣ осады тридцать пять лѣтъ тому назадъ: инженеры ни-

чего не поправили; но рука времени слегка коснулась до этихъ массъ. Двѣ разорванныя гаубицы означаютъ еще то мѣсто, гдѣ осадная колонна, подъ начальствомъ генерала сэръ Давида Берда, вышла изъ траншеи и устремилась къ пролому. Приступъ сдѣланъ былъ въ самый полдень, 2-го мая 1799 года. Послѣ кровавой борьбы, соединенныя арміи—англійская, подъ предводительствомъ генерала Гарриса, и низамская, подъ командою Миръ-Алума, взяли Серингапатамъ, оставшійся въ ихъ власти. Типпу погибъ въ этой борьбѣ, и вмѣстѣ съ нимъ пало сильное государство, долженствовавшее, въ паденіи своемъ, увлечь за собою всѣ другіе престолы обширнаго полуострова. Дивная звѣзда Англичанъ, и при этомъ случаѣ, обнаружила свое вліяніе, какъ и при всякой другой эпохѣ рѣшительнаго переворота; спустя только три дня послѣ того, сильное наводненіе отъ неожиданнаго разлитія Кавери заставило бы осаждающихъ отступить, спасло бы султана и

дало бы, можетъ быть, другое направленіе судьбамъ Индіи.

«Путешественникъ, вступающій нынѣ »въ Серингапатамъ, находитъ мертвое мол- »чанье въ опустѣвшихъ стѣнахъ его; »настоящій городъ такъ малолюденъ, что »народонаселеніе, пріютившееся въ центрѣ »его около ничтожнаго базара, прости- »рается не больше, какъ до восьми сотъ »душъ; всѣ прочія части города, достаточ- »ныя для вмѣщенія сорока тысячь жителей, »въ совершенномъ запустѣніи и разруша- »ются *.» Среди этого хаоса, нѣсколько старыхъ деревъ—остатки покинутыхъ садовъ—мѣстами возносятъ свою сильную растительность и разстилаютъ покровы зелени своей надъ обломками домовъ. Дворецъ султана въ самомъ жалкомъ положеніи; осматривая его во всѣхъ частяхъ, можно однако-же узнать большую залу, въ которой находится возвышенное мѣсто, гдѣ сидѣлъ Типпу, когда давалъ торжествен-

* Монтолонъ де Семонвиль, въ Revue des Deux Mondes.

ныя аудіенціи. Можно также видѣть расположеніе внутреннихъ комнатъ, помѣщеніе для женъ его и залы его тѣлохранителей. На стѣнѣ одного изъ его кабинетовъ видна еще живопись альфреско, очень дурно исполненная европейскимъ артистомъ и представляющая битвы султана, также свиданіе его съ лордомъ Корнуаллисомъ. Дворы заняты длинными рядами чугунныхъ пушекъ всякаго калибра, которыя нѣкогда разставлены были по крѣпостному валу; но теперь онѣ безъ лафетовъ и уже не годятся въ дѣло.

Выходя изъ дворца, невольно направляешься къ великолѣпной мечети на тойже площади; минареты ея составляютъ главное украшеніе всей картины, и привлекаютъ взоры при первомъ вступленіи въ долину. Вышина ихъ простирается не больше, какъ на сто четырнадцать футовъ, при шести футахъ въ діаметрѣ; но призматическая форма ихъ придаетъ имъ еще болѣе вышины. Готическая архитектура, но

моему мнѣнію, никогда не достигала совершеннѣйшей красоты своего восточнаго первообраза. Не смотря на ея шпили, на ея смѣлыя стрѣлы, на ея самыя затѣйливыя рѣзныя украшенія, я все-таки предпочитаю простой минаретъ самой великолѣпной готической башнѣ. Архитектура эта всегда изображаетъ тяжесть и холодную грусть своего сѣраго неба, и съ удовольствіемъ подражаетъ ледяной кристаллизаціи нашего мороза; вамъ безпрестанно представляются въ ней сталактиты или сталагмиты, и тутъ я вижу только трудолюбивую фантазію ума прихотливаго и меланхолическаго. Напротивъ, восточная архитектура, со всею легкостью, рисуется на лазури неба, подобно кипарису садовъ своихъ, подобно цвѣтку на своемъ стеблѣ; она убираетъ себя яркими цвѣтами, блеститъ на солнцѣ, распускается въ воздухъ, въ полномъ свѣтѣ— легкая, прелестная, высокая, въ формахъ круглыхъ, горячихъ и сладострастныхъ: это пѣснь радости и надежды, возносящая-

ся къ облакамъ: хвала Богу на высотѣ небесъ! Вотъ впечатлѣніе, произведенное на меня восхитительною серингапатамскою мечетью—впечатлѣніе, которое ощущалъ я и тогда, когда обозрѣвалъ, съ самой высокой точки минаретовъ, дивную панораму, раскрывавшуюся передъ нами. Старикъ дервишъ, отправлявшій служеніе въ томъ храмѣ, вызвался сопутствовать намъ въ утомительномъ всходѣ на высоту минарета, съ намѣреніемъ долѣе разыгрывать роль чичероне, къ которой очень рѣдко представлялся ему случай. Тогда какъ мы шли вслѣдъ за нимъ, множество дикихъ голубей вылетали, при шумѣ шаговъ нашихъ, изъ многочисленныхъ отверстій, сдѣланныхъ въ стѣнѣ для того, чтобъ дать имъ пріютъ, и, воркуя, садились на легкихъ линіяхъ карнизовъ. Престарѣлый служитель алтаря объяснялъ намъ, довольно понятно, позицію союзныхъ войскъ во время осады, которой—по словамъ его—былъ онъ очевиднымъ свидѣтелемъ; указывая на мѣст-

ности, онъ описывалъ намъ многія подробности послѣдней битвы, и вызвался, когда мы сошли съ минарета, показать намъ, близъ небольшаго потаеннаго выхода изъ крѣпости съ лѣвой стороны, ведущаго къ внѣшнимъ окопамъ, то самое мѣсто, гдѣ найдено тѣло Типпу. Мѣсто, гдѣ лежала голова его, дѣйствительно означено плитою сѣраго гранита, въ которой вдѣлано желѣзное кольцо.

По словамъ дервиша, Типпу, утомленный личнымъ командованіемъ, въ продолженіе всего утра, артиллеріею, направлявшею огонь къ шанцамъ Англичанъ, отдыхалъ въ своихъ комнатахъ, какъ вдругъ пришли ему доложить, что Англичане, воспользовавшись самымъ жаркимъ временемъ дня, въ нѣсколько минутъ овладѣли проломомъ, входятъ уже въ крѣпость. Сомнѣваясь въ дѣйствительности этого извѣстія, онъ поспѣшно отправился удостовѣриться въ безнадежномъ своемъ положеніи. Видя, что все потеряно, онъ принялъ начальство

надъ отрядомъ преданнаго ему войска, и хотѣлъ сдѣлать вылазку, съ намѣреніемъ удалиться потаеннымъ выходомъ, о которомъ я сей-часъ говорилъ. Но лишь только появился онъ на этомъ мѣстѣ, какъ 12-й полкъ королевской арміи, обогнувъ крѣпостной валъ, приблизился къ нему съ наружной стороны. Завязалась кровопролитная битва; Типпу былъ тотчасъ раненъ, и весь отрядъ погибъ вокругъ него. Окровавленный, упалъ онъ на мостовую у самаго выхода, и одинъ солдатъ 12-го полка хотѣлъ сорвать съ него бриліантовое ожерелье. Такое оскорбленіе одушевило султана, который, сдѣлавъ послѣднее усиліе, приподнялся и сильно ранилъ солдата саблею въ голову. Англичанинъ, въ свою очередь, раздраженный нанесенною ему раною, заколоъ Типпу штыкомъ, не зная, съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

Когда впослѣдствіи начали дѣлить добычу, то бриліантоваго ожерелья уже не было. Разсказываютъ, что англійскій сол-

дать, воспользовавшійся имъ, принимая его за стеклянное ожерелье, продалъ эту драгоцѣнность, за бутылку водки, лекарю своего полка, и что послѣдній тотчасъ-же оставилъ службу, и пріобрѣлъ большое состояніе.

О смерти Типпу узнали спустя нѣсколько времени: генералъ Бердъ, командовавшій осадою, напрасно спрашивалъ о томъ у сыновей султана, которые не знали, что̀ сдѣлалось съ отцомъ ихъ и удалось ли ему скрыться. Общая молва говорила однакоже, что его видѣли раненымъ и едва влачащимся возлѣ выше названнаго небольшаго потаеннаго выхода, который былъ, можно сказать, заваленъ трупами: съ наступленіемъ ночи надо было зажечь факелы, для того чтобъ освѣтить конецъ этого кровопролитнаго дня. Послѣ многихъ поисковъ посреди всѣхъ этихъ тѣлъ, уже обнаженныхъ и плавающихъ въ крови, тѣло Типпу съ трудомъ можно было распознать: его подняли со всѣми возможными

знаками уваженія, и съ большимъ великолѣпіемъ перенесли на другой день въ мавзолей отца его.

Этотъ мавзолей былъ главною цѣлью нашей прогулки; престарѣлый дервишъ и въ этомъ случаѣ вызвался быть нашимъ путеводителемъ. Я увѣренъ, что его столько же побуждала къ этому врожденная Индійцамъ потребность слушать, или разсказывать легенды, сколько и желаніе получить вознагражденіе за свой трудъ. Послѣ нѣсколькихъ вѣжливыхъ отговорокъ съ нашей стороны, мы однако-же воспользовались его услугами. Выходя изъ города *валь-дервавехомъ* (Красными воротами), мы прошли во всю длину островъ, образуемый рѣкою Кавери. На половинѣ пути къ гробницѣ, проводникъ нашъ уговорилъ насъ поворотить въ сторону и посѣтить остатки увеселительнаго дома Типпу, примѣчательнаго по изяществу устройства и по богатству скульптурныхъ украшеній. Это прелестное жилище, построенное султаномъ

по плану его собственнаго изобрѣтенія, гдѣ любилъ онъ отдыхать отъ бурь жизни, служитъ нынѣ бóнгало европейскимъ путешественникамъ. Оно имѣетъ видъ прекраснаго четыреугольнаго павильона; передъ каждымъ изъ четырехъ фасовъ его устроена широкая галлерея и перистиль на нѣсколько ступенекъ отъ земли; пиластры галлереи, окна и внутреннія двери въ мавританскомъ стилѣ и весьма красивы. Рѣзьба по дереву чудесной работы, и—чтó удивительно въ тамошнемъ климатѣ—очень хорошо сохранилась. Въ первомъ этажѣ достойна примѣчанія весьма красивая пріемная зала, ведущая въ будуары, находящіеся по угламъ зданія; изъ нея есть также ходъ на прелестную терассу. Отсюда вамъ открывается дивный ландшафтъ; но сады предоставлены попеченію одной природы, и превращаются въ кустарники; бассейны истощились, и водометы уже не дѣйствуютъ. Послѣ осады Серингапатама, прелестное жилище это служило нѣсколько времени

главною квартирою полковнику 33-го полка, нынѣ Герцогу Веллингтону, тогдашнему коменданту крѣпости и Майсорскому губернатору. Теперь зараза овладѣла тѣми мѣстами: горе путешественнику, засыпающему подъ этою предательскою кровлей и останавливающемуся довольно долгое время подъ этою убійственною сѣнью! Это одна изъ тѣхъ прихотей природы, которую мы уже описали. Можно подумать, что ангелъ-истребитель съ огненнымъ мечемъ — духъ Гайдера и Типпу, носится по всѣмъ развалинамъ и по всѣмъ ближайшимъ окрестностямъ Серингапатама, и говоритъ Англичанамъ: Назадъ, проклятые! Небо вняло нашей жалобѣ; вы исключены изъ этого эдема; не входите сюда—иначе, погибнете!— Крѣпость, почти неприступная, историческая столица Майсора, театръ подвиговъ его жителей, и плодоносная Каверійская долина съ ея армидиными садами, по необходимости, навсегда оставлены завоевателями. Отъ нихъ остались однѣ только гроб-

ницы. Огромное кладбище, гдѣ возвышается множество великолѣпныхъ мавзолеевъ, свидѣтельствуетъ, до какой степени борьба была упорна; но, наконецъ, надлежало уступить ангелу-истребителю, и удалиться.

Когда выйдешь изъ павильона, то дорога ведетъ сначала въ Ганджамъ: это названіе прежней торговой части города, отдѣленной отъ крѣпости: объ ней я уже говорилъ. Пройдя ее, вы достигаете до южной точки острова. Здѣсь-то и находится *лаль багъ* (садъ розъ), посреди котораго возвышается царскій мавзолей. Тріумфальная арка, простая, но въ хорошемъ вкусѣ, служитъ достойнымъ входомъ въ него; потомъ широкая кипарисовая аллея, легкимъ, нечувствительнымъ скатомъ, ведетъ прямо къ памятнику Гайдеръ-Али и Типпу. Этотъ храмъ, круглой формы, съ куполомъ въ видѣ мусульманской шапки, построенъ на платформѣ между двумя другими зданіями, изъ которыхъ одно — мечеть, а другое — каравансарай. Три прекрасныя двери, сдѣ-

ланныя въ просвѣтъ (à jour), съ рѣзьбою по бронзѣ, отворяются внутри зданія, котораго всѣ украшенія изъ бѣлаго и чернаго мрамора и золота. Свѣтъ, проходя въ двери, падаетъ на три гробницы, поставленныя въ центрѣ ротонды и покрытыя алымъ бархатомъ. Гробница Гайдеръ-Али посрединѣ; съ одной стороны сынъ его, а съ другой жена. Помостъ вокругъ саркофаговъ, равно и въ перистилѣ, также изъ бѣлаго и чернаго мрамора въ видѣ четыреугольныхъ плитъ; изъ-подъ купола, находящагося прямо надъ гробницами, спущены, въ симметрическомъ порядкѣ, на шелковыхъ снуркахъ, большія страусовыя яица, съ которыми Индійцы соединяютъ суевѣрныя понятія. Сады вокругъ памятника обширны и хорошо содержатся. Близь самаго входа, позади некрасиваго обелиска изъ грубаго гранита, видѣнъ родъ портика или погребальной европейской часовни, не принадлежащей, по своей архитектурѣ, ни къ какому стилю и довольно въ дурномъ

вкусѣ. На черной мраморной доскѣ изсѣчено имя полковника Бальи, умершаго въ заточеніи у султана. Это тотъ самый военачальникъ, котораго армія истреблена была Гайдеръ-Али въ Перимбаукамской битвѣ, 10-го сентября 1781 года.

XXVII.

ПРИБЫТІЕ ВЪ БАНГАЛОРЪ.—ЗАМѢЧАНІЯ О КАВАЛЕРІИ И АРТИЛЛЕРІИ ИНДІЙСКОЙ АРМІИ.—ПРЕКРАЩЕНІЕ ДНЕВНИКА.

Отъ Серингапатама до Бангалора мѣстности представляютъ такъ мало любопытнаго, что я не намѣренъ занимать вниманіе читателя описаніемъ каждой станціи. Буду только останавливаться на обстоятельствахъ и наблюденіяхъ, наиболѣе примѣчательныхъ.

Прежде всего надо сказать нѣсколько словъ о самой дорогѣ, которая, отъ Серингапатама до Бангалора, едвали не лучшая во всей Индіи—широкая, хорошо проложенная и порядочно содержимая, осѣнен-

ная прекрасною аллеею изъ баобабовъ, фиговыхъ деревъ и тамаринтовъ и размѣренная камнями, означающими разстояніе по милямъ.

Первая, нѣсколько примѣчательная станція—Чинапатамъ: лѣтъ около двадцати тому назадъ, это былъ довольно значительный городъ съ многими фабриками. И теперь еще въ немъ производятся нѣкоторыя фабричныя работы, но число жителей видимо уменьшилось; оно простирается отъ трехъ до четырехъ тысячь душъ, и достаточно только для населенія трехъ или четырехъ улицъ, пересѣкающихъ одна другую въ центрѣ стараго города. Между развалинами видны еще остатки прежняго блеска. Крѣпость возлѣ города обнесена высокими и толстыми стѣнами, которыя нѣкогда служили ему, по-видимому, благонадежною защитою; говорятъ, что она четыре дня оборонялась противъ арміи Корнуаллиса; по бокамъ этихъ живописныхъ укрѣпленій стоятъ еще разрушающіяся ба-

нии. Видны также остатки прекраснаго *мадрассаха* или коллегіума, гдѣ я нашелъ нѣсколько любопытныхъ рукописей о Будійской религіи. Почти всѣ рукописи эти состоятъ изъ листьевъ пальмы *тали-патъ*, нарѣзанныхъ столбцами, на которыхъ слова начертаны желѣзнымъ или мѣднымъ стилетомъ.

«Тали-патъ, одно изъ самыхъ необыкновенныхъ произведеній растительнаго царства, достигаетъ иногда до вышины двухъ сотъ футовъ. Оно цвѣтетъ одинъ только разъ во все время своего существованія, и его цвѣтеніе служитъ предвѣстникомъ его смерти. Но, подобно фениксу, оно возраждается изъ самого себя; потому что, умирая, распространяетъ вокругъ себя зародыши новыхъ поколѣній. Листья его бываютъ до шестнадцати футовъ въ діаметрѣ: высушенные, они имѣютъ видъ ткани, которая можетъ складываться какъ вѣеръ: всякимъ твердымъ и заостреннымъ орудіемъ на нихъ можно проводить неизгладимыя

черты; по этому-то и употребляютъ ихъ вмѣсто писчей бумаги. Сэръ А. Джонстонъ имѣетъ нѣсколько такихъ рукописей, существующихъ, какъ полагаютъ, отъ пяти до шести сотъ лѣтъ и совершенно сохранившихся. Когда дерево достигаетъ полнаго своего роста чрезъ восемьдесятъ лѣтъ, то цвѣточная оболочка разрывается съ громкимъ трескомъ, и изъ нея выходитъ цвѣтокъ, бѣлый, какъ слоновая кость, простирающійся иногда до тридцати футовъ длины. Когда дерево отцвѣтаетъ, то, на мѣстѣ цвѣта, образуется родъ кисти, изъ которой, въ продолженіе пятнадцати, а иногда и двадцати мѣсяцевъ, падаютъ орѣхи, возобновляющіе породу растенія*. »

Пятая станція въ деревнѣ Беде́дъ. Весьма простое происшествіе, случившееся въ этой мѣстности, привело въ смятеніе всѣхъ тамошнихъ жителей и даже туземныхъ солдатъ нашего конвоя. Президентъ массы 55-го полка, желая запастись нѣкоторою

* *Oriental Annual.*

провизiею, нѣсколько уже дней недостававшею для общаго стола офицеровъ, наканунѣ послалъ впередъ одного молодаго сержанта для разныхъ закупокъ, такъ чтобъ онъ приготовилъ ихъ до прихода дивизiи. Сержантъ, недавно прибывшiй въ Индiю, вовсе не имѣлъ понятiя объ одномъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ народа, и утомленный утреннимъ зноемъ, выкупался въ единственномъ *баори* * близъ деревни.

Для составленiя себѣ понятiя о дѣйствiи, произведенномъ этою неосторожностью, надобно знать глубокое отвращенiе Индiйца отъ всего, до чего нидотронется Европеецъ — отвращенiе, столько-же физическое, сколько и моральное, основанное на

* *Баори* называется родъ купаленъ, какiя встрѣчаются только въ Индiи, весьма тщательнаго и нерѣдко монументальнаго устройства, въ стилѣ древнихъ римскихъ бань; отверстiе ихъ весьма обширно, и нѣсколько человѣкъ, въ одно время, могутъ черпать изъ нихъ воду, нимало не стѣсняя другъ друга. Нѣсколько гранитныхъ ступенекъ спускаются до уровня воды и продолжаются до нѣкоторой глубины подъ водою, такъ чтобъ можно было купаться. *Пр. соч.*

бѣломъ цвѣтѣ нашего тѣла, совершенно похожемъ на цвѣтъ тѣла пораженныхъ проказою въ тѣхъ странахъ. Бѣднаго унтеръ-офицера едва не убили на мѣстѣ, и онъ, вѣроятно, спасся отъ смерти однимъ только извѣстіемъ о нашемъ приближеніи. Между тѣмъ мы тронулись съ послѣдней станціи позднѣе обыкновеннаго: жаръ былъ чрезвычайный, и мѣшки нашихъ *пакалли* (водовозовъ, сопутствующихъ войску съ однимъ или нѣсколькими волами, навьюченными водою для питья) давно уже истощились. Каждый, располагаясь на отдыхъ въ лагерѣ, томился жаждою и нетерпѣливо желалъ утолить ее; но когда дежурные пакалли пришли къ водоему и узнали объ оскверненіи его, то ни подъ какимъ видомъ не хотѣли наполнить изъ него водою мѣшки свои. Слѣдовательно сипаи не могли тотчасъ освѣжиться и начать приготовленіе себѣ кушанья, но должны были дожидаться, пока возвратятся водовозы, утомленные уже утреннимъ походомъ и отпра-

вившіеся, вмѣстѣ съ вьючными животными своими, искать другой воды на большое разстояніе, можетъ быть, лье за два. Неудовольствіе и отчаяніе, произведенныя этою остановкой, тогда какъ въ двухъ шагахъ отъ насъ было нѣсколько сотъ кубическихъ метровъ свѣжей, чистой и здоровой воды, покажутся непонятною странностью тому, кто не знаетъ суевѣрія Индійцевъ, особливо въ отношеніи къ пищѣ. Брамины, хатріи, Индусы высшей и средней касты пьютъ только воду, почерпнутую ими самими, или кѣмъ нибудь той же касты.

Религіозные предразсудки ихъ относительно избѣжанія всякаго соприкосновенія съ человѣкомъ, непринадлежащемъ къ ихъ кастѣ, будетъ *ли* онъ христіанинъ, музульманинъ, или Индусъ, такъ сильны, что если при нихъ нѣтъ лоты (круглаго металлическаго сосуда) *для* варенія риса, то имъ надобно покупать, на всякой станціи, новую глиняную посудину, никогда еще небывшую

въ употребленіи (что̀ тотчасъ можно узнать по ея цвѣту). Посудина эта сто̀итъ, по крайней мѣрѣ, три или четыре сентима; и бѣднякъ, получающій на свое продовольствіе не больше пяти франковъ въ мѣсяцъ, скорѣе будетъ каждый день дѣлать эту издержку, ограничивая себя и безъ того уже въ скудной пищѣ, едва поддерживающей его существованіе, нежели рѣшится отступить отъ своего правила. Такъ какъ каждый, передъ уходомъ, обыкновенно разбиваетъ эту глиняную посудину, то и выходитъ, что въ окрестностяхъ всякаго селенія встрѣчаются цѣлые холмы, образовавшіеся изъ обломковъ глиняной посуды; и если селеніе совершенно уничтожено, то всегда можно найдти мѣсто его по слоямъ этихъ обломковъ, накопившихся возлѣ него. Обычай этотъ, по-видимому, существуетъ съ незапамятныхъ временъ; потому что Борнсъ, Поттинджеръ и другіе путешественники находили, по тѣмъ-же признакамъ, города, основанные Алексан-

дромъ, которые исчезли во времена, неизвѣстныя по Исторіи.

Безполезно было бы требовать какой нибудь услуги отъ Индуса—лакея, или сипая — или стараться отвлечь его вниманіе въ то время, когда онъ обѣдаетъ. Онъ считаетъ непремѣнною обязанностью скрываться въ это время, какъ будто при какомъ нибудь постыдномъ дѣйствіи; и если вы найдете его за обѣдомъ, то онъ поворотится къ вамъ спиною съ негодованіемъ, которое скорѣе будетъ выказывать, нежели скрывать. Жакмонъ разсердился однажды на одного изъ своихъ людей за то, что послѣдній, во время своего обѣда, покрылъ руку полою одежды, когда господинъ отдавалъ ему пакетъ, какъ будто для предохраненія себя отъ какой нибудь нечистоты, и Жакмонъ признается, что всякій другой Индусъ поступилъ бы такимъ-же образомъ. Все, что́ чуждо его кастѣ, служитъ ему предметомъ отвращенія за обѣдомъ; кромѣ этого священнаго часа, во

всякое другое время онъ ко всему довольно равнодушенъ. Что́ бы ни говорили о подчиненности, точности и совершенной дисциплинѣ сипаевъ, но согласитесь, что чрезвычайно затруднительно управлять арміею, составленною изъ такихъ людей. Какое военное движеніе можете вы предпринять противъ непріятеля, свободнаго отъ подобныхъ предразсудковъ и препятствій, когда солдаты ваши постоянно подвергаются опасности умереть отъ голода, или отъ жажды, если при нихъ нѣтъ своего собственнаго, или новаго сосуда для приготовленія пищи и для питья?

Кстати приведу здѣсь слѣдующій анекдотъ. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, женатый— слѣдовательно живущій своимъ хозяйствомъ —замѣтилъ, что у него пропадаютъ вещи изъ кладовой. Для прекращенія воровства, приказалъ онъ своему дворецкому, музульманину низшей касты, дать дотронуться до столовой посуды *метуру* (дворнику самой презрѣнной касты парій). «Это безполезно,«

отвѣчалъ слуга съ оскорбительнымъ просто-сердечіемъ: «*сагебъ гатъ далэ, то, бюсъ гаэ,* «*куаэ накинъ лекена* (довольно, если дотро-«нется самъ господинъ; тогда никто ничего «не возметъ),« и такимъ образомъ назвалъ своего господина нечистымъ. Само собою разумѣется, что его строго наказали за эту откровенность; но всякій другой слуга Индіецъ подумалъ бы то-же самое; только не осмѣлился бы высказать своей мысли.

Мая 12-го торжественно вступили мы въ Бангалоръ, гдѣ оставили нашего плѣнника въ старомъ зáмкѣ Гайдеръ-Али. Свободные отъ всякой отвѣтственности, мы пять дней сряду были роскошно угощаемы генераломъ Гáукеромъ, начальникомъ дивизіи и разныхъ полковъ гарнизона: это была настоящая свадьба Гамаша. Въ Индіи живутъ не такъ, какъ бы слѣдовало жить: просвѣщенный Европеецъ унижаетъ себя въ глазахъ Индійца неразборчивостью своего вкуса. Во-первыхъ, онъ ѣстъ мясо *нечистаго животнаго*, свинину, чрезвычайно

вредную въ той сторонѣ; во-вторыхъ, каждый являетъ собою примѣръ непростительной жадности и неумѣренности. Отъ этого происходитъ ужасная смертность, каждый годъ похищающая множество избранной англійской молодежи. »Одной воли »надъ самимъ собою недостаточно — гово-»ритъ Жакмонъ; надобно имѣть необыкно-»венное своенравіе, чтобъ быть воздерж-»нымъ, когда живешь посреди людей, не-»знающихъ никакой умѣренности.« Я самъ испыталъ это: по темпераменту своему, я повсюду воздержнѣе, нежели то общество, въ которомъ живу; но въ Индіи мнѣ невозможно было держаться въ границахъ должной умѣренности по системѣ, которую бы я предписалъ самому себѣ, еслибъ могъ жить одинъ и имѣть свой собственный столъ. Вопреки моему желанію и французскимъ привычкамъ моимъ, я часто принужденъ былъ вдаваться въ крайности, которыя впослѣдствіи разстроили мое здоровье.

На другой день послѣ нашего прибытія

мы обѣдали съ офицерами 13-го драгунскаго полка королевской арміи. Я говорилъ уже о роскоши общаго стола въ пѣхотныхъ полкахъ; но она ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ вы каждый день видите въ самомъ неприхотливомъ обществѣ офицеровъ кавалерійскаго полка. Это изысканность, блескъ, словомъ — чрезвычайность, о которой нельзя составить себѣ понятія на твердой землѣ Европы, и которая старается соперничать съ обѣдами и гостиными высшей англійской аристократіи; и потому офицерамъ на прожитокъ недостаточно огромнаго жалованья, ими получаемаго. Надобно имѣть собственное свое, очень хорошее состояніе и благоразумно распоряжаться имъ, служа въ англійскомъ кавалерійскомъ полку. Господа эти всегда принимаютъ видъ глубокаго пренебреженія къ бѣдности пѣхотныхъ офицеровъ, и выражаютъ его готовностью на оскорбительное гостепріимство; на примѣръ: они всѣмъ обществомъ пригласятъ къ своему столу вся-

каго пѣхотнаго офицера, служащаго въ томъ-же гарнизонѣ, или проѣздомъ останавливающагося въ городѣ, съ условіемъ принять его, какъ почетнаго члена ихъ общества, и не заставять его заплатить ни шиллинга; но такое приглашеніе имѣетъ видъ подаянія, котораго невозможно принять.

На другое утро мы смотрѣли разводъ всѣхъ войскъ гарнизона, которыя маневрировали нарочно въ честь намъ; съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ я движенія различныхъ кавалерійскихъ полковъ, и въ первый еще разъ имѣлъ случай сравнить ихъ съ французскою кавалеріею. Во Франціи вообще укоренился предразсудокъ, что всякій Англичанинъ непремѣнно отличный верховой ѣздокъ: ничуть не бывало; напротивъ, нахожу, что нѣтъ народа, который бы ѣздилъ верхомъ хуже Англичанъ. Ошибочное мнѣніе это основано на одномъ, впрочемъ, несомнѣнномъ обстоятельствѣ, на томъ именно, что англійская аристократія—классъ людей, путешествующихъ и

часто встрѣчаемыхъ на твердой землѣ Европы — дѣйствительно отличается превосходнымъ умѣньемъ ѣздить верхомъ; но это происходитъ отъ воспитанія, исключительно ей свойственнаго. Сыну лорда, или богатаго помѣщика едва исполнится пять лѣтъ, и его заставляютъ уже ѣздить верхомъ на клеперѣ, имѣющемъ весьма покойный ходъ и очень смирномъ; ребенокъ мало по малу привыкаетъ къ верховой ѣздѣ и пріобрѣтаетъ ловкость и смѣлость, которыя впослѣдствіи дѣлаются ему природными. Маленькія ноги его, по привычкѣ, принимаютъ форму, самую удобную для всадника, отъ чего онъ и сидитъ твердо въ сѣдлѣ; рука его дѣлается твердою и легкою, и, достигнувъ до двадцатилѣтняго возраста, этотъ молодой человѣкъ, какъ настоящій джокей, несется на травлѣ за лисицею, перескакиваетъ чрезъ заборы, отличается на скачкахъ. Но сынъ англійскаго гражданина, или крестьянина не имѣетъ средствъ усовершенствоваться въ верховой ѣздѣ. Удовольствія,

доставляемыя ею, обходятся очень дорого и почти запрещены городскимъ жителямъ: ими пользуются только владѣльцы земель; а земли въ Англіи принадлежатъ, по большой части, аристократіи. При умѣренномъ состояніи, восмнадцати или девятнадцатилѣтняго молодаго человѣка посылаютъ иногда въ манежъ взять нѣсколько уроковъ верховой ѣзды. Этого было бы достаточно для насъ, но не для плотныхъ собою Англичанъ, въ которыхъ все тяжело, массивно, неповоротливо и неловко. Каковъ бы ни былъ успѣхъ этихъ первоначальныхъ уроковъ; но если молодому человѣку придетъ фантазія, или имъ овладѣетъ тщеславіе вступить въ конный полкъ, въ той мысли, что мундиръ къ нему очень идетъ, то ему стóитъ только купить чинъ подпоручика, не проходя никакой школы верховой ѣзды и не подвергаясь никакому экзамену. Тогда только, какъ вступитъ онъ въ отправленіе офицерской должности, его отдадутъ подъ присмотръ полковому берей-

тору (riding master), имѣющему офицерскій чинъ, но который, какъ обыкновенно случается, выслужась изъ рядовыхъ, находится въ затруднительномъ положеніи въ отношеніи къ офицерамъ, и старается пріобрѣсти друзей между своими товарищами-джентльменами; выходитъ, что онъ совсѣмъ невзыскателенъ. Чрезъ полгода или чрезъ годъ новичекъ-офицеръ освобождается отъ присмотра, и довольствуется умѣньемъ ѣздить верхомъ столько, сколько нужно для того, чтобъ не упасть съ лошади во время ученья. Иногда изъ пѣхоты въ кавалерію переводится офицеръ двадцати пяти или тридцати лѣтъ: тогда результатъ бываетъ еще посредственнѣе. Сколько могъ я судить по полкамъ англійской кавалеріи, которые случалось мнѣ видѣть въ Индіи, мнѣ казалось, что третья часть офицеровъ очень хорошо ѣздили верхомъ (почти всѣ они принадлежали къ аристократіи); остальные же были настоящіе мѣшки. Еслибъ я хотѣлъ представить примѣры, то могъ бы начать съ

подполковника Б., благороднѣйшаго человѣка, любезнаго въ обществѣ и отличившагося храбростью въ испанскихъ войнахъ, когда онъ былъ еще пѣхотнымъ офицеромъ; но переведенный въ кавалерію на половинѣ своего поприща, онъ долженъ былъ отсутствовать, сказываясь больнымъ, всякій разъ, когда было довольно большое ученье. Всѣ знали, что онъ не могъ выстрѣлить изъ ружья, даже на лугу, ровномъ какъ коверъ, не упавши съ лошади.

Солдатамъ еще труднѣе выучиться хорошо ѣздить верхомъ. Они набираются вербованьемъ между тѣми-же людьми и точно такъ-же, какъ и въ инфантерію, между чернью городовъ — негодяями съ фабрикъ и изъ мастерскихъ всякаго рода. Ни одинъ сынъ фермера, довольно безбѣднаго — имѣющій случай ѣздить верхомъ на лошадяхъ своего отца, когда отправляется на работу въ поле—не пойдетъ въ солдаты, въ числѣ которыхъ изрѣдка встрѣтите вы развѣ только человѣка, бывшаго конюхомъ.

Если исключить солдатскихъ дѣтей, число которыхъ весьма ограничено (ежегодно восемь или девять человѣкъ рекрутъ на каждый полкъ), то изъ двадцати кавалеристовъ едва-ли найдется одинъ, который бы ѣздилъ верхомъ до вступленія въ службу. Кто не ѣздилъ верхомъ въ первой молодости, тотъ никогда не будетъ хорошимъ ѣздокомъ. Въ слѣдствіе принятой системы набора рекрутъ, англійская кавалерія (исключая два или три полка, которые содержатся для парада и никогда не выступаютъ изъ Англіи)—не смотря на неоспоримое превосходство лошадей, красоту солдатъ, ихъ силу и неустрашимость—по необходимости, всегда останется посредственною, и никогда не будетъ въ состояніи рѣшить участь сраженія.

Англичане имѣютъ право гордиться своею пѣхотою; но кавалерія ихъ можетъ занять только второе или третье мѣсто. При сравненіи ея даже съ туземною компанейскою конницею, должно признать рѣшительное

превосходство послѣдней относительно верховой ѣзды. Индійцы настоящіе кентавры; они, по-видимому, составляютъ одно существо съ своими лошадьми: но, къ сожалѣнію, этимъ только и ограничивается похвала компанейской конницѣ. Если-бъ мнѣ давали на выборъ инфантерію, о которой *я* уже отозвался съ неблагопріятной стороны, и туземную *регулярную* кавалерію, то *я*, не колеблясь, предпочелъ бы первую. Дружное движеніе, отважность, особливо взаимная увѣренность одного въ другомъ, служатъ существенными качествами всякой кавалеріи. Нападеніе на непріятеля тогда только можетъ быть успѣшно, когда каждый надѣется на своего товарища, какъ на самого себя; когда первый въ ряду солдатъ увѣренъ во всѣхъ тѣхъ, которые за нимъ слѣдуютъ. Если опасаешься остаться одинъ, то малѣйшее препятствіе заставляетъ оглядываться назадъ: движенія замедляются и теряютъ всю свою силу. Инфантерія можетъ, по крайней мѣрѣ, полагаться на точ-

ную симметрію своихъ движеній, на неизмѣнную правильность своего хода: всѣ принуждены двигаться впередъ по той-же линіи; второй рядъ, подъ присмотромъ офицеровъ, поддерживающихъ его, никакъ не можетъ избѣгнуть необходимости идти за первымъ. При нападеніи кавалеріи, напротивъ, каждый всадникъ почти предоставленъ собственной своей волѣ: самые храбрые тотчасъ устремятся впередъ, и если въ отрядѣ есть трусы, то они скоро отстанутъ. Впрочемъ, туземцы очень хорошо знаютъ свои военныя достоинства, и вполнѣ умѣютъ цѣнить ихъ; они судятъ себя гораздо строже, нежели сколько сознаются въ томъ европейскіе офицеры: по этому они чрезвычайно осторожны, и эта осторожность отнимаетъ у нихъ духъ въ самую рѣшительную минуту.

Должно однако-же исключить изъ этого, не очень лестнаго, описанія полки нерегулярной кавалеріи, извѣстные подъ названіемъ *Скиннерова войска*, по имени неустраши-

маго учредителя ихъ, полковника Скиннера. Всѣмъ извѣстно отвращеніе Азіятцевъ отъ дисциплины. Полковникъ Скиннеръ полагалъ, что если устранить строгость и правильность, въ которыхъ нѣтъ особенной надобности для дѣйствій кавалеріи; если позволить солдатамъ носить одежду, сообразную съ ихъ обычаями и предразсудками; если увеличить ихъ жалованье и назначить имъ въ начальники людей знатнаго происхожденія, высшей касты и уважаемыхъ народомъ, то чрезъ это, въ высшихъ классахъ, обѣднѣвшихъ со времени покоренія Индіи, какъ между музульманами, такъ и между рыцарскими племенами Раджпутовъ, возбуждено будетъ соревнованіе вступать въ конницу. Онъ не обманулся; *риссалахи* (нерегулярные эскадроны) составлены изъ отличныхъ всадниковъ. Во всѣхъ войнахъ съ Мараттами, Пиндари и, въ послѣднее время, съ Афганами, они сдѣлали чудеса храбрости. Противъ Азіятцевъ, Козаковъ и даже въ стрѣлковыхъ сшибкахъ съ евро-

пейскими войсками, они несравненно превосходнѣе англійской кавалеріи. Еслибъ спросили у меня, въ чью пользу скорѣе можетъ кончиться битва риссалаха съ англійскимъ эскадрономъ равной силы и даже слабѣйшимъ; отвѣтъ незатруднителенъ: риссалахъ былъ бы разбитъ; но раздѣлите массу, и противопоставьте человѣка человѣку — сбуаръ (всадникъ нерегулярной кавалеріи), безъ сомнѣнія, одержитъ верхъ надъ Европейцемъ—убьетъ, или обезоружитъ его. Отъ чего же происходитъ эта слабость массы? Отъ недостатка дисциплины, отъ неумѣнія дѣйствовать общими силами. При нападеніи цѣлымъ эскадрономъ, сбуаръ дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы онъ былъ одинъ; неотступно преслѣдуетъ одного противника и надѣется только на самого себя, тогда какъ Европеецъ полагается на своего товарища.

Полки регулярной кавалеріи въ Индіи очень хорошо ремонтируются. Лошади, доставляе-

мыя правительствомъ, приводятся почти исключительно изъ компанейскихъ конныхъ заводовъ. Это прекрасная порода, смѣсь англійской, капской и арабской. Мнѣ кажется, однако-же, что европейскій всадникъ вообще слишкомъ тяжелъ для такой лошади. Драгунскія лошади не выдерживаютъ похода, если онъ продолжается нѣсколько мѣсяцевъ и если, при томъ, война идетъ довольно дѣятельно; но подъ туземцами лошади нисколько не терпятъ отъ этого. Впрочемъ, то-же самое случается и въ Европѣ, не смотря на плотный станъ Англійской лошади: на примѣръ, въ полки конной гвардіи—этого отборнаго, или, лучше сказать, параднаго войска, стараются выбирать людей колоссальнаго роста, на которыхъ лондонскій гражданинъ показываетъ съ улыбкою самодовольствія и самолюбія, необъяснимою для иностранцевъ, говоря имъ: «Look, here's John Bull for you; «вотъ вамъ образчикъ *Быка Ивана;*» (національное прозвище это очень нравится на-

шимъ сосѣдямъ, и они охотно даютъ его другъ другу). Еслибъ возобновилась континентальная война съ Англичанами, то искусный непріятель, въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ, будетъ избѣгать всякой битвы, которая могла бы нанести чувствительный уронъ его кавалеріи; въ первую кампанію онъ ограничится стрѣлковыми сшибками, и тогда не пройдетъ года, какъ англійскія лошади доведены будутъ до самаго жалкаго состоянія.

Въ нерегулярной кавалеріи ремонтъ производится по другой системѣ: каждый соуаръ долженъ имѣть свою собственную лошадь, на что́ и получаетъ удовлетворительное жалованье. Но какъ рѣдко случается, чтобъ онъ, на первый случай, имѣлъ достаточную на это сумму, то почти никто изъ солдатъ не держитъ собственной лошади, и обыкновенно риссалдаръ (начальникъ туземнаго эскадрона), съ согласія правительства, принимаетъ на себя ремонтъ для полка. Тогда онъ заключаетъ условіе

съ военнымъ начальствомъ доставлять извѣстное число лошадей по опредѣленной цѣнѣ. Лошади, до поступленія въ полкъ, представляются на осмотръ ремонтному совѣту, и потомъ уже раздаются соуарамъ, у которыхъ вычитается, изъ положеннаго имъ жалованья, по 15 процентовъ на ремонтъ до тѣхъ поръ, пока составится требуемая на то сумма. Если лошадь падетъ отъ болѣзни, то ремонтеръ принимаетъ этотъ убытокъ на себя; правительство же обязывается только замѣнить на свой счетъ лошадей, убитыхъ въ сраженіи.

Еще нѣсколько словъ о туземной кавалеріи. Еслибъ у меня потребовали доказательствъ въ подтвержденіе высказаннаго мною мнѣнія о превосходствѣ нерегулярнаго войска, учрежденнаго по мысли Скиннера, и о безсиліи регулярной [illegible] кавалеріи, то я не затруднился бы въ такомъ случаѣ: такъ, на примѣръ, въ Шурвангъ-Дурренской битвѣ, въ [illegible] году, цѣлый полкъ регулярной кавалеріи, 2-й Бенгальскій, со-

стоявшій подъ начальствомъ отличныхъ офицеровъ, пожертвовавшихъ собою для увлеченія солдатъ въ битву, и подкрѣпляемый прекрасною инфантеріею, бросился въ бѣгство при нападеніи врассыпную восьмидесяти афганскихъ всадниковъ подъ начальствомъ Достъ-Магомета, который наскакалъ на него съ саблею въ рукѣ и преслѣдовалъ бѣглецовъ до тѣхъ поръ, пока встрѣтился съ англійскими штыками. Напротивъ, я не знаю ни одного случая, въ которомъ бы нерегулярная кавалерія, организованная по системѣ Скиннера, подъ командою одного или двухъ европейскихъ офицеровъ, какъ въ бенгальскихъ, такъ и въ резервныхъ войскахъ гайдерабадскихъ, сиидскихъ, пунахскихъ и т. д., когда нибудь потеряла мужество; нерѣдко она являла даже примѣры геройства. Разсказываютъ объ одной битвѣ — во время войны съ Мараттами — въ которой слѣдовало вытѣснить непріятельскую кавалерію изъ лѣсу, гдѣ она находилась въ засадѣ. При

такой позиціи непріятеля, невозможно было сдѣлать правильнаго нападенія, а инфантеріи на ту пору не было по-близости; драгуны нѣсколько разъ пытались ударить на непріятеля, но безъ успѣха и съ большою потерею людей. Скиннеръ, находившійся близь того мѣста съ своими всадниками, вызвался овладѣть непріятельскою позиціею, и съ перваго раза выполнилъ это дѣло какъ нельзя лучше, разбивъ Мараттовъ и потерявъ весьма небольшое число своихъ солдатъ. Успѣхъ зависѣлъ отъ нѣсколькихъ поединковъ, которыми славится Скиннерово войско. Въ стрѣльбѣ изъ кавалерійскихъ ружей и въ дѣйствіи холоднымъ оружіемъ, эти всадники не имѣютъ соперниковъ. Не я одинъ приписываю столько достоинствъ Скиннерову войску: могу сослаться на генералъ-губернатора, Лорда Окленда, который исключилъ изъ арміи 2-й Бенгальскій кавалерійскій полкъ, въ наказаніе за его трусость, и замѣнилъ его учрежденіемъ 8-го полка *нерегулярной кавалеріи*, чѣмъ и оказалъ этому войску свое предпочтеніе.

Для дополненія нашего очерка англо-индійской арміи, намъ остается обозрѣть еще одну часть ея, самую важную изъ всѣхъ—орудіе, которымъ воздвигнуто и поддерживается зданіе англійской власти въ Индіи—артиллерію. Въ Бангалорѣ находятся почти всѣ ея отрасли, и могутъ дать удовлетворительное понятіе объ этомъ войскѣ. Мадрасская артиллерія состоитъ: 1) изъ полка конныхъ канонеровъ, раздѣленнаго на шесть ротъ, отъ ста до ста двадцати человѣкъ въ каждой; изъ нихъ три роты европейскія и три туземныя; 2) изъ четырехъ батальоновъ пѣхотной артиллеріи, изъ которыхъ три европейскіе, а четвертый голандазскій (туземный): въ трехъ первыхъ батальонахъ по четыре только роты, а въ туземномъ—шесть, также отъ ста до ста двадцати человѣкъ въ каждой.

Главная квартира конной артиллеріи—въ Бангалорѣ, гдѣ всегда находится рота англійская и рота туземная. Лошади этого войска, какъ упряжныя, такъ и верховыя,

выбираются изъ лучшихъ заводовъ; упряжныя ремонтируются чрезъ каждые четыре года. Пушки, лафеты, сбруя — все превосходно, все блеститъ: это высшая степень роскоши и совершенства. На маневрахъ нельзя не удивляться магической быстротѣ и стройности движеній при перемѣнѣ позиціи для нападенія, или для отступленія. Какое бы ни было мѣстоположеніе, гдѣ происходятъ маневры—по скаламъ ли, оврагамъ ли — артиллерія быстро скачетъ, и орудія несутся за лошадьми, какъ гончія собаки.

Должно однако-же замѣтить одно обстоятельство насчетъ туземной артиллеріи: съ намѣреніемъ не открывать туземцамъ всѣхъ тайнъ искусства, имъ не только не объясняютъ теоріи, но не показываютъ даже нѣкоторыхъ важныхъ практическихъ правилъ (между прочимъ, степени возвышенія, какое слѣдуетъ дать орудію относительно разстоянія); такого рода подробности передаются только англійскимъ унтеръ-офице-

рамъ, которыхъ, по крайней мѣрѣ, двое въ ротѣ.

Чтó касается до пѣхотной артиллеріи, то самая система запряжки затрудняетъ ея движенія, не смотря на отличное достоинство орудій и всѣхъ принадлежностей. Артиллерія эта не можетъ устоять противъ европейской арміи, и въ войнѣ со всякимъ другимъ народомъ, кромѣ Индійцевъ, ея дѣйствія должны ограничиваться осадою, или защищеніемъ крѣпостей. Запряжка ея состоитъ изъ шести, или четырнадцати воловъ, смотря по тяжести орудія; при управленіи волами, имъ крутятъ хвостъ вправо, или влѣво, то есть въ ту сторону, въ которую хотятъ направиться. Должность погонщиковъ отправляютъ *ласкары* * даже въ европейскихъ ротахъ. Сколько бы ни старались пріучить воловъ къ

* Читателямъ, можетъ быть, любопытно знать происхожденіе слова *ласкаръ*, часто употребляемое въ сочиненіяхъ объ Индіи. Персидское слово *лашкаръ* означаетъ экипажъ, войско, роту, и (лично взятое) всякаго солдата, рабочаго при арміи, или матроса — все равно, будетъ ли онъ въ обозѣ, въ самой арміи, или на кораблѣ. *Пр. Соч.*

лучшей ѣздѣ, результатъ всегда будетъ весьма неудовлетворителенъ, и Компанія, не увеличивая издержекъ, нашла бы болѣе дѣйствительной пользы въ совершенномъ уничтоженіи этого тяжелаго и страннаго войска и въ замѣнъ его на-половину меньшимъ числомъ конной артиллеріи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

Предыдущія описанія даютъ уже довольно удовлетворительное общее понятіе о главныхъ мѣстностяхъ въ Мадрасскомъ президентствѣ, по крайней мѣрѣ, о тѣхъ, которыя могутъ имѣть нѣкоторую важность въ связи съ политическими вопросами.

Объ арміяхъ королевской и компанейской я также говорилъ столько, сколько нужно для изображенія принятой въ нихъ системы и самаго достоинства какъ той, такъ и другой. Бо́льшія подробности могли бы имѣть занимательность для весьма немно-

гихъ читателей. Правда, я обозрѣлъ одну мадрасскую армію; но наблюденія, высказанныя мною объ ней, могутъ относиться и къ арміямъ двухъ другихъ президентствъ. Во второмъ отдѣленіи моей книги я дополню этотъ очеркъ новыми подробностями о составѣ и размѣщеніи англо-индійской арміи по провинціямъ.

Первыми страницами моего дневника, на которыхъ описывалъ я первыя впечатлѣнія путешественника, всегда самыя живыя и вѣрныя, пользовался я, какъ портфелемъ, куда удобно можно было вносить очерки нравовъ и обычаевъ, предразсудковъ и общественной жизни народовъ, которыхъ политическую жизнь готовился я объяснять, основываясь на обозрѣніи минувшаго и на предусмотрѣніи будущаго. Въ первый разъ вызывая моихъ соотечественниковъ къ наблюденію индійской политики, я полагалъ необходимымъ сначала перенести ихъ, на нѣкоторое время, въ тамошнюю атмосферу и, нѣкоторымъ образомъ, акклиматизировать

ихъ съ нею; но я не хочу употреблять во зло терпѣнія публики, и думаю, что этихъ очерковъ для нея достаточно.

Впрочемъ, ходъ моего журнала привелъ меня къ новому порядку дѣлъ, составляющему именно ту эпоху, съ которой должно начать изученіе современной Индіи. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ совершился важный переворотъ въ системѣ управленія Индіею. Парламентскій актъ отъ 28-го августа 1833 года, * утвержденный королемъ, преобразовалъ общество купцовъ въ комитетъ министровъ, взявъ у нихъ изъ рукъ вѣсы торговли и предоставивъ имъ вѣсы правленія и политики. Вопросы, къ разрѣшенію которыхъ приступаю, слишкомъ обширны для бѣглыхъ страницъ журнала: ихъ не должно перемѣшивать съ мелкими подробностями жизни одного человѣка. Наступило время для автора лично сойдти со

* См. »*Собранiи актовъ о привилегiяхъ, дарованныхъ Англійскимъ правительствомъ Остъ-Индской Компаніи и Лондонскому Банку,*« изданное на русскомъ языкѣ въ 1843 году, стр. 156. *Изд.*

сцены, и онъ проситъ снисхожденія у читателя за то, что заставлялъ его слѣдовать по первымъ, шаткимъ еще, стопамъ своимъ въ странѣ неизвѣстной. Теперь уже путь удобенъ; хотя онъ и проложенъ въ первый разъ, однако-же достаточно обозначенъ замѣтками, составляющими предметъ перваго отдѣленія этой книги. Читатель безъ труда можетъ слѣдовать по немъ, и важные политическіе вопросы, предлагаемые во второмъ отдѣленіи этого сочиненія, вознаградятъ, можетъ быть, однообразіе и незначительность первыхъ подробностей. Что́ касается до этой политики, то одинъ только чиновникъ англійскаго правительства могъ имѣть ключь отъ нея, и въ то-же время только иностранецъ могъ представить собою благонадежное ручательство въ безпристрастіи. Какъ Французъ по сердцу и воспитанію, какъ Англичанинъ по чувству благодарности и военнаго братства, авторъ смотрѣлъ на событія, которыхъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, безъ

страстей, безъ надежды, слѣдовательно безъ предубѣжденія. Рискуя самимъ собою, онъ сдѣлался поборникомъ истины, которой бы иностранецъ не могъ видѣть и которой бы Англичанинъ не захотѣлъ высказать. Особенное положеніе его, соединяющее въ себѣ оба эти условія, безъ сомнѣнія, придастъ болѣе цѣны слѣдующимъ страницамъ.

Англичане! слушайте меня безъ гнѣва; я показываю вамъ пропасть: путь, по которому вы слѣдуете, ведетъ васъ къ ней. — Русскіе! для васъ въ особенности должна быть любопытна моя книга: можетъ быть, вы найдете въ ней драгоцѣнныя указанія, и вамъ останется воспользоваться ими.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

